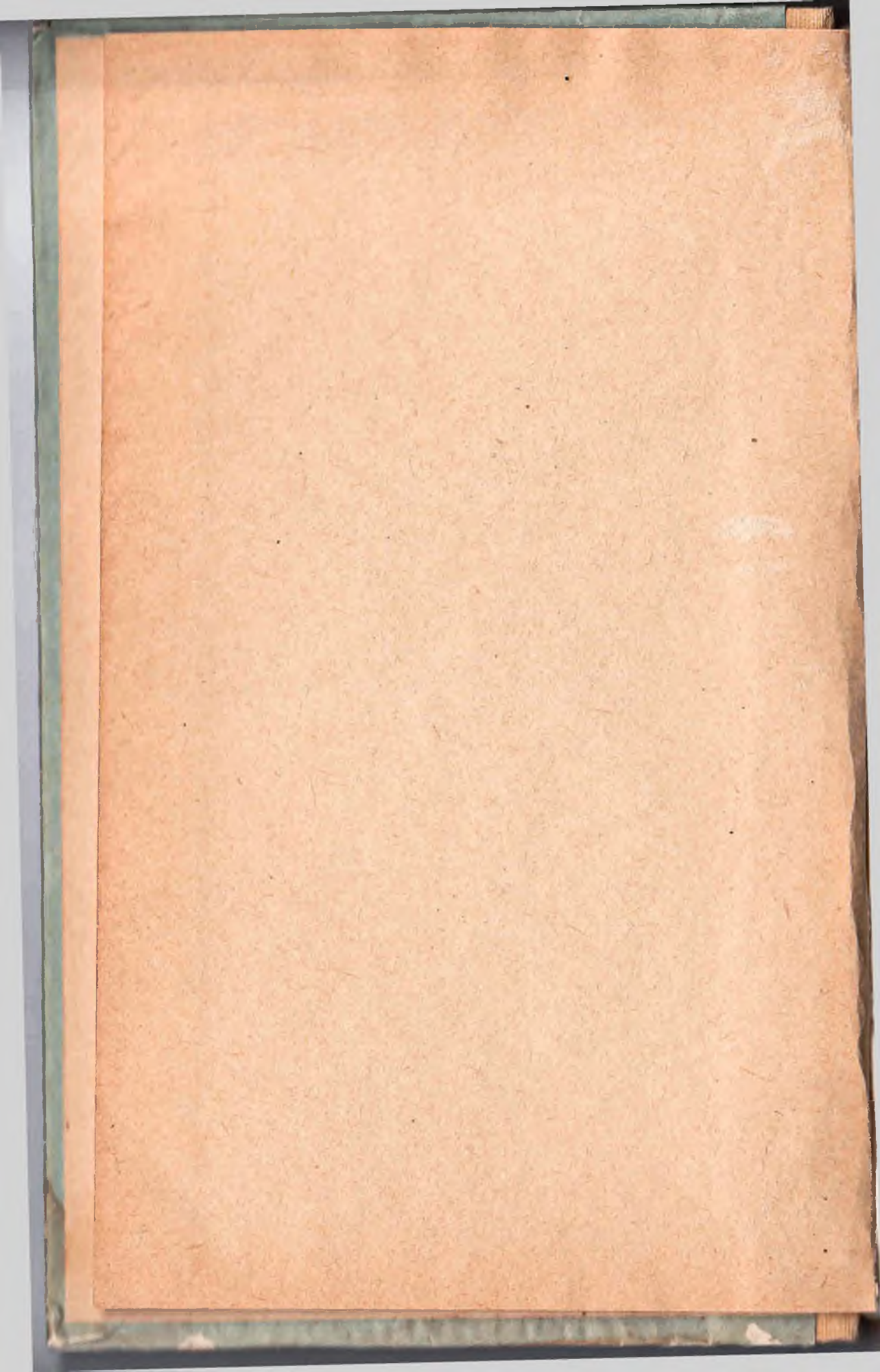

В. А. МИКАЕЛЯН

НА
КРЫМСКОЙ
ЗЕМЛЕ

„Айастан“

В. А. МИКАЕЛЯН

НА КРЫМСКОЙ ЗЕМЛЕ

История армянских поселений в Крыму

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЙАСТАН»
ЕРЕВАН, 1974**

9 (С 2) 1+9 (С 43) 1

М 59

М $\frac{1-63-4 (596) 72}{701 (01) 74}$ 74 „М“

В работе в краткой форме изложена история крупнейшей армянской колонии, начиная с глубокого средневековья вплоть до победы Октябрьской революции. Разносторонний материал, почерпнутый из памятных записей армянских рукописей в Крыму, из архивов Симферополя, Ленинграда, Одессы, Еревана и Москвы, а также из латинских источников, позволил широко осветить основные проблемы многовековой истории армянских поселений в Крыму: возникновение колонии, социально-экономические отношения, занятия крымских армян, их связи с другими народами, контакты с родиной, культурное наследие во всем его многообразии.

Глава первая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

В силу исторически сложившихся обстоятельств, в особенности вследствие периодических опустошительных нашествий извне, значительная часть армянского народа была вынуждена спорадически покидать свою родину и искать пристанища в чужих странах. Некоторые из этих стран впоследствии стали второй родиной для армянских переселенцев. Именно таким был для них и средневековый Крым, в различных уголках которого в течение нескольких столетий существовали армянские колонии со значительным населением. Вместе с этим Крымский полуостров был тем мостом, через который армянские переселенцы в средние века переходили на запад.

Начиная с XI—XII вв. потоки армянских переселенцев проникают в Крым и оседают там. Причиной этому послужили в основном политические события, разыгравшиеся на территории Армении в VII—XI вв. Войны между Византией и Багдадским халифатом из Малой Азии, Армении и Сирии, длившиеся почти 300 лет, а затем нашествия сельджуков в XI в. принесли Армении вместе со страшным опустошением и другое бедствие: насильственную или вынужденную депортацию населения. Арабское владычество и нашествия сельджуков сопровождались неслыханными лишениями, бесчисленными жертвами, полным или почти полным упадком экономической жизни Армении.

Положение в стране накануне и в период сельджукских нашествий ухудшилось также из-за завоевательной политики, проводимой Византийской империей. В

результате такой политики страна была разорена и лишена военной мощи. Именно об этом сетует историк Аристакес Ластивертци, который имея в виду события 1045 г. пишет: «В эти дни (в период политической неурядицы в царстве Багратидов.—В. М.) ромейские (византийские.—В. М.) войска в своем натиске четырежды вторгались в Армению, пока мечом, огнем и взятием в полон не обратили всю страну в безлюдье...

Ныне же царь (Армении.—В. М.) лишен своего сана, и в дальней стороне он восседает как пленник, взятый под стражу. Так же и патриарший престол лишен восседающего на нем... [Конница осталась без главаря и рассеялась—кто оказался в Персии, кто в Греции, кто в Грузии... Сепухский полк азатов покинул вотчины, они утратили [былую] пышность и повсюду скулят, подобно львям, в своем логове. Царские дворцы обратились в развалины и обезлюдели. Многолюдная некогда страна покинута жителями»¹. Верную оценку политики византийского двора, проводимой в Армении в период сельджукских нашествий, дал другой историк—Маттеос Урхаеци. «Византийцы,—пишет он,—обессилили Армению, уничтожили ее армию, и она оказалась беспомощной перед сельджуками, которые захватили затем и всю страну византийцев»².

Чтобы избавиться от чужеземного ига и сохранить свое физическое существование, часть армянского народа покинула родину в надежде найти спасение в других странах. Многие из переселенцев выбирали малоазийские области Византии, через которые они затем переходили на Балканы, в Константинополь, в прибрежные районы Черного моря. Достоверные исторические сведения свидетельствуют о том, что средневековые армянские поселения в Крыму поначалу образовались в основном за счет части этих переселенцев.

¹ «Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци», перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарии и приложения К. Н. Юзбашяна, Москва, 1968, стр. 81 и 83.

² Մատթեոս Արհալէցի, Ժամանակագրութիւն, Վաղղատ 1898, 135, 136 (Маттеос Урхаеци, Хроника, Вагаршапат, 1898, на древнеармянском языке).

Крымский полуостров был известен армянам еще в древних временах. Логически, вероятно, правильно предположение о том, что в войсках Митридата Евпатора в Таврике в качестве союзников сражались также воины-армяне¹. Основываясь на Страбона, К. Шахназарян находит возможным, что после завоеваний Митридата и Тиграна Великого армяне занимались коммерцией на берегах Черного и Каспийского морей и вели торговлю с сарматами и сиракийцами, жившими у реки Танаис, на Северном Кавказе и в низовьях Дуная².

Одно из первых сведений армянских источников о Таврическом полуострове мы находим в знаменитом письменном памятнике VI—VII вв.—«Ашхарацуйце»— («Армянской географии»). В ней дана довольно обстоятельная географическая характеристика полуострова³.

Начиная с VIII в. армяне играли важную роль в политической и экономической жизни Византии. Именно через Византию, которой до XI в. принадлежал ряд пунктов в Крыму, армяне проникали в Таврику. В начале VII в. в Херсонесе, например, проживал некий армянин-патриций, по имени Вардан, который впо-

¹ Ք. Փատկանյան, Նոր նախըզանի հիմնարկութունը և տարրիկյան ժամիրը (Հայկական ՍՍՀ Մինիստրների սովետին առընթեր Մաշտոցի անվան հին ձեռագրերի ինստիտուտի Մատենադարան), անհատ. անձանձ ֆունդ. թ. 137, վ. 68 (Г. Патканян, Основание Новой Нахичевани и таврические армяне, на армянском языке, архив Института древних рукописей им. Маштоца при Совете Министров Арм. ССР, личн. фонды, пап. 137, док. 68—в дальнейшем—Матенадаран).

² «Կոտնկ հայոց աշխարհին», Թիֆլիս, 1863, стр. 605 («Крунк ашхарин», журн. на армянском языке, Тифлис, 1863, стр. 605); Մարտրոն, բաղեց և թարգ. Հ. Աճառյան, Երևան 1940, էջ 35 (Страбон, избрал и перевел Р. Ачарян, Ереван, 1940, стр. 35, на армянском языке).

³ «Աշխարհացոյց Մովսիսի Խորենացոյ յաւելութեամբ նախնեաց», Վեների, 1881, էջ 16 («Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци», Венеция, 1881, стр. 16, на древнеармянском языке).

следствии сверж императора Юстиниана II и занял византийский престол¹. Армянские патриции в Византии в своих политических начинаниях обычно опирались и на своих соплеменников; потому можно предположить, что, восстав в Крыму, Вардан в числе своих сподвижников имел и армян. В житии славянского первоучителя в числе жителей Сурожа указаны и армяне². В X в. среди патрициев Херсонеса был и армянин, некий Калорик, через которого Византия стремилась наладить дипломатические отношения с киевским князем Святославом, намереваясь затем столкнуть его с болгарами³. Этот факт с достоверностью можно отнести к первым моментам армяно-славянских связей. Известно, что в период Киевской Руси, особенно после принятия ею христианства, в число народов, населявших Крым, входили и славяне. Также известно, что прибывшие с XI—XII вв. в Крым армянские переселенцы устанавливали контакты в первую очередь с христианским населением полуострова—греками и русскими. В последующие века (XIV—XVIII), как это увидим в специальном разделе, сношения крымских армян с русским государством, охватывавшие широкий круг вопросов, отражают важные моменты истории становления и окончательного оформления ориентации армянского народа на Россию, его вековой дружбы с великим русским народом.

Стимулом образования армянских поселений в Крыму служила и торговля, игравшая столь важную роль в жизни народов в средние века.

Попав в благоприятные места для торговли, торговые люди часто оседали там. За ними, уже не в целях торговли, а по другим мотивам шли ремесленники, земледельцы, вынужденно покинувшие родину. Торговцы как бы были для них первопроходцами. Н. Я. Марр правильно подметил, что вслед за торговым сословием ар-

¹ Ю. Кулаковский, *Прошлое Тавриды*, Киев, 1914, стр. 67.

² В. Г. Васильевский, *Труды*, т. III, СПб., 1915, CLXV.

³ Ю. Кулаковский, *Прошлое Тавриды*, стр. 112.

ми на избранных им же местах оседало также со-
словие земледельцев¹. Нечто подобное вначале имело
место и в Крыму, привлекающем армян своим удоб-
ным географическим расположением на торговых пу-
тих. Сохранилось немало письменных источников,
подтверждающих факт бойкой торговли армян, жив-
ших в XIII в. в Каффе (Феодосии) и Константинополе.
Это, в основном, нотариальные акты, относящиеся к
армянам-торговцам Каффы, а также Перы (Констан-
тинополя)². Основываясь на источниках, румынский
профессор Анджелеску пришел к выводу, что армян-
ские переселенцы проникали в северные районы Чер-
ного моря и в Крым также через придунайские терри-
тории. По его обоснованному предположению, армян-
ские переселенцы дважды проникли в румынские тер-
ритории. Те, которые пришли в XI веке, были вынуж-
дены перейти в северные районы Причерноморья и
затем долгое время жить среди татар³.

Армянские переселенцы переправлялись в Крым
также непосредственно с континента Малой Азии че-
рез Черное море, в частности, по морским путям Тра-
пезунд—Крым и Синоп—Крым. Эти пути были знако-
мы армянам еще с древних времен и особенно с
V—VII вв., когда, согласно свидетельству Константина
Богрянородного, Таврический Херсонес снабжался по
этим путям продуктами из Малой Азии.

О наличии в разных частях Крыма уже с XIII в.
постоянно проживавшего армянского населения свиде-
тельствуют многочисленные материалы, в которых раз-
носторонне освещена жизнь крымских армян в XIII в.,
а также в первой трети XIV в.

Интересные сведения о каффских армянах сообщают,
например, памятная запись одной из армянских ру-
кописей, написанная в Каффе в 1305 г. по заказу не-
коего архимандрита Аветика. Она ныне хранится во

¹ Н. Марр, Кавказский культурный мир и Армения, жур. Ми-
штерства народного просвещения, 1915, июнь, стр. 323—324.

² «Actes des notaires Cenois de Pera et de Kaffa de la fin du trei-
sieme siècle (1281—1290), Bucurest, 1927.

³ «Հայրենիք», Բոստոն, 1930, էջ 101 («Айреник», Бостон, 1930,
№ 3, стр. 101, жур. на армянском языке).

Французской Национальной библиотеке в Париже. Рукопись сообщает, что в том году стараниями архимандрита Аветика в Каффе была сооружена церковь Св. Троицы, а неподалеку от города, в монастыре Гамджак—церковь Св. Богородицы. Заказав две рукописи, архимандрит «одну из них положил в Гамджак, а другую—в церковь Св. Троицы в Каффе»¹.

Наличие церкви и монастыря (с церковью)—убедительное доказательство существования в этих местах религиозной общины. И если в 1305 г. армяне в Каффе соорудили церковь и монастырь, то не вызывает сомнения то, что количество их в городе было значительным. Да и сама рукопись непосредственно указывает на это. Она сообщает, что Аветик, побуждаемый необходимостью сооружения этих строений, «увещевал многих совершать жертвоприношения», т. е. убеждал многочисленных членов местной армянской общины.

Однако в Каффе армянские церкви имелись и раньше. Сохранились письменные сведения о том, что в период утверждения генуэзцев в приморских районах Крыма (60-е годы XIII в.) в городе имелись три армянские церкви, причем одна из них уже лежала в развалинах². Наличие в середине XIII в. разрушенной церкви, естественно, говорит о том, что она, следовательно и армянская колония, существовали задолго до этого.

В центре Феодосии и поныне возвышается армянская церковь Св. Саркиса. Некоторые исследователи считают, что она была сооружена до появления в Крыму генуэзцев, в X—XI вв. Сейчас невозможно определить точную дату ее постройки. Однако нетрудно заключить, что эта церковь построена до прихода генуэзцев. Ведь известно, что армянам, прибывшим в Каффу после генуэзцев, выделялись участки за пределами генуэзской цитадели города, за итальянским

¹ F. Macler, *Armenie et Crimée. Note d'histoire, notice de manuscrits, «Orient et Byzance», IV, 2, 1930, стр. 361.*

² М. К. Старокадомская, *Очерки по социально-экономической истории генуэзской Каффы конца XIII—первой половины XV вв.*, диссертация, М., 1950, стр. 261.

кварталом, носившим название Френк-Хисар. Так, согласно уставу Комитета Хазарии Генуэзской республики от 1316 г., консул Каффы мог сдавать в аренду армянам, грекам, русским и другим христианам — не-генуэзцам лишь те земли, которые находились за стеной города¹. Между тем церковь Св. Саркиса находится в самом центре города, почти в центре цитадели. Этот факт не оставляет сомнения в том, что церковь сооружена до появления генуэзцев в Каффе.

Одна из статей устава 1316 г. прямо указывает на факт наличия в Каффе армянских и русских церквей до появления генуэзцев (до 60-х годов XIII в.). Согласно статье, генуэзским консулам Каффы запрещалось распоряжаться той частью городской земли, на которой «издревле расположены церкви греков, армян и русских и монастыри этих церквей»². В уставе упоминаются три такие армянские церкви.

Необходимо подчеркнуть, что «издревле» здесь может означать и сотни лет и несколько десятилетий; факт, который показывает, что сооружение этих греческих, русских и армянских церквей нужно отнести, во всяком случае, не позже, чем к началу XIII в. Это обстоятельство со всей очевидностью подтверждает, что задолго до нашествия татар на полуострове имелось коренное христианское население.

Устав 1316 г. содержит специальный раздел: «О неизменении направления воды водопровода епископа армян». Закон запрещал жителям Каффы под каким бы то ни было предлогом или мотивом отводить воду водопровода, сооружавшегося по заказу и на средства «высокопочтимого епископа армян»³. Нарушителям устав угрожал штрафом в размере 3000 баликат аспров*. Разумеется, если бы армяне в городе не составляли

¹ «Monumenta historiae Patriae», t. II, Impositio Officii Gazae, 1838, стр. 407—408.

² Там же.

³ Там же, стр. 380.

* По вычислению итальянского ученого Канале 1 аспр = 2 су, т. е. 3 коп. серебром (по курсу 60-х годов XIX в.), см. «Записки Одесского общества любителей истории и древностей» (в дальнейшем «ЗОИД»), т. V, стр. 820.

внушительного числа, то, во-первых, их епископ не имел бы средств на сооружение водопровода и, во-вторых—не было бы нужды и в самом епископе (а следовательно, и епархии).

В самом деле, если бы крымские армяне были малочисленны, они не могли бы привлечь к себе внимание римского папы Иоанна XXII, который стремился обратить их в католическую веру. С помощью посланного в Крым епископа Еронимия папе удалось в 1318 г. обратить часть местных армян в католичество, вернее, заставить их признать его высшую духовную власть.

Существование в Крыму армянских поселений в XI в. находит подтверждение в мнении многих историков относительно грамоты князя Федора (Теодора) Дмитриевича от 1062 г., в которой он призывал армян на помощь. Текст грамоты гласит: «*Ecce Magni Ducis Theodori Demetrii filii kosochacensibus Armenis, qui huc volunt venire, veniant in auxilium meum, et ego vobis dabo libertatem, ad tres annos, et cum fueritis apud me, ubi quis voluerit illuc ibit libere*» («Вот от великого князя Федора Дмитриевича косохацким армянам. [Те], которые захотят сюда прийти [и] придут мне на помощь, и я дам вам свободу на три года, а когда будете подо мною, кто где захочет, там свободно поселится)¹. Основываясь на тексте грамоты, многие историки полагают, что слово «косохацкие» относится к крымским армянам, которым князь обещал привилегии в пределах своего княжества в случае, если они придут к нему на помощь.

Достоверные сведения о жизни таврических армян в XIII в. сообщает греческая рукопись. На полях греческого синаксара (четья минея, жизнеописания святых), написанного на пергаменте в приморском городе средневекового Крыма Судаке (Сугдея, Сурож, Солдая), сделаны заметки, которые свидетельствуют, что в этом видном торговом пункте полуострова вместе с

¹ «Науково-інформаційний бюллетень Архівного Управління УССР», Киев, 1962, № 4, стр. 10; см. также «Галицийский исторический сборник», вып. II, Львов, 1854, стр. 122—124, прил. 41.

греками жили и армяне. Заметки рассказывают о том, что в 1292 г. между греками и армянами в Судакe шел спор о времени празднования пасхи. Разумеется, подобные споры могли возникнуть лишь между общинами, а не отдельными людьми. Внимательное изучение текста подтверждает эту мысль: в нем речь идет о группе людей, об армянах вообще, неправильно праздновавших пасху. Другие заметки в рукописи приводят к тому же убеждению: они сообщают о смерти живших в Судакe армян — Давида, сына Смбата (1242 г.), Самата, сына Ефрема (1283 г.) и Ернич, жены Самата¹.

Письменные памятники свидетельствуют о том, что до XIV в. армянское население проживало и в других местностях полуострова. Так, подвергнув тщательному историко-лингвистическому исследованию две армянские надписи, обнаруженные в 1902 г. в Крестообразном храме Херсонеса, Н. Я. Марр определил, что одна из них относится ко времени не позднее XIII в². Датировка второй надписи из-за трудности прочтения им не установлена. Примечательно, что одна из надписей сделана на штукатурке, а другая — на мраморном основании. Последнее обстоятельство подтверждает то, что надписи сделаны в Крыму и исключает всякое предположение о том, что они могли быть привезены в Крым из Армении. Сказанное, разумеется, не относится к возможным исключениям.

О существовании армянского поселения в юго-западной части Крыма, в частности Херсонесе, говорят и другие материалы. Например, сравнение средневековой бани Херсонеса с баней замка Амберт в Армении (X—XI вв.), а также гончарных изделий и керамики Херсонеса и Армении (X—XII вв.) подтверждает их полное сходство³. Аналогичны также постройки этих бань и набор использовавшихся в них предметов. По

¹ «ЗООИД», т. V, стр. 598, 603, 609.

² Н. Я. Марр, Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе, «Известия Императорской археологической комиссии», вып. 10, 1904, стр. 1—2.

³ А. Л. Якобсон, Средневековый Херсонес (XII—XIV), М.—Л., 1950, стр. 81, 105, 117—118.

всей вероятности, в строительстве бани Херсонеса принимали участие и мастера-армяне, переселившиеся из Армении, тем более, что эпиграфический и антропологический материал подтверждает наличие в XIII в. и до этого армянского населения в Херсонесе и его окрестностях. Так, например, обнаруженные во время раскопок 1955 г. человеческие черепа в своем большинстве принадлежали арменоидам, что в свою очередь позволяет сделать вывод о существовании в Херсонесе в то время постоянного армянского населения¹.

В XIII в. армяне в Крыму, особенно на его юго-восточном побережье (Феодосия, Судак), экономически настолько окрепли, что являлись наряду с генуэзцами не только известными торговцами в бассейне Черного моря, но и, заключая различные торговые сделки, даже выступали в качестве кредиторов².

Таким образом, начало переселения армян в Крым, видимо, надо отнести к XI—XII вв. С этого времени, особенно в XII—XIII вв., на Крымском полуострове, в частности в его юго-восточных частях, уже имелись армянские колонии. Это же отмечает М. К. Старокадомская, основываясь на свидетельствах итальянских и арабских авторов: «Догенуэзское и дотатарское население южного берега Крыма в очень большей своей части состояло из русских, армян, греков и алан»³.

Так издавна возникли и существовали армянские колонии в Крыму, когда, согласно дошедшей до нас письменной истории (памятной записи одной из крымских армянских рукописей)⁴, их пополнил новый по численности гораздо больший приток армянских пересе-

¹ К. Ф. Соколова, Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955 года, «Херсонесский сборник», вып. V, Симферополь, 1959, стр. 73—74.

² «Actes des notaires», стр. 174, 225, 244.

³ М. К. Старокадомская, Очерки по социально-экономической истории генуэзской Каффы конца XIII—первой половины XV вв., диссер., М., 1950, стр. 261.

⁴ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 280—283 об.

ленцев. Это имело место уже в 30-х годах XIV в. и явилось прямым следствием татаро-монгольских нашествий в Армению в XIII в.

Военные удары монголов, усиливавшиеся в связи с их разбоем, насилия и налоги, тяжелое экономическое положение и опасность физического истребления стали причиной новых переселений, принявших на этот раз гораздо большие масштабы, чем даже в период сельджукских нашествий. Письменный памятник крымских армян рассказывает, что большая часть переселенцев-армян сначала прибыла в Ак-Сарай, находившийся на Волге между Казанью и Астраханью. С разрешения золотоордынского хана армяне развернули там широкую торговлю, занимались ремеслами. Рубрук говорит, что хан держал в своем дворце даже священников и переводчиков из армян.

В Золотой Орде армяне, однако, остались недолго — всего несколько десятилетий, до 1299 г. Они обратились к хану с просьбой дать им разрешение на переселение в Крым. Хан отказал им в этом, предвидя отрицательные последствия, которые с уходом армян не замедлили бы сказаться в области развития торговли и ремесленного дела. Тогда армяне, как полагает источник, были вынуждены с оружием в руках проложить себе путь в Крым.

Берега Волги они оставили в 1299 году, но в Крым прибыли лишь 30 с лишним лет спустя, в 30-х годах XIV в. По некоторым сведениям, они сделали долгую стоянку у берегов Азова, в городе Тане (в начале XIV в. там функционировала армянская церковь). В Крым они перешли по договору, заключенному с генуэзским консулом Каффы. Армяне нужны были генуэзцам не только в целях оказания сопротивления татарам, но и для участия в торговом соперничестве с венецианцами в Черноморском бассейне вообще и в развитии торговли в частности. Приходу армян способствовали, по-видимому, их соотечественники, издавна жившие в Крыму, и давнишние связи со славянским миром. Армянские торговцы Золотой Орды не могли не иметь

с ними тесных связей и постоянных контактов. Прибывшие на полуостров армянские переселенцы обосновались в Феодосии, Казарате (недалеко от Старого Крыма), в Старом Крыму и близлежащих к ним местах. О новом переселении армян в Крым свидетельствуют и другие письменные источники, например, арабская надпись, а также воздвигнутые ими в те годы многочисленные церкви и большое количество рукописей, написанных в скрипториях этих церквей.

Со второй половины 30-х годов XIII в. вплоть до 1783 г. в Крыму господствовали татары (вначале в виде отдельного улуса Золотой Орды, а с 1428 г. — Крымского ханства, зависимого с 1475 г. от Османской Турции). С другой стороны, с 60-х годов XIII столетия до 1475 г. на юго-восточном побережье полуострова властвовала генуэзская колониальная администрация. Армянские поселения находились в сфере влияния и татар, и генуэзцев.

Невзирая на сохранение родовой организации, в Крымском ханстве существовали отношения, типичные для кочевого феодализма. В распоряжении беев и мурз находились пастбища — основа кочевого скотоводства. Это давало возможность феодальной знати эксплуатировать широкие массы татар-скотоводов. Одним из основных средств обогащения татар была продажа невольников, которые доставались им во время их частых набегов на соседние страны, в частности на русско-украинские и польские земли. Она составляла одну из основных статей дохода ханства и была непосредственно связана с малопродуктивным хозяйством татар. Христианское население Крыма и прежде всего русские, армяне и греки, как в дальнейшем будет об этом изложено, периодически подвергалось опустошительным набегам татар. Междоусобные войны татарской феодальной верхушки и вообще набег татар проходили огнем и мечом по армянским, русским и греческим поселениям Крыма, принося им неслыханные лишения, разрушения и смерть.

С установлением в Крыму турецкого владычества (1475 г.) и с дальнейшим упрочением мусульманской веры среди татар отношения христианского населения с татарами стали еще больше ухудшаться, хотя ханство по-прежнему получало от христиан немало доходов, а последние не прекращали своего активного участия в жизни полуострова.

Христианское население Крыма, в том числе и армяне, сыграло большую роль в изменении образа жизни татар и прежде всего в переходе их к оседлости. Этому в значительной степени способствовало постоянное общение татар с русскими, армянами, греками и другими народами.

Размещение армянских поселений на Крымском полуострове не всегда было стабильным и поэтому в историческом аспекте его описание можно разделить на два периода: до 1475 г. и после (1475 г., когда над ханством было установлено турецкое владычество, приведшее к резким изменениям в количественном составе армянского населения. Вплоть до 1778 г. значительное число армян проживало в Каффе, Сурхате, Судаке, Кеозлеве, Карасубазаре, Ак-мечети (Симферополе), Орабазаре (Армянске, Армянском Базаре), Инкермане, в армянских деревнях Сала, Топлу, Нахичевань, Ортаманж и других, находившихся между Карасубазаром и Старым Крымом, а также недалеко от Судака.

Какова же была численность армянского населения в Крыму в середине века? Из официальной переписки генуэзских властей видно, что в 70-х годах XV столетия из 70 тысяч населения г. Каффы $\frac{2}{3}$, т. е. свыше 46 тысяч, составляли армяне¹.

В 1475 г. казначей и чиновники казначейства Каффы, предупреждая протекторов банка Св. Георгия о последствиях вмешательства каффских властей во внутренние дела армян, мотивировали это также их многочисленностью в городе. «Потому что вы имеете армянский народ, — писали они, — который составляет $\frac{2}{3}$ жителей города»². То же самое подтверждают ту-

¹ «Atti della societa Ligure di storia patria», vol. VII, p. II, Genova, 1879, стр. 248, 345, 727; см. также **С. Секиринский**, Очерки и истории Сурожа IX—XV веков, Симферополь, 1955, стр. 35.

² «Atti», vol. VII, стр. 345.

рецикленные источники, согласно которым из 70 тысяч граждан г. Каффы 65 процентов составляли армяне¹.

Это только в одной Каффе. А на всем полуострове? Крымское ханство не оставило нам статистических сведений о численности местного населения. Однако, основываясь на косвенных, но весьма достоверных сведениях, в частности на наличии многочисленных армянских населенных пунктов, городских кварталов, церквей и монастырей, можно без какого-либо сомнения утверждать, что вплоть до второй половины XVIII в. в Крыму наиболее крупным по численности контингентом после татар были армяне. Между тем армян было там намного больше в XIV—XV вв., так как после завоевания Крыма Турцией значительная часть местного армянского населения оставила полуостров, а многих из них турки угнали в Константинополь. Вывод о том, что после татар армяне в Крыму по численности населения занимали второе место, подкрепляется также следующими данными. По свидетельству европейских путешественников и памятных записей армянских рукописей, лишь в городе Каффе одновременно действовало более 30 армянских церквей, в Сурхате, по нашим неполным подсчетам—9, несколько десятков церквей и монастырей имелось в Судаке, Казарате, Евпатории, Бахчисарае, Армянском Базаре и армянских деревнях. В памятной записи, описывающей переселение армян из Золотой Орды в Крым, говорится, что после прибытия их в 1330 г. в Крым они «построили сто тысяч домов и тысячу церквей». Хотя число домов и церквей в записи, как нам кажется, явно преувеличено, однако основанием для этого, безусловно, послужила широкая строительная деятельность армян-переселенцев. В Крыму существовали две армянские епархии.

Столь большое число церквей и монастырей и наличие двух епархий дают основание предположить, что в Крыму проживало большое количество армян. Об этом свидетельствуют также многочисленность армян-

¹ Marian Mal'owist, Kaffa wdrugiej polowie XV-ego wiku, Warszawa, 1939, стр. 40.

ских населенных пунктов и широкая торгово-ремесленная деятельность, которую развернули армяне в средневековом Крыму. Высокопоставленные генуэзские чиновники Каффы неоднократно подчеркивали высокую численность армянского населения в Крыму. В 1455 г. консул и массары Каффы в своем письме к протекторам банка Св. Георгия (в его ведение с 1453 г. перешли итальянские поселения в Крыму), сетуя на незаконные действия римского епископа в отношении армян, писали: «Вы знаете, что эта земля большей частью населена армянами, они нам весьма преданы, опытные торговцы и приносят большие доходы»¹.

Среди всех армянских поселений Крыма самой крупной как по численности населения, так и по своему экономическому, политическому и культурному значению была армянская колония в Каффе, городе, который в XV в. по численности своего населения не уступал Константинополю². Здесь имелись армянские школы, десятки церквей, банки, торговые дома, караван-сарай, ремесленные цеха и др. Каффа была одним из главных духовных центров крымских армян, столь известным и важным, что в 1438 г. каффским армянам было предложено послать своих представителей на Флорентийский вселенский собор.

Вторым по многочисленности армянского населения городом после Каффы в XIV—XV вв. был Сурхат, который, по сообщению арабского писателя Ибн-Абдес-Захыра, в XIII в. «населяли люди разных наций, в том числе и русские»³. Тогда уже в городе существовала армянская колония. О сурхатских армянах сохранилось много сведений, содержащихся в памятных записях армянских рукописей. Имя Сурхат, вероятно, является искаженной формой названия армянского монастыря Сурб-Хач, основанного в 1358 г. и поныне возвышающегося в лесу недалеко от города Старый

¹ «Atti», vol. VI. 1868, стр. 365.

² W. Heyd, Geschichte des Levantehandels im Mittelalter, Stuttgart, 1879, стр. 177.

³ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, СПб., 1884, стр. 63.

Крым (Сурхат). Там было много армянских церквей, школ. Армянское население имело в городе свои кварталы, один из которых в XIV в. носил название «Верин охетнер»¹, т. е. верхний квартал с земляными домами.

Одно из крупных армянских поселений XII—XV вв. находилось в Судаке. Письменные сведения подтверждают, что в этом городе не позже XII в. имелось армянское поселение. По численности своего населения оно было таким значительным, что в латинских документах XV в. город и его округ именовались также «Большой Арменией». Такие упоминания мы встречаем в грамоте римского папы Евгения IV от 18 августа 1432 г. епископу Солдаи Августину. В ней говорится: «Досточтимому брату Августину, солдайскому епископу, в тех частях Большой Армении, где находится солдайская церковь» („Venerabili fratri Augustino episcopo Soldaiensi in partibus Armenie majoris in quibus Soldaiensis ecclesia sita est“)².

До последней четверти XV в. вблизи монастыря Сурб-Хач существовал небольшой армянский город Казарат. Армянские князья держали там войска и на договорных началах защищали Каффу от татарских нападений.

Кроме указанных мест армянское население значительными группами жило в Чембало (Балаклаве), Карасубазаре, Херсонесе, Чуфут-Кале. Имелось также сельское армянское население, проживавшее в деревнях Хаял, Бахчели, Орталанк, Сала, Топти, Хамышли, Нахичевань, Совук-Су, Шахиншах, Хшлав и др. Часть этих деревень была основана еще в XIV в.

Падение Каффы в 1475 г. и установление турецкого владычества в Крыму вызвали заметные изменения в количественном составе армянского населения, часть

¹ Է. Ս. Խաչիկյան, ԺԴ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, Երևան, 1950, էջ 370, 456, 460, 467, 518: (Л. С. Хачикян, Памятные записи армянских рукописей XIV в., Ереван, 1950, стр. 370, 456, 460, 467, 518, на армянском яз.).

² П. Кеппен, Крымский сборник (о древностях южного берега Крыма и гор Таврических), СПб., 1837, стр. 135.

которого ушла в западно-украинские районы, а другую турки угнали в Константинополь. Несмотря на это, сохранившиеся сведения показывают, что и в XVI—XVIII вв. армянские поселения в Крыму продолжали насчитывать значительное число жителей — в Каффе, Карасубазаре, Балаклаве, Кеозлеве, Перекопе, Сурхате. Приведем лишь свидетельство Пейсонеля, путешественника XVIII в.: «Среди христиан Крыма больше всего армян. В Каффе проживает 1200 семей. Греков же 600 семей»¹. В этот период, наряду с Каффой, армянское население было особенно многочисленным в Карасубазаре, Кеозлеве, Армянском Базаре и в армянских деревнях. Согласно сведениям армянских источников и сообщениям иностранных путешественников и мемуаристов, армянская колония в Крыму в начале XVII в. пополнилась за счет нового притока переселенцев. Это переселение было связано с движением и набегами джелалиев, когда армянский народ был вынужден вновь совершать массовые переселения в чужие края. Многие из этих переселенцев нашли себе убежище в Крыму, увеличив число местных армян.

¹ И. А. Гольдшmidt, Каффа—генуэзская колония в Крыму в конце XIII—первой половине XV вв., диссертация, 1952, стр. 215.

Г л а в а в т о р а я

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ КОЛОНИИ

В жизни армянских поселений Крыма на протяжении столетий важную роль играли торговля, ремесла и сельское хозяйство. В начальный период, до второй половины XIV в., среди всех занятий крымских армян доминировала торговля. Это отнюдь не означает, что позднее торговля утратила свое былое значение. Напротив, в дальнейшем она приобрела более широкие масштабы. Речь в данном случае идет о том, что до XIV в. другие занятия, в частности ремесла, еще не успели получить такого широкого распространения, как в XIV—XVIII вв.

Подъем и упадок торговли в крымских армянских колониях обуславливались той ролью, которую играл Крымский полуостров в международной торговле, а также внутренним политическим состоянием самого ханства. Начиная с XI в., когда в результате крестовых походов европейцы утвердились на восточном побережье Средиземного моря, Киликия, Сирия и Палестина стали важными торговыми узлами, связавшими Европу с Востоком. Но в конце XIII в. они ослабили свои позиции, так как складывавшаяся на Переднем Востоке политическая ситуация не способствовала развитию там торговли. Все это было связано с постоянными войнами между тюрками-сельджуками, арабами и Византией, потерей крестоносцами в конце XIII в. своих ближневосточных территорий и захватом египетскими мамлюками в 90-х годах того же века сирий-

ского побережья. Между тем средиземноморская торговля все еще довлела на Восток, что и повышало роль Черноморского бассейна. Европейская торговля на этот раз избрала путь, который проходил через Константинополь, Каффу, Тану, а оттуда через татарские владения на Восток. Из Каффы купец попадал непосредственно во владения татар, а последние, имея большие выгоды от торговли, вплоть до XIV в. в общем-то были не так уж плохо настроены к купцам. Из Индии же торговый путь шел в Крым по двум направлениям:

а. Через город Ормуз (на берегу Персидского залива), затем — Султанье и Тавриз, а оттуда — по суше к Черному морю и в Крым;

б. Индия—Астрабад—Каспийское море, вдоль реки Куры, мимо Тифлиса, по реке Рион — к Черному морю и в крымские порты¹.

В средневековой торговле Крыма, как внутренней, так и транзитной до XIV в. ведущая роль принадлежала генуэзским, армянским и греческим купцам, а в XV—XVIII вв. — русским и армянским купцам и торговцам.

Генуэзцев в Крыму было совсем немного: в 1475 г. в Каффе их насчитывалось всего 1000 человек². Торговля генуэзцев здесь охватывала главным образом Каффу. В силу своей многочисленности и торговых связей с татарами, славянским миром и Востоком армянское купечество и торговый люд занимали одно из ведущих мест в торговле. В то же время вместе с генуэзцами они доминировали и в самой каффской торговле.

Генуэзцы ввозили в Крым европейские изделия, а оттуда вывозили восточные товары, часть которых доставлялась в Крым армянскими купцами. Последние являлись также связующим звеном между генуэзцами и обширным «кипчакским миром», Востоком. Этим также объясняется терпимое отношение генуэзцев к армянскому купечеству, в то время как торговые интересы заставляли их с оружием в руках вытеснять из Черноморского бассейна своих конкурентов—соотечест-

¹ «Одесский вестник», 1858, № 88.

² М. К. Старокадомская, указ. диссер., стр. 268; «Atti», vol. VII, р. II, стр. 248.

венников-венцианцев. Армяне с их навыками и опытом нужны были генуэзцам не только в торговле, но и для связей с Крымским ханством. Знаток прошлого Таврики В. Х. Кондораки отмечал: «Всего вернее, что и представители генуэзской фактории обделывали все дела свои в ханстве через посредство армян, и поэтому считали их чрезвычайно нужными и полезными на таком пункте, как Таврида»¹.

Среди всех городов Крыма, начиная с XIII века, в качестве торгового центра и пункта транзитной морской торговли особенно выделялась Каффа, где, как уже отмечалось, торговую деятельность разворачивали также армяне. В своем рапорте, посланном 6-го сентября 1455 г. в Геную, консул и массары Каффы считали каффских армян «лучшими купцами»².

Нотариальные акты XIII в. красноречиво повествуют о всестороннем участии местных армян в каффской торговле. Купцы Пароз и Костар, например, как говорится в одном из актов, в 1289 г. направлялись в Трапезунд для торговли зерном, а другой акт также сообщает об армянах, которые тогда же в торговых целях нанимали у генуэзцев судна³. В 1290 г. группа каффских армян и греков подтвердила факт получения от некоего Вивальди Ловаджию товаров, захваченных у них пиратом Юрзуком. «Мы, армяне, Пиера Богза, Василий, Иван Мелик и Прике Аварян Еваха, греки— Теодорос и Коста, — записано в акте, — признаем, что ты, Вивальди Ловаджию, нам полностью вернул наше имущество, которое у нас забрал пират Юрзук... Официально признаем, что мы от тебя ничего больше не должны получить, обязываемся в будущем также ничего не требовать от тебя, и в качестве залога нашего соглашения оставим наше нынешнее и будущее имущество.

Составлено на территории Каффы, вечером 27 апреля 1290 г., по согласию указанных выше сторон, присутствовали следующие свидетели...»⁴.

¹ В. Х. Кондораки, Универсальное описание Крыма, т. 3, ч. 9, СПб., 1875, стр. 64.

² «Atti», vol. VI, стр. 365.

³ «Actes des notaires», стр. 174, 228.

⁴ Там же, стр. 272.

В торговой жизни Каффы большую роль играл, вероятно, и армянский ссудный и купеческий капитал¹. Даже генуэзцы порой прибегали к помощи армянских ростовщиков. Согласно нотариальным актам, составленным 23 июня и 28 июля 1289 г., армянские купцы Каффы Петрос, Киракос и Обервали ссужали других купцов². Довольно жестокими были условия ссуды. Например, итальянский купец Рафаеле Эмбрико объявлялся вышеуказанному армянскому купцу Киракосу «вернуть указанную сумму в двойном размере в качестве штрафа с возвратом понесенных расходов, если срок уплаты будет просрочен»³.

По всей вероятности, армянский ростовщический капитал в Каффе возрос и приобрел еще большее значение в XV в. Крупными банкирами-ростовщиками были, например, Кутул-бей, Каярес и другие армяне, которые в борьбе за епископский престол опирались на свою финансовую мощь. В письме, написанном в феврале 1475 г., каффский консул Кабелла сообщал протекторам банка Св. Георгия в Генуе, что подобных Каяресу в городе имеются 12 банкиров⁴—армян. Существование банка в Каффе в XV в. подтверждает также местный армянский писец Христосатур. В его рукописи, относящейся к 1431 г., говорится, что каждый 1 сом*, вложенный в банк, приносит в качестве

¹ М. К. Старокадомская, указ. диссерт., стр. 189.

² «Actes des notaires», стр. 225, 244.

³ Там же, стр. 244.

⁴ «Известия Таврической ученой архивной комиссии» (ИТУАК), № 55, Симферополь, 1918 г., стр. 164.

* Сом (или сонм) равнялся 200 аспрам, а иногда и 150 аспрам. В своих примечаниях к уставу 1449 г. В. Юргевич пишет об этом: «Сонмом обозначался только вес серебра, равняющийся стоимостью от 4½ до 6 р. сереб. Самое слово сонмо, которое переводится итальянцами по латыни *sonnus*, кажется, итальянского происхождения и может быть сравнено с итальянской *soma*, француз. *some*, т. е. тяжесть, так как сонмом обозначали тяжелые слитки серебра. В привилегии, данной генуэзцам Львом II царем армянским в 1288 г., называется клад или груз, навьючиваемый на животных—*sauma—sauma gamelli (cameli), sauma mulli (muli), sauma asinsi*» (см. «ЗООИД», т. V, стр. 820).

годового процента «14 белых», т. е. серебра. «Благочестивая дама Азиз-Мелик, дочь парона Амира, и ее сын монах Есаи дали монастырю Св. Антона 100 сом, положили [их] в банк, а проценты их — 1400 белых ежегодно получает банк»¹. Следовательно, банк, функционировавший в Каффе в XV в., имел своих пайщиков, которым в соответствии с вложенными ими суммами выдавал проценты, осуществлял определенные операции. Наличие банков объясняется отношениями, которые стали зарождаться в Каффе в связи с господством Генуэзской республики и большим торговым оборотом.

Торговые фактории генуэзцев вызвали к жизни учреждения, регулировавшие административные, юридические и экономические вопросы и являвшиеся полусамостоятельными органами власти. Сначала они подчинялись Генуэзской республике, а в последние десятилетия своего существования — правлению банка Св. Георгия в Генуе. В своей деятельности они руководствовались уставами 1290, 1316 и 1449 годов.

Устав 1449 г. проявлял осторожность в отношении вмешательства во внутренние дела других народов. Это, конечно, не означает, что армянам и грекам предоставлялись равные с генуэзцами права в административном и политико-экономическом управлении. Их, а также евреев, касались все законы и правила по торговым, оборонным, общеполитическим и другим вопросам. Как жители Каффы они подчинялись генуэзской колониальной администрации.

Однако подчинение генуэзским властям не лишало армян возможности создания своеобразного самоуправления в области церковных, национальных вопросов, в регулировании внутренней жизни армянских поселений. Устав 1449 г., например, специальной статьей запрещал римскому епископу Каффы вмешиваться в религиозные дела греков, армян, евреев и др. и притеснять их. «Поелику епископ г. Каффы, — читаем в уставе, — тревожит, говорят, иноверцев, притесняет их и грабит, что может быть причиною уменьшения числа жителей в городе и предместьях и послу-

¹ Матенадаран, рукопись № 7434, л. 395 об.

жит к явной опасности и вреду Каффы, то обсудив дело прилежно и придерживаясь форм другого древнего постановления, постановляем и узаконяем, чтобы г. епископ г. Каффы теперешний и все будущие не подписывали дел, принадлежащих епископу чужой епархии и не посягали на жатву другого народа, но довольствовались исправлением своих христиан (т. е. своей епархии.— В. М.) и утверждением их в благих делах и правде. Если же упомянутый епископ или кто-либо из его преемников не захотят внять просьбам и постановлениям г. консула, то обязаны г. консул и Совет старейшин позаботиться обсудить, решить и принять по своему установлению меры и способы, чтобы отклонить окончательно упомянутого епископа от подобных злоупотреблений и чтобы упомянутые греки, армяне, евреи и другие иноверцы были безопасны от всякого грабительства, посягательства на имение, когда кто умрет без завещания, и других притеснений упомянутого епископа. Решения и определения, сделанные консулом и Советом, должны быть соблюдаемы точно и ненарушимо, если же окажется, что консул и Совет поступили в подобных случаях вяло и оплошно, то должны подвергнуться взысканию по приговору синдиков»¹.

В отношении протекторов банка Св. Георгия на имя армянского епископа Каффы от 31 июня 1464 г. ограничивались права последнего, а также епископа армян-католиков брачными и духовными делами. «Вы должны заниматься брачными и духовными делами. Мы хотим, чтобы эти области всегда относились к вашей компетенции и исполнялись хорошо и почетно»².

Однако компетенция армянских епископов нередко охватывала весьма широкий круг вопросов. Например, консул Каффы не имел права без согласия армянского епископа наказать виновного, нарушившего брачные законы. Так, на протест банкира армянина Каяреса и базар-баши (начальника рынка) Аствацатура, арестованных на 29 дней в связи с похищением малолетней армянки, консул Бабтиста оправдывался перед судом тем, что выполнял лишь волю епископа армян.

¹ «ЗООИД», т. V, стр. 730—731.

² «Atti», vol. VII, p. 1, стр. 278.

«Светский судья никогда свою светскую власть не ставит выше духовных судей и предводителей в отношении к преступникам, — писал бывший консул Бабтиста в своем объяснении, представленном в суд. — ... Сам Бабтиста употребил свою власть и дал разрешение на арест лишь только по требованию достопочтенного епископа армян, и не имеет власти и права наказать того Асатура и Каяреса, которые совершили преступление в деле вышеуказанного брака, не желая подчиниться распоряжениям своего епископа...

Он, Бабтиста, не является лицом, арестовавшим вышеуказанных лиц; они были арестованы своим епископом; ему, епископу, перешла светская власть...»¹

Терпимость к иноверцам прежде всего диктовалась турецко-татарской угрозой. И очень часто власти были вынуждены ущемлять права римского епископа, идти вразрез с политикой католицизма. Дело иногда доходило до того, что консулы и массары Каффы в период до 1475 г. неоднократно жаловались в Геную на собственных епископов, требуя отзыва нежелательных.

Самоуправление в армянских поселениях охватывало не только вопросы церковной самостоятельности. Документы особенно первой половины XV в. содержат строгие, вплоть до применения угрозы сурового наказания, предупреждения о категорическом запрещении генуэзским чиновникам Каффы вмешиваться во внутреннюю жизнь армян. Это означает, что существовал широкий круг вопросов, регулирование которых относилось только к компетенции самих армян. С другой стороны, чем дальше ухудшалось внешнеполитическое положение генуэзцев в Крыму (захват турками Константинополя в 1453 г. и их угроза крымским факториям генуэзцев), тем больше они шли на уступки местным жителям.

Запрещение римскому епископу и генуэзским властям Каффы вмешиваться во внутренние дела армян было официально оформлено во многих документах и письменных предупреждениях, поступавших из Генуи. «Не без большой осмотрительности со стороны римской канцелярии и ваших властей (протекторов банка Св. Георгия. — В. М.) обдуманно запрещено, чтобы консулы

¹ «Atti», vol. VII, p. II, стр. 423.

и должностные лица Каффы не вмешивались в церковные дела армян, а также в дела их начальников»¹, — писал массар Скварчиафико протекторам 18 января 1475 г. Нетрудно догадаться, что было немало дел, которыми распоряжались «начальники армян» и в которые генуэзцы не имели права вмешиваться. Безусловно — это один из факторов, подтверждающих наличие внутренней автономии в армянских поселениях Крыма.

Лояльность проявлялась также к армянам и грекам, жившим в предместьях города. В отдельной статье, озаглавленной «О том, чтобы не делать притеснений жителям предместий», устав постановлял: «§ 1. Постановляем и узаконяем, что военный надзиратель ворот на предместьях не должен иметь никакого дела с жителями тех мест и не смеет делать им притеснений, требуя денег или повинностей, кроме одной только почной стражи, за которую от невыполняющих ее может взять только один аспр.

§ 2. Также не вправе брать упомянутый надзиратель из предметов, ввозимых чрез упомянутые ворота, ни вещей, ни припасов, ни пожитков, ни чего бы то ни было, кроме одного полена, которое берется для отопления оргузиев в зимнее время...»²

Своеобразная самостоятельность в решении целого ряда вопросов внутренней жизни армянских поселений, по всей вероятности, распространялась и на армянские поселения, находившиеся непосредственно на территории ханства, например, на солахатских, карасубазарских и других армян. Самостоятельность эта во время генуэзцев не распространялась на все вопросы внутренней жизни армян. Например, книги душеприказчиков армян, впрочем как и греков и генуэзцев, подлежали ревизии со стороны четырех генуэзских чиновников, специально выбранных для этой цели. Их выбирали «для точной и тщательной ревизии картулариев или книг всех душеприказчиков и исполнителей завещаний или последней воли умерших, чтобы узнать выполняют ли они возложенное на них душеприказни-

¹ «Atti», vol. VII, p. II, стр. 186.

² «ЗООИД», т. V, стр. 702.

чество хорошо, законно, справедливо и согласно с волею завещателей. Каковое постановление относится к латинам, грекам и армянам, умирающим в Каффе, эти же четыре чиновника должны смотреть, чтобы упомянутые душеприказчики распоряжались, устраивали и раздавали по воле завещателей, под опасением заплатить в наказание своими деньгами то, что раздадут против воли умерших»¹.

Как жители Каффы армяне материально участвовали в содержании должностных лиц, безусловно исходя из своих экономических интересов. Например, в своей петиции, посланной в Геную в 1455 г., они высказывали сожаление по поводу того, что истратили много денег на содержание и прокормление ночных и дневных стражников, но им ежедневно приходилось по вечерам переносить свои товары из лавок домой². Такую же петицию послали греки и евреи, тоже стремившиеся обеспечить безопасность своего торгового капитала.

По предположению некоторых ученых, армяне в Каффе имели вооруженную силу. Во всяком случае, в пользу наличия в Крыму в тот период их вооруженной силы говорит тот факт, что консул Каффы назначил армянского князя Теодора Мугаленца командующим «у реки Казарата»³. Находившийся рядом с армянским монастырем Св. Креста укрепленный пункт Казарат защищал Каффу с севера от татарских набегов. В самой Каффе армянская община на свои средства провела вторую оборонительную стену, носившую название «Айоц-берд» («Армянская крепость»). Воздвижение армянами укрепленного пункта, безусловно, предполагает содержание ими там вооруженной силы с целью обороны.

Наряду с Каффой известными торговыми центрами в Крыму были Судак, Сурхат, а позднее Евпатория, Карасубазар, Бахчисарай. В конце 30-х годов XVIII столетия оживившаяся торговля с севером и в особенно-

¹ «ЗООИД», т. V, стр. 762—763.

² «Atti», vol. VI, doc. CXLVI.

³ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 282 об.

сти с русским государством вызвала к жизни другой торговый центр полуострова — г. Армянский Базар. Его основали перекопские армяне, которые имели там свои караван-сарай, складские помещения.

В течение длительного периода значение Армянского Базара все возрастало в связи с расширением транзитной сухопутной торговли. Всего 20—25 лет спустя после основания города посетивший его в 1761 г. посол и агент прусского короля Фридриха Великого Фон дер Гольц был в восторге от городского рынка с его удобством для транзитной торговли. «В расположенной в четырех верстах от Перекопа деревушке под названием Армянский Базар, — армянской фактории с пользовавшимся известностью рынком, — Гольц увидел те непрерывно дымящиеся кухни, о которых ему уже рассказывали по пути и в которых приготавливались самые изысканные блюда для утоления голода многочисленных путешественников и купцов, посещавших здешние места»¹.

В средневековый Крым **ввозились** разные ткани, меха, ковры, вино, фрукты, предметы роскоши, пряности и др. Они ввозились не только для сбыта в Крыму, но и для отправки в другие страны.

Из Крыма **вывозились**: рыба и икра (помимо черноморской, также кубанская и азовская), хлеб, соль, мыло, сахар, воск (основная часть его доставлялась в Крым из Черкесии и Абхазии, куда преимущественно ездили армянские купцы), меха (привозили в основном русские купцы) и др.

В Крыму широкое распространение имела купля и продажа невольников. Этим занимались в основном итальянские купцы, в руках которых была сосредоточена торговля с Египтом — центром работорговли. Они же владели и средствами морской транспортировки², без которой покупка невольников в Крыму не имела смысла. «Генуэзцы Каффы, — подчеркивает М. К. Старокадомская, — занимались не только перевозкой ра-

¹ Теодор Мундт, Крым-Гирей — союзник Фридриха Великого, Симферополь, 1909, стр. 11.

² W. Heyd, указ. соч., стр. 202.

бов для Египта — они поступали на службу султанам с целью занятия посреднической работорговлей»¹.

Пленники — этот живой товар — служили средством обогащения татарской феодальной знати: ханов, беев, мурз. Основными районами грабительских набегов татар и угона ими пленников служили русско-украинские земли, Польша, Молдавия, Северный Кавказ. Ведя малопроизводительный образ жизни, татары одну из основных статей своего дохода видели в грабежах и угоне пленных. По подсчетам проф. А. Новосельского, в первой половине XVII в. татары угнали в плен 150—200 тысяч русских².

Торговля невольниками нашла отражение в уставе 1449 г. В статье «О том, чтобы жителей Каффы не продавать вместо невольников» строго запрещались купля и продажа лишь жителей Каффы, а не невольников. В 1421 г. генуэзцы требовали от египетского султана вернуть их купцам 16 тысяч золотых дукатов, которые были захвачены у них в виде контрибуции за невольников из Каффы³.

Торговля в Крыму велась как отдельными купцами, так и их объединениями, которые возникали с целью сокращения издержек, обеспечения безопасности, вовлечения в торговлю людей, владевших капиталом даже небольшим по объему. Созданию объединений способствовало, в конечном счете, расширение торговли. Наиболее известными были морские товарищества, в которых в качестве торговцев и кредиторов принимали участие также крымские армяне. Немаловажную роль в развитии сухопутной торговли играли караван-сарай. Армянская рукопись, написанная в Каффе, повествует о том, что прибывшие в Каффу из Армении — из области Гохти, армянские купцы занимали отдельные караван-сарай⁴. Армянская торговая фактория в Армянском Базаре, как уже отмечалось,

¹ М. К. Старокадомская, указ. диссерт, стр. 142.

² А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в XVII веке, М.—Л., 1948, стр. 436.

³ «ЗООИД», т. V, стр. 835.

⁴ Матенадаран, рукопись № 1050, л. 311.

тоже располагала несколькими караван-сараями и богатым рынком, где обменивались товары.

Крымская торговля в средние века велась в нескольких направлениях. Таврические армяне, например, установили тесные торговые контакты со многими странами Европы и Азии: с Россией, Польшей, Венгрией, Турцией, Венецией, Генуей, Киликией, Золотой Ордой, Кавказом. Их торговой деятельности способствовало также то обстоятельство, что во всех указанных странах имелись армянские поселения.

Армянские купцы Крыма вели оживленную торговлю в Польше и подвластных ей западноукраинских областях. Принимая деятельное участие в торговых связях юго-восточной Европы, они держали своих постоянных торговых агентов в Польше, Галиции, Венгрии, Трансильвании, Литве и Банате¹.

Торговля таврических армян в Польше нашла свое отражение в крымских армянских рукописях. Памятная запись одной из четырёх миней, переписанной в 1633—1635 гг. в Каффе, упоминает о некоем армянине «Демире из Каффы, который в молодом возрасте поехал в польский город торговать и вернулся в город по имени Яш (т. е. Яссы)»². О торговой деятельности армянских купцов в польских пределах сообщают и грамоты крымских ханов. В грамоте об армянине Аведике Менгли-Гирей хан в сентябре 1509 г. сообщал Василию III: «Наперед сего в Каффе жил наш поробок, Аведиком зовут, холоп мой, да ходил в королеву Землю (т. е. в Польшу.— В. М.) торговати, а из королевой земли в твою, брата моего землю пришел...»³

Большую торговлю крымские армяне вели со Львовом, где издавна существовала армянская колония, образованная и пополненная частью армян из Крыма.

¹ Матенадаран, личные фонды, папка 137, док. 68, л. 2.

² Там же, рукопись № 9489, л. 589.

³ «Сборник русского исторического общества», т. 95, СПб., 1895, стр. 76.

Построенный в 60-х годах каффскими армянскими купцами знаменитый армянский кафедральный собор во Львове — яркое свидетельство постоянных деловых связей крымских армян с этим известным центром транзитной торговли.

Роль Львова как узлового пункта торговли между Западом и Востоком особенно возросла после захвата турками проливов. В связи с этим важное значение приобрела сухопутная торговля. В ней итальянцы уже не могли иметь прежнего веса, зато крымские армяне и русские купцы стали связующим звеном в торговле между Львовом и Востоком. Через Львов проходили торговые караваны армянских купцов из Крыма, которые везли на европейский рынок восточные товары. В продаже этих товаров участвовали купцы из Львова, Кракова, Гданьска и даже из Кельна и Нюрнберга¹.

Татарская феодальная знать, получая прибыли от торговли армян, поощряла их, порой назначая отдельных из них в качестве своих торговых агентов с различными поручениями. Одного из таких агентов мы встречаем, например, в 1702 г. у Дубоссар, в качестве представителя крымского хана в сношениях с казачьим атаманом Федором Белицким (по прозвищу Шпак). «Был принят (дружиной Шпака.— В. М.) и удовлетворен армянин, здешний «атаман» крымского хана»².

Иностранцы путешественники и авторы XVI—XVIII вв., в том числе М. Броневский, М. Литвин, д'Асколи, Э. Клеманн, Тунманн в своих сообщениях утверждают, что в тот период армянское купечество и торговцы занимали доминирующие позиции в крымской торговле. Наличие деловых связей крымских армянских купцов с Европой, мусульманским миром и Россией подтверждается многими материалами, в том числе документом, скрепленным печатями 73 крымских армянских купцов из Каффы, Карасубазара, Кеозлева, Акмечети, Старого Крыма и других мест, в кото-

¹ «Записки», 1929, № 9, т. 2, 151.

² В. А. Кочергин, Наброски по истории города Дубоссар и прилегающего Поднепровья, Одесса, 1911 г., стр. IV.

ром они в 1744 г. от имени крымских армян просят епископа Даниела остаться в Крыму в качестве начальника епархии. На этих печатях-факсимиле имена купцов обозначены армянскими, русскими, латинскими или арабскими буквами¹. Разумеется, необходимость иметь на своих печатях факсимиле на этих языках говорит о наличии торговых связей армянских купцов со многими народами Европы и Азии.

Средневековый Крым постоянно вел торговлю с малоазийским берегом Черного моря, особенно с Трапезундом. В ней заметное участие принимали как крымские армяне, так и купцы из коренных армянских областей. В 1290 году, в апреле месяце, каффские армянские купцы Пароз и Костар, о которых мы уже упоминали, взяли в аренду торговое судно у итальянцев для перевозки 300 мод пшеницы и 400 мод проса в Трапезунд. Составленный по этому поводу акт гласил: «Мы, Андреас и Оберто ди Вениано из Багании, передаем тебе, армянину Парозе из Казарии (т. е. из Крыма.— В. М.) аренду на наше судно, поручаем тебе полное право арендатора нашего судна, чтоб ты арендованное на твое имя и на имя армянина Костара наше судно обеспечил водой, хлебом, матросами для того, чтобы в течение предстоящих 10 дней ты поехал в Константинополь и взял оттуда 300 мод пшеницы и 400 мод проса и затем перевез их в Трапезунд»².

26 июля того же 1290 г. торговое товарищество армян и итальянцев составило нотариальный акт на аренду торгового судна и переброску товаров из Крыма в Трапезунд. Документ этот интересен во многих отношениях: подтверждая торговую связь крымских армян с Трапезундом, он одновременно отражает арендные и правовые отношения, существовавшие между владельцами судна и купцами. Каждый из последних обязывался заплатить судовладельцу 38 бар аспров за себя и столько же за свои товары, а тот должен был доставить их живыми и невредимыми со своими товарами в пункт назначения—Трапезунд, высадить

¹ Матенадаран, фонд Канцелярия католикоса, папка I, док. 43.

² «Actes des notaires», стр. 174.

их там на берег. Он же брал на себя все расходы судна и матросов. Последнее обстоятельство дает основание заключить, что бывали и случаи, когда эти расходы выпадали на долю самих купцов, иначе не было бы нужды фиксировать в данном акте эти расходы. «Я, ...де Валле, жалуя право арендатора вам, Франческо Соане и армянину Симону, раз вы хотите на свое собственное имя и на имя своих товарищей, которых кроме вас 8 человек, нанять мою тариду, носящую название «Святой Андреас»; ныне она должна отправиться в Трапезунд. Я обещал указанную тариду предоставить в ваше распоряжение... в готовом виде и обеспеченной собственным оборудованием, водой, припасами и матросами, всеми необходимыми инструментами. Обещаю взять вас, ваших друзей и ваши грузы на свою тариду. Обещаю в таком готовом виде отправиться из Каффы в Трапезунд в удобное для вас время, не отклоняясь от пути, если только по причине нарушений, вызванных божьей волей, не останемся в пути. Обещаю по прибытии в Трапезунд высадить с судна вас и ваших товарищей, а также выгрузить ваш груз и груз ваших товарищей и на моей лодке и моими матросами высадить на берег, с условием, чтобы вы за аренду судна и за право арендатора заплатили мне 38 бар аспров, за каждого из вас и столько же — за груз каждого»¹. Сторона, нарушившая эту договоренность, обязывалась заплатить другой стороне в виде штрафа 500 бар аспров, а в качестве залога ставила все свое имущество².

Купцы армянских колоний Крыма постоянно посещали северокавказские районы. В их руках находилась заметная часть торговли с Черкесией и другими кавказскими территориями, подвластными крымскому ханству. Европейский путешественник Ла Мотре, побывавший в 1711 г. в Крыму, в своей трехтомной работе — путевых заметках сообщает, например, что в Крыму он имел знакомых армян, которые по 15 раз побывали в Черкесии. Там они закупали меха, воск, мед, икру и другие товары³.

¹ «Actes des notaires», стр. 228.

² Там же.

³ «Հայրենիք», 1950, № 8, էջ 97.

Через Трапезунд и Константинополь таврические армяне торговали с Киликией и Сирией. Торговый путь шел через Кесарию и Себастию в Синоп, а оттуда — в Каффу, Судак¹. В Крым ввозились также товары Киликийского армянского государства. О торговых связях Киликийской Армении с северным побережьем Черного моря красноречиво свидетельствуют монеты киликийских армянских королей, найденные в окрестностях г. Аккермана (Белгорода-Днестровского) и устье реки Днестра².

Один из главных путей таврической торговли шел в Константинополь. Здесь он разветвлялся: одна ветвь шла в Западную Европу, другая — в Восточное Средиземноморье, Египет. После падения Латинской империи (1261 г.) этот путь вызвал к жизни торговую факторию генуэзцев в Константинополе. Посещение крымских армянских купцов Константинополя, Смирны и Венеции носило настолько периодический характер, что с течением времени в этих городах возникли армянские поселения, частично состоящие из крымских армян.

О торговле в Константинополе повествуют нотариальные акты последней четверти XIII века. По акту от 7 июля 1289 г. некий Манвел Байакани и Борборино обязуются достать со дна константинопольского порта 120 фунтов (т. е. 48 кг) серебра, принадлежащего армянину Поли (Погосу). В качестве вознаграждения Погос обещал им 200 золотых гиперперов³. А другой акт, составленный 23 июля того же года, свидетельствует о том, что некоторые купцы армяне из Крыма торговали в Константинополе посредством своих агентов. Некий Банкериос, получив от каффского купца Погоса товары, обещал заплатить за них ему или его представителю 29 золотых гиперперов в Константинополе⁴. Нотариальный акт от 6 июля 1395 г. сообщает, что каффский купец Оганес назначает свою

¹ Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952, стр. 197.

² Там же, стр. 197, 198.

³ «Actes des notaires», стр. 90.

⁴ Там же, стр. 225.

жену Маргариту своим доверенным в Венеции, уполномочивая ее затребовать и получить «от кого бы то ни было и где бы то ни было и главным образом от военного ведомства или канцелярии» причитающиеся ему долги¹. Этот интересный документ показывает, что деятельность каффского армянского купца была связана с целым ведомством Венецианской республики, и поставляемый им товар, безусловно, шел на обеспечение военных нужд республики.

Тесные связи крымского армянского купечества с Константинополем, а через него с европейским миром нашли отражение в произведениях крымских армянских поэтов. В одном из четверостиший прямо воспеваются бойкая торговля и то, что по морю приходят торговые суда, на которых очень много армянских купцов и амира (богатых людей)².

Деятельное участие таврические армяне принимали в русско-крымских политических и торговых сношениях.

Таврический полуостров был знаком славянам еще с древних времен. Часть археологов находит, что это знакомство имело место еще в III в. нашей эры³. В раннее средневековье в сношениях с Крымом участвовали и приднепровские славяне. Академик Б. Д. Греков полагал, что путь в Крым русские знали еще до IX в.⁴ Арабские авторы Масуди и аль-Якуби именуют Черное море Русским морем. При этом Масуди отме-

¹ Ղ. Արշակ, Հայ Վեներ., Ս. Ղազար, 1896, էջ 174 (Г. Алишан Арм. Венет., св. Лазарь, 1896, стр. 174, на армянском языке).

² Матенадаран, рукопись № 7709, л. 167.

³ Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий, К вопросу о славянах в Крыму, «Вопросы истории», 1952, № 4, стр. 94.

⁴ Б. Д. Греков, «Повесть временных лет». О походе Владимира на Корсунь, «Известия Таврического общ-ва истории, археологии и этнографии», 1929, № 3, стр. 100.

чает, что кроме русских в Черном и Азовском морях никто не плавает¹.

Связь русских князей с Крымом нашла отражение и в «Житии» Стефана Сурожского, написанном неизвестным автором в XVII или XVIII вв. Епископ Стефан, родом из Кесарии, в VIII в. являлся епископом Сурожа. В его «Житии» сказано, что несколько лет спустя после его смерти русские во главе с новгородским князем Бравлиным совершили поход на Крым. «Житие» сообщает, что русские взяли много пленных из населенных пунктов между Херсоном и Керчью². Затем они осадили Сурож. Осада длилась десять дней, после чего город был взят³. Согласно «Житию», вначале Бравлин захватил ценности церкви св. Стефана, однако, заболев, велел вернуть священные сосуды, а сам вместе со своими боярами принял христианство. Обряд крещения совершил преемник Стефана епископ Филарет⁴. Вероятно, автор «Жития» имел в виду поход, предпринятый русскими на Крым в начале IX в.

Начиная со второй половины IX в. молодое русское государство играло важную роль в исторических судьбах Таврикии. В этом отношении, вероятно, немаловажную роль сыграли поход Руси на Византию в 860 г. и осада Константинополя, вынудившие византийского императора заключить «договор мира и любви»⁵.

Русско-крымские отношения нашли отражение также в договоре, заключенном в 945 г. киевским князем Игорем с Византией. Игорь обязался не допускать болгарам воевать в Корсунской стране, так как это было чревато опасностью и для русских областей. Б. Д. Греков, В. Г. Васильевский и А. П. Смирнов находят, что этот пункт договора свидетельствует о близости

¹ А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб., 1870, стр. 125—138.

² «О походе русских на Сурож», «ЗООИД», т. I, 1844, стр. 191—193.

³ С. Секиринский, Очерки истории Сурожа, стр. 11.

⁴ «ЗООИД», т. I, стр. 191—193.

⁵ «Очерки истории СССР», период феодализма, IX—XV вв., т. I (IX—XIII), М., 1953, стр. 74.

русских территорий к Крыму, иначе невозможно было осуществить этот пункт договора¹.

Поход Владимира на Корсунь по сути дела ознаменовал победу над Византией за Причерноморье, которое было продолжением южно-русских степей. В XI в. с образованием Тмутараканского княжества, явившегося важным стратегическим и торговым пунктом на стыке Черного и Азовского морей и на Северном Кавказе, еще теснее становится связь Киевской Руси с Крымом. В половине XII в. русские купцы ездили за солью в Крым барками по Днепру². Об этом позднее свидетельствовал также и Рубрук.

Сношения Таврикии с русским государством продолжались и в последующих веках, когда в числе других христианских народов, населявших полуостров, мы видим и русских, как уже было сказано. Об этом свидетельствует, например, одна из статей устава Каффы 1316 г., согласно которой тогда на городской земле уже издревле находились и русские церкви³.

Экономические и дипломатические связи между Россией и Крымом оживились со второй половины XV в. Начиная с этого периода, когда на несколько десятилетий между Московским государством и Крымским ханством установились относительно устойчивые контакты, представители крымских армян становятся активными проводниками русско-татарских дипломатических и торговых отношений как в качестве купцов, так и купцов—дипломатических агентов.

Известно, что в средние века дипломатические поручения часто выполнялись купцами. В самом начальном этапе улучшения отношений Москвы с Крымским ханством крымские армянские купцы усердно способствовали этому. Одним из них был небезызвестный купец Аствацатур (Богдан), который в 80-х годах XV в. неоднократно выполнял дипломатические поручения не только агента Ивана III Захария, но и самого великого князя. По поручению Ивана III Аствацатур в 1488 г. повез грамоты Менгли-Гирей хану и князю Дмитрию

¹ А. П. Смирнов, К вопросу о славянах в Крыму, ВДИ, 1953, № 3, стр. 33.

² «ЗООИД», т. V, стр. 830, примечание 107.

³ «Monumenta historiae patriae», т. II, стр. 407—408.

Шенну с приглашением таманского князя Захария, оставившегося в Черкассах, переехать на службу в Россию¹. Причиной многолетних дипломатических переговоров и переписки между Москвой и Крымом послужило дело известного каффского купца армянина Погоса, умершего в Москве. Погос был одним из видных представителей богатой армянской верхушки Каффы второй половины XV в., связанной с турецкими властями и ханским двором. В 90-х годах XV в. в течение 5 лет он вел торговлю в Московском государстве. После его смерти вопрос о возвращении оставшихся в Москве его товаров родственникам стал предметом дипломатических переговоров, длившихся с 1498 г. до 1502 г. В переговорах по этому вопросу принимали участие и крымские армянские купцы, посещавшие Москву. Ознакомление с этим вопросом проливает некоторый свет на нормы торговых взаимоотношений Москвы с Крымским ханством.

Почувствовав заинтересованность турецко-татарской стороны в этом вопросе, Иван III решил использовать это в своих сношениях с Крымом и Турцией. В своей грамоте от 16 марта 1499 г. он инструктировал посланника Олешу Голохвастова, как вести себя в Каффе и Константинополе, если этот вопрос будет затронут. «Был здесь каффинец, Богосом зовут, арменин, да здесь его не стало,—писал Иван III,—и яз велел рухлядь его запечатав да положите. И нечто в Каффе тебе или в Царегороде, о рухляди о Богосове взмолвят от султана турецкого или от его сына от каффинского салтана их приказчики, и ты бы им отвечал, что тот человек был до государя нашего земле да его не стало; и государя нашего пошлинники его товар запечатав велели положити; и у того человека дети и кто будет его племени, и государь ваш, питав на правде, да и нашему государю кого пришлет о той рухляди, и государь наш ту его рухлядь велит ему отдати»².

В октябре 1499 г. в Москву прибыло посольство Менгли-Гирея и каффского паши Магмета Шахзаде. Последний особой грамотой просил беспошлинно пере-

¹ «Сборник русского исторического общ-ва», г. 41, СПб., 1884. стр. 72—73.

² Там же, стр. 282.

дать товары каффского купца армянина Погоса послу Алакезу и армянину Бабеку, обещая в аналогичных случаях поступить таким же образом со всеми московскими купцами в подвластных ему местах. О том же просил и Менгли-Гирей.

Однако Иван III знал цену их обещаниям. Письменные заверения турецко-татарской стороны ничего не стоили. Не заботясь о своем политическом авторитете, хан и султан не раз прибегали к подобным обещаниям, чтобы выиграть спор. Когда же в этом отпадала необходимость, они предавали «забвению» свое обещание. В марте 1500 г. Иван III поручил посланнику Андрею Кутузову принести жалобу каффскому султану на таможенников Каффы, которые насильственно взымали пошлины с русских купцов. Султану было сообщено также о тех обидах, которые наносились русским купцам в турецко-татарских областях. Иван III велел сообщить султану о том, что товары купца Погоса будут беспошлинно возвращены только в случае, если будут возвращены товары русских подданных¹. Таким путем Иван III заставил турецко-татарскую сторону в 1502 г. почитаться с политическим авторитетом Москвы и отпустить товары русских купцов, задержанные в Крыму.

История эта интересна и с другой точки зрения: она, безусловно, свидетельствует о том, что купец Погос пользовался большим авторитетом у турецко-татарских властей и имел определенные политические заслуги, иначе, навряд ли последние стали бы годами заниматься вопросами его «наследства» в Москве.

В документах начала XVI века также встречаются имена крымских армянских купцов, выполнявших роль дипломатических посредников между Москвой и Крымским ханством. Таковую миссию выполняли, например, Саркис и Бабек. Им было, в частности, поручено вести переговоры по делу задержанных в Москве крымских армянских купцов Аветика и Григора². В XVII в. некоторые крымские армяне наряду с торговлей в русском государстве также выполняли различные поручения дипломатического характера. Среди них имеется упомина-

¹ «ЗООИД», т. V, стр. 234.

² «Сборник русского исторического общ-ва», т. 95, стр. 76—77.

ше о некоем армянине Мураде, числившемся в разряде «посольских людей» и принимавшем участие в русско-турецких переговорах 50-х годов XVII в. В своем послании 1658 г. Алексей Михайлович потребовал от крымского хана казнить этого Мурада за нетестные выражения в адрес русского царя¹.

Из послания царя явствует, что Мурад (в документах он именуется также Муратка Исаев) как «посольский человек» пользовался дипломатическим иммунитетом. Лишь этим можно объяснить, что сам царь не казнил его, хотя и «вкинул его в тюрьму». Примечательно и то, что Магмет-Гирей хан не внял требованию русского царя. В своем ответе от 11 июня 1658 г. Магмет-Гирей следующим образом мотивировал свой отказ казнить Мурада: «Вы же писали об армянине и мы того... велели поставить перед собой и расспрашивали и он в том слове не винитца, а по нашему закону, хто не повинитца и двух человек свидетелей не будет и его казнить не достоин. И мы того над ним не учили...»².

Подобное отношение хана к требованию русского царя прежде всего говорит о том, что Мурад пользовался значительным авторитетом в ханском дворе и был нужным «посольским человеком»; иначе трудно объяснить поведение крымского хана, сплошь да рядом попиравшего всякие законы и порядки.

В 60-х годах XVII в. крымские армяне Айдин и Николай Мансуров выступают в роли дипломатических посланников в русско-турецких переговорах по вопросу о казачьих нападениях, являвшихся ответной мерой на периодические набеги татар на русско-украинские земли. Мансуров прибыл в Москву 10 октября 1669 г. со своими товарищами—армянскими купцами Багдасаровым и Семеновым и привез с собой меморандум азовского пашы с предложением урегулировать отношения с казачеством. Мансуров имел также устное поручение пашы вести по этому вопросу переговоры с русским

¹ Центральный государ. архив древних актов (в дальнейшем ЦГАДА), ф. 123, Сношения России с Крымом, 1656 г., д. 15, л. 35—37.

² Там же, 1658, д. 4, л. 26—27.

правительством. И то и другое по сути дела представляло собой жалобу азовского паша на донское казачество¹.

В меморандуме Сулейман паша сообщал, что копию ультиматума, предъявленного ему казаками, он уже переслал с послем Айдином русскому правительству. Отметим, что Айдин тоже был представителем армянского купечества Крыма. В 1670 г., т. е. год спустя, его брат «азовский армянин Ивашко» просил русских властей заплатить ему за пленного сумму выкупа, которую не успел в 1669 г. получить его брат Айдин².

В начале XVIII столетия, когда благодаря усилиям Исраэла Ори и его сподвижников — Минаса Вардапета, Ивани Карапета и др. политическая ориентация армянского народа на Россию приняла более четкие формы, крымские армяне в меру своих сил и возможностей старались помочь осуществлению чаяний своих соотечественников. В частности, побывавшие в Армении, Турции и Персии крымские армянские купцы ставят в известность Минаса Вардапета, а через него русское правительство о положении дел в Турции, Армении и вообще на Ближнем Востоке, о военных приготовлениях турок и т. д. Если учесть, что все это имело место накануне, в период и после Персидского похода Петра Первого, то вполне очевидно значение этих сведений. Для иллюстрации сошлемся на два документа, хранящихся в Военно-морском архиве в Ленинграде. Первый документ подписан Миной Вардапетом 5 апреля 1723 г. и адресован генерал-лейтенанту Матюшкину, а через него отправлен в Петербург генерал-адмиралу графу Ф. М. Апраксину. Основываясь на сообщении крымского армянского купца, побывавшего в Эрзруме и через Дон прибывшего в Астрахань, Минас Вардапет ставил русское правительство в известность о том, что в июле 1722 г. турецкий паша предпринял поход на Персию, разорил пограничные деревни и захватил большую добычу. Одновременно он сообщал, что из Константинополя прибыли в Трапезунд 13 кораблей «со всякими воинскими припасами и артиллериею и оттуда

¹ ЦГАДА, ф. 123, 1669—1671 гг., д. 12, л. 18—23.

² Там же, л. 48.

(из Трапезунда.— В. М.) семь пашей отправлены были в Персию, а оную артиллерию и прочие воинские припасы из кораблей выгрузя перевозили сухим путем до Эрзрума, а помянутые семь пашей от того места в поход не пошли, понеже им от салтана указу такого еще не было, а оные 13 кораблей, которые присланы были с помянутыми припасы, обретаются еще в Трапезоне и ныне город Эрзрум начали турки крепить, а которые лезгинцы посылали к туркам о помощи себе, и они им никакой отповеди не учинили.

Подлинное известие за рукою армянского Минаса Вардапета»¹.

Небезынтересен и другой документ, о котором генерал Кропотов 16 июля 1724 г. докладывал Матюшкину. По сведениям, полученным от армянина Сапера, «из Крыму в Азов пошло войска 60.000 и сын крымского хана Салтан-Гирей с войском же убирается, да и турецкое войско с ними будет, а куда их намерение идти, того он не ведает, токмо де признавают, что пройдут на крепость Святого Креста, а горские народы все обещались заодно»².

Из этих документов явствует, что крымские армяне, вероятно, были в курсе освободительной борьбы армянского народа, развернувшейся тогда в Карабахе и Сюнике. Можно предположить, что источником осведомления крымских армян о событиях в Армении являлся также и русский двор, который, вероятно, через армянских купцов из Крыма, ведших торговлю в России, побуждал их идти на помощь к своим соотечественникам. В связи с этим определенный интерес представляет письменное сообщение Г. Патканяна о помощи крымских армян, оказанной ими Давид-Беку—выдающемуся руководителю этой борьбы. Г. Патканян, по происхождению крымский армянин и выросший среди крымских армян, видимо, ссылался на устное предание, еще свежо сохранившееся среди внуков и правнуков тех, которые из Крыма отправлялись в Армению на помощь своему народу. Или же, возможно, он имел под рукой какой-то письменный источник.

¹ Центральный гос. архив военно-морского флота (в дальнейшем ЦГАВМФ), ф. 233, оп. 1, д. 222а, л. 124.

² Там же, д. 228, л. 100.

По словам Г. Патканяна, инициаторами этого патриотического движения явились армянские священники Варфоломей и Маркос, которые получили от прибывших в Крым купцов и паломников известие о войне Давид-Бека. «Эти два патриота и боголюбца—священники Тер-Варфоломей и Тер-Маркос,—передав пастырские обязанности своим младшим сыновьям, помазанным в священники, и совершенно освободившись от забот по своим церквям и прихожанам, по тайному согласию с начальником своей епархии епископом Варданом Астапатци... обошли все армянские поселения Крыма, воспламенили среди армянской молодежи любовь к своему народу и родине»¹.

Под водительством этих священников 285 крымских армян группами отправляются в Трапезунд. Чтобы не вызвать подозрения турок, они разбиваются там на мелкие группы по 10—15 человек. Во главе каждого отделения стоял командир (онбаши—десятник). Г. Патканян называет имена этих десятников, их предков и потомков, живших в то время уже в Новой Нахичевани. Это обстоятельство, безусловно, придает его истории достоверный характер. Среди этих десятников, сообщает он, находились «сын Геворг-аги Каракаша из Кефе (из Каффы.— В. М.) молодой Оганес, от которого происходили семьи Каракочьянов в Новой Нахичевани и в Крыму. Вторым (командиром.— В. М.) был Хатрян... сын сурхатского (старокрымского.— В. М.) Алексана храбрый Акоп (внуком которых был Хатраноглу Махтеси Арутюн—отец богатого Погоси-аги Хатраняна, а сын последнего—Георг-ага Хатранян ныне имеет два сына—Оганеса и Погоса Хатранянов). Третьим был родственник Тер-Маркоса храбрый сын махтеси Погос-аги Шагиняна Андреас... Четвертым был сын Хаяла Степан-аги Сагател... Пятый—родственник и исповедный сын Тер-Маркоса, оружейник крымского хана Алапат-Гирея, непобедимый Маркос-ага махтеси...»² и так далее.

Переодевшись в одежду лазов, они из Трапезунда группами двинулись в путь. Они посетили Муш, затем через Карс дошли до развалин Ани—столицы царства

¹ Матенадаран, рукопись № 8815, л. 27.

² Там же, л. 28 об.

Багратидов. В 1722 году отряд прибыл в Сюник и перешел в распоряжение Давид-Бека, который пожаловал Тер-Маркосу и Тер-Варфоломею «полководческую власть».

До 1727 г. крымские армяне принимали активное участие в боях. В период разлада, возникшего после смерти Давид-Бека, крымские армяне, повествует автор, остались верными Мхитару спарпету. После смерти Мхитара они через Трапезунд вернулись домой.

Безусловно, о полной достоверности этой истории,носящей эпическую окраску, сейчас трудно судить из-за отсутствия письменных источников того времени. Но несомненно, что крымские армяне, имевшие тесные контакты с Арменией и турецко-персидским рынком, были в курсе всех политических событий в Армении XVIII в. Верно и то, что во времена Г. Патканяна эта история звучала как быль и не могла казаться плодом выдумки отдельных людей.

Симпатии крымских армян к России и русскому народу проявились во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов, а также в ходе дипломатической борьбы между Россией и Турцией за Крым. Крымские армяне в меру своих сил способствовали победе русских войск; многие из них участвовали в войне против турецко-татарских сил. За проявленную храбрость некоторые армяне впоследствии получили от русского правительства награды¹. Свидетель этих событий караим Рабби-Азария сообщает, что крымские армяне и греки совместно с русскими воевали против турецко-татарских войск². Армяне, в частности, помогли русским войскам овладеть крепостью Ор (Перекоп)³.

Известный крымский армянин Маркос Серебряков (Гюмишли, отец будущего адмирала Лазаря Марковича Серебрякова), семейный род которого издавна отличался в Крыму своей русской ориентацией, оказал большие

¹ «Присоединение Крыма к России», рескрипты, письма, реляции и дописания, составил Н. Дубровин, т. I, СПб., 1885, стр. 52.

² «События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей хана», перевод с еврейской современной рукописи, сочиненной караимом Рабби-Азария, сыном Ильи, стр. 126.

³ Матенадаран, архив, личн. фонды, папка 137, док. 68, л. 3.

услуги русским войскам как во время военных действий, так и после. В Константинополе он с помощью своих соотечественников—местных армян—в весьма опасных для своей жизни условиях блестяще выполнял обязанности дипломатического агента. Сохранились восемь аттестатов, выданных Маркосу Суворовым, Прозоровским, Ступитиным, Базровым и др. высокопоставленными чиновниками¹. Все они характеризуют Маркоса как отважного и преданного России человека, умело выполнявшего все поручения командования. Между тем в эти поручения входил довольно широкий круг обязанностей: участие в военных действиях в Керчи, Еникале, Феодосии, разносторонняя помощь командованию во время татарского мятежа, задания военно-разведывательного характера, дипломатическая служба и др. Вот, например, аттестат, выданный ему за подписью командующего войсками, расположенными по левой стороне Днепра и в Крыму, генерал-поручика А. А. Прозоровского. В нем сказано: «Компанейский сотник Маркос сначала вступления моего с войсками в Крым [в] 1776 г. был употреблен всегда в посылке к правительству (крымскому хану.—В. М.) и к разным чиновникам с письмами, также для разведывания и неединовременно принес верные и немаловажные известия, а [в] 1777 году, когда от его светлости хана Шагин-Гирея посланы были депутаты с махравами в Царьград к Порте, отправлен он с ними за пристава и сколько известей я из писем министра нашего господина статского советника Стахнева (Стахиева.—В. М.) [получал], то довольно он и там показал своего усердия к службе и прилежно разведывал и донося обо всем»². За безупречную службу он удостоился материального вознаграждения, наград и поощрения.

•••

Торговля Москвы с Крымом и через Крым оживилась с XIV в. В тот период в Москве существовало осо-

¹ Крымский областной государственный архив (в дальнейшем Крымоблгосархив), ф. 49, оп. 1, д. 355а, лл. 4—12.

² Там же, л. 5.

бое купеческое сословие под названием «гости—сурожане». Название это произошло от имени известного тогда торгового порта в Крыму—Сурожа (Судака). По своему национальному составу «гости—сурожане» не были однородными. В это сословие входили также и армянские купцы из Крыма. С XIV в. и особенно со второй половины XV в. в московско-крымских торговых отношениях повышается роль г. Каффы, куда приезжали также русские купцы и ремесленники, продававшие здесь свои изделия¹. Московские и тверские купцы через Каффу устанавливали торговые связи с Арменией, Турцией и Персией².

В торговле Москвы с Крымом деятельное участие принимали и каффские армяне, среди которых мы видим известных купцов Погоса, Аветика, Бабека, Саркиса, Григора и многих других. В 1516 г. вместе с русским послом Василием Андреевым, возвратившимся из Константинополя в Москву, ехали также армянские купцы³. В 1524 г. из Москвы в Крым направился караван русских и армянских купцов, состоявший из 300 человек.

Торговля крымских армян в русском государстве еще более расширилась в XVII—XVIII вв. Состоятельные армянские купцы (из Каффы, Карасубазара и других мест полуострова) Аджибол, Яковлев, Федор Иванов, Иван Павлов, Василий и Григор Якуловы, Захар Мелконов, Карапет, Мелкон Яковлев, Василий Меркулов, Мансуров, Багдасаров, Степан Павлов и многие другие сообща или отдельно вели торговлю в русском государстве и на Украине.

В Россию армянские купцы привозили шелковые ткани, ладан, сахар, вино, мыло, пряности и другие товары; среди товаров, вывозимых ими из русских областей, преобладали меха.

Из Крыма торговые люди отправлялись в Москву по нескольким путям, в зависимости от того, который из них в данном случае был более безопасным. Один из путей шел из крымских портов по линии Азов-Валуйки; другой, после прибытия в Азов, через Усерд, Верхнесо-

¹ В. Е. Сыроечковский, Гости-сурожане, М., 1936, стр. 83—84.

² Там же, стр. 49—52.

³ «Сборник русского исторического общ-ва», т. 95, стр. 236.

сенск, Старый Оскол и Ливны выходил на Москву¹. Из Крыма купцы направлялись в Москву также по линии Аккерман (Белгород-Днестровский)—Яссы-Ладижин².

В XVIII в. одним из основных торговых пунктов армянских купцов стал г. Нежин. Небезызвестный тогда купец Карапет из Кеозлева в 20—30 годах основал там свою торговую факторию, через которую армянские купцы из Крыма, Армении, Персии, Турции, Грузии и других мест вели оживленную торговлю в России и на Украине³. Эта фактория располагала всеми необходимыми удобствами для транзитной торговли: гостиницами, складскими помещениями и др. Карапет вместе с купцами Минасом и Варданом выполнял роль посредника в торговле. Благодаря своим связям и доверию, которым пользовался у русских властей, он помогал армянским купцам приобретать пропуска на въезд в Россию или выезд оттуда в Крым и за границу. Фактория поддерживала деловую переписку со многими армянскими купцами в различных странах. Она держала купцов в курсе событий, осведомляла о политической обстановке. Из писем Карапета купцы узнавали также о конъюнктуре на русском рынке.

Армянское купечество Крыма не было безучастным в выкупе русских, украинских и других христианских пленных, угнанных татарскими полчищами с родных мест в Крым. Выкупая русских пленных и переправляя их в Москву, купцы стремились, в основном, снизить благосклонность русского правительства и добиться торговых привилегий в России. Выкуп пленных, естественно, приносил им и некоторые доходы. Но не это было главным. Это был побочный доход и вряд ли из-за него крымский купец пускался бы в столь длительное путешествие, чреватое к тому же опасными последствиями.

Выкуп пленных в Крыму осуществлялся по особому порядку. Купец уплачивал владельцу пленного определенную сумму и заключал с пленным письменное

¹ ЦГАДА, ф. 123, 1669—1671, д. 12, л. 1.

² Там же, 1673, д. 24, л. 3.

³ Архив внешней политики России, ф. Сношения России с Арменией, оп. 100/1, 1736—1738, д. 6, л. 1—26.

соглашение, подписав которое тот обязывался по возвращении в Россию вернуть купцу как выкупную сумму, так и расходы на дорогу¹. Но это правило зачастую нарушалось. Чтобы предотвратить возникшие споры, царь Алексей Михайлович и бояре в 1670 г. установили порядок, согласно которому плата за выкуп пленных осуществлялась только «по евангельской заповеди». Если требуемая за пленного сумма не превышала государственных норм, то она оплачивалась; если купец требовал больше установленного, а пленный заявлял, что за него заплатили меньше, чем требовал купец, в таких случаях также платили по установленной цене. Если же для выкупа пленного купец составлял договор с ним или с его родственниками, предусматривавший цену выше государственных норм, то превышающую часть суммы обязана была платить договаривавшаяся сторона².

В 1669—1670 гг. велись русско-татарские переговоры об обмене пленных, и по этому вопросу была достигнута договоренность. В соответствии с ней русским посланникам Василию Елчину и Якову Чернцову, отправившимся в 1670 г. в Крым, был дан наказ, в котором, между прочим, отмечалось: «И говорить о том ближним людям велено накрепко, чтоб без утайки везде полоняников русских людей к отпуску в Московское государство собрать и никуда запродавать их не велеть... А гречаном и армяном, которые изыскили полоняников откупать, и им потому ж объявить договор о полоняниках и утверждением шерти поставленной, чтобы они о том ведая окупу полоняников в Крыме и в улусах не объявляли...»³

Несмотря на этот договор, выкуп пленных купцами продолжался и в последующие годы, и русское правительство поддерживало эту их деятельность. Для выкупа пленных царь Алексей Михайлович ввел даже особый налог—подымную подать, что давало возможность ежегодно ассигновать на эти цели 150 тысяч рублей.

¹ ЦГАДА, ф. 123, 1670 г., д. 14, л. 67—71, 73 и др.

² Там же, 1680 г. д. 16, л. 33, 48.

³ Там же, 1670 г., д. 14, л. 4.

В армянской колонии Крыма широкое развитие получило ремесленное производство. Оно достигло такого уровня, что оказало определенное влияние на продукцию местного промысла. Керамика средневекового Херсонеса (XII—XIII) весьма тождественна армянской керамике того времени. По мнению В. Блока, бывшего в конце XIX века директором отдела керамики Эрмитажа, поливная керамика Каффы носит влияние кавказской, главным образом армянской керамики.

Нотариальные акты Каффы, относящиеся к XIII веку, показывают, что в этом видном торговом центре, в соответствии с нуждами морской торговли, широко развивались и ремесла. В ремесленной жизни Каффы армянские мастера играли значительную роль. Писец Натер в памятной записи одной из своих рукописей 1347 г. при упоминании имен ремесленников-армян сообщает интересные данные о видах ремесел, распространенных среди каффских армян. Он упоминает: **красильщиков**—Тадеоса, Григора и Горги, **сапожника**—Пароншаха, **ювелиров**—Меликседека, Урумпека и Барели, **ткачей**—Тороса, Маргара, Аветика, Вардереса и Карапета, **полотнянщиков**—Ампета, Аврана и Оганеса, **плотника**—Степаноса, **кузнеца**—Этума, **портного**—Сати и др.¹ Натер приводит названия 13 ремесел. Он, разумеется, не ставил перед собой цели перечислить все виды ремесел, которыми занимались армяне в Каффе. Безусловно, их было значительно больше. Среди армян, подписавших в 1438 г. соглашение с консулом Каффы об участии во Флорентийском вселенском соборе, были и ремесленники². Армяне-ремесленники жили также в районе Судака.

¹ Լ. Ս. Խաչիկյան, ԺԴ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, էջ 359—367:

² Ա. Պալչյան, Պատմության կաթողիկէ վարդապետութեան ի հայու և միութիւն նոցա ընդ հովմէական եկեղեցոյ ի Փլորենտեան սինոդուի, Վիեննա 1878, էջ 299 (А. Палчян, История католицизма среди армян и их союз с римской церковью на Флорентийском соборе, Вена, 1878, стр. 299, на армянском языке).

Одним из ведущих ремесел в Крыму была обработка кожи и мехов. Ими занимались местные армяне, которые больше всех были связаны с русскими областями и татарскими районами, являвшимися основными поставщиками этого сырья. Видное место принадлежало также гончарному делу.

В Каффе ремесленники объединились в цеха, которые, согласно уставу 1449 г., создавались по примеру тогдашних итальянских городов, ибо устав требовал от ремесленников иметь мастера или старшего¹. Ремесленникам запрещалось без разрешения генуэзского консула уходить из Каффы. Мастер должен был «записывать у себя имена всех ремесленников»².

Очень часто ремесленники одновременно выступали и в роли торговцев. Происходило переплетение ремесел с торговлей.

В жизни крымских армянских поселений ремесленное производство занимало важное место вплоть до переселения армян в Азовскую губернию. В своем прошении на имя Г. Потемкина-Таврического 15 июля 1779 г. крымские армяне писали, что переселившиеся, за исключением 300 человек, суть ремесленники и купцы³.

Крымские армяне важное значение придавали сельскому хозяйству. Им занимались не только жители армянских сел, но и многие каффские, карасубазарские, старокрымские, судакские армяне. Возделыванию зерновых культур, например, татары научились у русских, армян и греков. Овощеводство и садоводство у крымских армян получили такое развитие, что в XVI в. они даже экспортировали фрукты и лук⁴.

Виноградарство и виноделие также занимали важное место в жизни крымских армян. Немецкий автор Эрнст Клеман, посетивший Крым в 1768—1770 гг., сообщает, что во многих местах Крыма у армян вино-

¹ «ЗООИД», т. V, стр. 815.

² Там же.

³ «Присоединение Крыма к России», т. III, СПб., 1887, стр. 257—258.

⁴ «Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова», ч. II, СПб., 1805, стр. 203.

градарство так процветало, что армянские женщины «вино пьют как воду»¹. Крымский армянский поэт XV в. Нерсес Каффаеци в своем стихотворении, оплакивая падение г. Каффы, писал, что после взятия города турки описали все дома и сады и взимали дань в размере половины описанного имущества². Важное значение виноградарства в жизни каффинцев подтверждает также устав 1449 г., который запрещал с 15-го сентября по 15 октября, т. е. в сезон сбора винограда, производить в Каффе судебные заседания³.

Заметная часть карасубазарских армян занималась полеводством и садоводством. В одной из своих песен Акоп Ссеци в 1649 г. воспевал пышные фруктовые сады карасубазарских армян, упоминая также, что они владели множеством мельниц, в которых мололи пшеницу⁴. Крымские армяне, особенно старокрымские, занимались и скотоводством⁵, используя для этих целей расположенные недалеко от города пастбища.

После переселения христиан, т. е. армян и греков из Крыма садоводство и виноградарство пришли в упадок, что, безусловно, свидетельствует о ведущей роли этих народов в производстве винограда, фруктов и вин в Крыму. В своем «Мнении» правительству адмирал Мордвинов по этому поводу писал: «Горная и садовая часть [Крыма] не должна быть населена татарами... Крым пришел в упадок с тех пор, когда вывели из горной части христиан и татары вошли в их сады и места»⁶.

¹ «Orient et Bizanse», IV, 2 (1930), стр. 348.

² Матенадаран, рукопись № 7709, л. 59.

³ «ЗООИД», т. V, стр. 727.

⁴ Матенадаран, рукопись № 3411, л. 179 об.

⁵ Հ. Ս. Խաչիկյան, ԺԳ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, էջ 418:

⁶ Г. Караулов, Заметки о южной садовой культуре в Крыму в древности и в наше время, «Записки имп. об-ва сельского хоз-ва Южной России», книга шестая, Одесса, 1873, стр. 364.

В армянских колониях средневекового Крыма существовало резко очерченное классовое расслоение. В Каффе, где проживало огромное число армян, во времена генуэзцев население по своему правовому положению разделялось на две части: генуэзцев (*cives*) и горожан (*burgenses*). Они представляли собой состоятельные части населения и вовсе не были однородными¹. Наибольшими привилегиями пользовались генуэзцы, хотя и составляли незначительное меньшинство. К генуэзцам относились те, которые родились в самой Генуе или происходили от генуэзских родителей. «Консул Каффы,— читаем в одном из постановлений,— не может выдать никакого письма, либо бумаги (*instrumentum*), либо сделать запись кому-нибудь о том, что он является генуэзцем или считается за генуэзца, если сначала не будет подтверждено двумя или тремя достойными доверия свидетелями, что он родился на побережье Генуи или в округе, или же его отец был генуэзцем. Этот человек впредь будет считаться генуэзцем»².

Среди горожан (*burgenses*) значительное число составляли армяне. Но и этот слой— *burgenses*— не был однородным. В него входили торговцы, лавочники, ремесленники, которые в зависимости от достатка занимали совершенно различное положение в обществе. Но большинство населения города представлял класс неимущих— *habitatores*, которых эксплуатировали и генуэзцы и богатые горожане. В *habitatores* входили разорившиеся ремесленники и торговцы, трудящиеся, чернорабочие— трудовой класс, лишенный заметного состояния. В основном это были местные жители, иногда среди них оказывались также обанкротившиеся генуэзцы.

¹ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в., «Исторические Записки», № 7, 1940, стр. 5.

² И. А. Гольдшмидт, указ. диссерт., стр. 198.

Класс неимущих отличался от *burgenses* и по своему правовому положению. Со временем представители горожан стали занимать половину всех мест в городском самоуправлении. Чем больше увеличивался страх перед трудящимися, тем больше генуэзцы склонялись в сторону местного богатого сословия. Когда положение генуэзской верхушки стало ухудшаться, она в 1454 г. образовала из представителей местных богачей Орган четырех, которому вменялось в обязанность докладывать властям Генуи о всех событиях, представлявших угрозу генуэзскому владычеству. Члены этого органа были обязаны «услышав что-нибудь глупое и недозволенное... доложить обо всем этом консулу и предотвратить его. Кроме того они должны, насколько это возможно, ставить в известность руководителей банка Св. Георгия* обо всем том, что достойно их внимания»¹.

Классовое расслоение было характерно для всех армянских поселений. Класс имущих представляли купцы, землевладельцы, ростовщики, состоятельная часть ремесленников. В памятных записях армянских рукописей Крыма имущий класс носил титулы князей, меликов, эмиров, беев, паронов. Последний титул (парон) присваивался, например, разбогатевшим торговцам.

Самыми богатыми представителями армянского дворянства в Каффе были фамилии Пахлавуни, Мугаленцы, Дариджаненцы, Агамаленцы и др. «Во второй половине XV в.,—отмечают Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, основываясь на латинских источниках,—все армянское население, жившее в Каффе, делилось на две антагонистические группы: на одном полюсе стоял богатый банкир Кайарес с небольшой группой эксплуататоров, на другом—вся остальная масса армянского населения, впрочем тоже не составлявшая единого целого»². Сословное деление существовало и в армян-

* В 1453 г. Генуэзская республика уступила Каффу протекторам частного банка Св. Георгия.

¹ «Atti», vol. VI, стр. 144.

² Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, указ. статья, стр. 24—25.

ских колониях Казарата, Сурхата, Карасубазара и других мест. Памятная запись рукописи 1656 г., например, сообщает, что «все азаты и рамики, объединившись, передали ключ от монастыря Св. Богоматери...»¹

На низшей ступени социальной лестницы находились городские рабочие, труженики-крестьяне, мелкие ремесленники и торговцы и другой рабочий люд, которых рукописи именуют рамиками, простолюдниками. Более полноправными были азаты. О резком классовом расслоении крымских армян красноречиво свидетельствует обращение представителей всех крымских армянских колоний епископу Даниелу в 1744 г. Согласно этому документу, армяне Каффы, Карасубазара, Старого Крыма, Кеозлева, Акмечети и других мест состояли из «главных» («*Գլխավորներ*») и «простых» людей. Даже «главные» в документе подразделяются на три группы, в соответствии с их имущественным состоянием².

Среди крымских армян большой процент составляли ремесленники, средние и мелкие торговцы. Часть их, разоряясь, пополняла ряды класса неимущих, в том числе и рабочих. Как в Каффе, так и в Судаке в XIII—XV вв. были наемные рабочие, в том числе и армяне. Это, безусловно, свидетельствует о наличии некоторых элементов раннекапиталистических отношений, связанных с торговлей, а также с владычеством генуэзцев, которые могли распространить на свои владения в Крыму общественные отношения, возникшие тогда в Генуе.

Армянское население, в числе других христианских жителей полуострова, попадало под двойной гнет— социальный и национальный: его эксплуатировали и армяно-генуэзская верхушка и турецко-татарские власти. С самого начала установления своего владычества в Крыму татарские заправилы облагали армян, русских, греков, караимов и другие народы разного рода налогами и пошлинами, заставляли их нести барщину. Как «неверные», христиане платили больше налогов,

¹ Матенадаран, рукопись № 2534, р. 306.

² Там же, фонд Канцелярия католикоса, папка 1, док. 43.

чем татары. В конце XIII в. каффинцы платили налоги представителям Золотой Орды. В 1299 г. они убили Актаджи, прибывшего в город с целью сбора податей. Актаджи был внуком Ногая. Арабский хронист Рукнеддин Бейбарс об этом сообщает: «Об убийстве Актаджи, сына дочери Ногая, в Каффе. В 698 году (=9 окт. 1298—27 сент. 1299 г.) было убито в Каффе упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив царя Токту, овладел областями [его] и послал сына дочери своей в земли крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей»¹.

Армяне в Крыму, по свидетельству рукописи, жили «на условиях налогоплательщиков крымскому хану»². Ханской казне они платили: **ушур**—десятину с урожая; **зекиат**—1/5 часть дохода со скота и птиц; **петир**—духовный налог³, **подушную подать**. Об обложении христиан подушной податью свидетельствует литовский дипломатический агент Михайло Литвин, побывавший в Крыму в 1548—1551 гг. Он сообщает, что христиан вынуждали платить магометанам подушную подать⁴. По данным путешественника Ла Мотре, подушная подать, вносимая армянами, греками и караимами в ханскую казну в Бахчисарае в начале XVIII в., составляла 1—1,25 граун на душу⁵.

Кроме перечисленных налогов армяне, как и другие христиане платили денежный оброк: за каждую овцу—2 пара, а за каждую голову крупного рогатого скота—6 пара; помимо этого за землю с площадью дневной вспашки они платили 340 акче⁶. С армян взимались налоги не только в пользу ханской казны,

¹ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, стр. 111.

² Матенадаран, рукопись № 7442, л. 282.

³ «Արոր», հանդես, Թիֆլիս, 1911, № 12, էջ 49 («Арор», журн. № 12, Тифлис, 1911, стр. 49, на армянском языке).

⁴ «ЗООИД», т. V, стр. 96; «Киевская старина», 1889, № 25, стр. 13.

⁵ «Հայրենիք», 1950, № 8, էջ 97 («Айреник», 1950, № 8, стр. 98).

⁶ П. В. Маслов, М. Б. Миллер, П. Н. Никольский, Крым, хрестоматия по истории края, 1930, I, стр. 20.

но также на содержание определенной категории чиновников. Этот порядок существовал до 1777 г., когда Шагин-Гирей хан, по словам очевидца событий Рабби-Азария, ликвидировал его, запретив ханским чиновникам взимать налоги в свою пользу. Это распоряжение хана отнюдь не преследовало цель облегчить положение христианского населения. Оно отвечало задаче сосредоточить все налоги в ханской казне. Но управителей оно не оставляло в обиде. «Управители не взимали подати в свою пользу по старому обычаю, но получали всякий по достоинству свое содержание из казны по третям, даже от везиря отняли десятины и определили жалование из казны, куда хан повелел вносить все десятины, взимаемые как от податных иноверцев, так и от мусульман»¹.

Положение налогоплательщиков-иноверцев усугублялось господством откупной системы. Как это видно из статистических данных каймакамов, составленных в XVIII в., откупщик зачастую сразу получал право на единовременный сбор нескольких налогов: на внутренние пошлины, десятину, подоходный налог и др.² Отдавая на откуп, казна получала свою долю. Откупщик, естественно, не обижал и себя. Сборщики, в свою очередь, увеличивали размеры налогов, что тяжелым бременем ложилось на плечи трудящихся масс. Рабби-Азария сообщает, что Шагин-Гирей все доходы, пошлины, десятины и подати отдавал на откуп³.

Наряду с налогами трудовые массы отбывали разного рода повинности. Очень часто по распоряжению хана трудящихся заставляли выполнять различные работы. Бывали случаи, когда они работали месяцами. Так строилась, например, ханская палата «Ачлама». По сообщению русского резидента в Бахчисарае Никифорова в 1764 г., на ее строительстве ежедневно бесплатно работали по 200—300 армян и греков. Хронист Хачатур Каффаеци жалуется, что в 1657 г. турецкие власти в Каффе и ее округе взимали с армян

¹ «События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей хана», стр. 103.

² «ЗООИД», т. V, стр. 96.

³ «События, случившиеся в Крыму...», стр. 103.

не только денежные налоги, но и требовали чернорабочих и мастеровых для выполнения различных работ¹.

Турецкое господство принесло новые лишения армянам, грекам, русским и другим народам. С целью систематического сбора налогов с населения султан разделил Крым на четыре санджака. Прямыми налогами облагались все армянские церкви. Налоги, разумеется, взимались с прихожан. Каждая армянская церковь в Каффе вносила в султанскую казну определенную сумму денежного налога. «Оттоманский султан,—читаем в памятной записи одной из армянских рукописей Крыма,—требует подати от нижеследующих церквей, в соответствии с их состоянием; ежегодно собирают и посылают в Стамбул: от Св. Саркиса—19 злотых, Св. Архангелов—8, Св. Никогайоса—8, Св. Воскресения—10, Св. Петра—1, Св. Аствацацина—5, Св. Ожсента—4 злотых 1 куруш, Св. Никогоса—3 злотых полкуруша, Св. Агарона—1 флори, Св. Минаса—9 злотых, Св. Оганеса—10 флори, Св. Степаноса—5 флори, Св. Ованеса—1 флори 1 куруш, Св. Амбарцума—5 флори 1 куруш, Кашога Св. Анны—6 флори, Св. Аракела—8 флори, Св. Урбат—4 флори, Св. Троицы—4 флори, Св. Коли-Аствацацина—6 флори»². По свидетельству того же писца, весь сбор посылали в Стамбул армянскому патриарху, который вносил его в турецкую казну за каффские армянские церкви.

Налоги особенно увеличивались накануне татарских набегов или турецко-татарских приготовлений к военным походам. В таких случаях с населения брали столько, сколько хотели, а иногда и все. Так, накануне похода в Черкесию, татарский хан в 1627 г. «взял с христиан тяжелые налоги. Хан отправился в поход в Черкесию. Тяжелым налогом обложил город (Каффу.—В. М.), некоторые дали по 5 злотых, некоторые по 4,

¹ Չ. Ա. Հակոբյան, Մանր ժամանակագրութիւններ, XIII—XVIII դ.դ., Կ. I, Երևան, 1951, էջ 227 (В. Акопян, Мелкие хроники XIII—XVIII вв., т. I, Ереван, 1951, стр. 227, на древнеармянском языке); «Արար», 1911, № 12, էջ 50, «Памятная книжка Таврической губернии» на 1887 г., Симферополь, стр. 96.

² Матенадаран, рукопись № 2939, л. 471.

некоторые—по 3, а другие—по 2 злотых»¹. Автором этих достойных внимания строк является Хачгруз—Хачатур Каффаеци (Каффский), известный армянский хронист из Крыма, летопись которого содержит ценный материал по истории Крыма первой половины XVII в. Еще не успели каффинцы уплатить вышеприведенные налоги татарам, как их вынудили выполнить требования турецкого султана в связи с военными мероприятиями в районе Азова. Каффинцы должны были предоставить в распоряжение турецких военачальников мастеров, возчиков, чернорабочих и платить золотом. «От султана пришло известие,—пишет Хачатур Каффаеци,—что надо разгромить Азовскую крепость, нам нужны люди, возы, деньги. Собрали деньги, золото, куруши от армян и турок; христиане дали много людей, некоторые дали мастеров, некоторые возчиков, некоторые наемных работников. Хан и султан отправились во главе многочисленного войска»². Затем в Каффу прибыл турецкий флот в составе 12 кораблей. Перед отправкой на Азов командование флотом затребовало от горожан 150 хантар сухарей³. Вообще события, разворачивавшиеся в районе Азова, дорого обошлись христианским жителям Крыма, в том числе и армянам Каффы. «Азов стал для нас наказанием,—подчеркивает Хачатур Каффаеци,—богатство Каффы течет туда»⁴. В 1630 г. чиновник Гасан-ага обложил налогом даже 4-и 5-летних детей⁵. Тяжелое положение жителей Каффы вынудило их послать своих представителей в Стамбул с протестом по поводу непомерного подоходного налога, так как каффский паша требовал по 3 злотых на душу населения⁶.

Все это относилось к разряду «законных» налогов. Положение же христианского населения значительно ухудшилось во время периодических набегов татар, ча-

¹ «Մանր ժամանակագրութիւններ», 5. 1, էջ 213:

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 223.

⁵ Там же, стр. 216.

⁶ Там же, стр. 221.

стых межплеменных распрей татарских феодалов и междоусобиц в борьбе за ханский престол. Для защиты от татарских набегов в Каффе усилиями армянской колонии была выстроена вторая оборонительная стена. Армянские рукописи из Крыма, относящиеся к XIV—XVIII вв., полны жалоб на бесчинства отдельных феодальных родов татар. «Народ стрелков из луков (т. е. татары-монголы.—В. М.),—сообщает одна из крымских армянских рукописей,—в свойственной ему привычке—украдкой приходил и похищал мальчиков и детей, уводя к себе продавал [их]. И когда увидел это наш народ, заключил [он] соглашение с латинским князем и получил его позволение рядом со старой крепостью построить новую»¹.

Другая рукопись сообщает о невзгодах и лишениях армян. Она повествует о том, что из-за татарских набегов все армяне убежали в г. Старый Крым, а вступивший в то время в Карасубазар Мамай держит весь город в страхе и ужасе². Писец Карапет жалуется, что в том же 1365 г. Чалибег и его полчища убивали и грабили христиан, днем и ночью держа их в страхе³. В памятной записи одного из «Шаракноца» (сборник армянских церковных песен) отмечено, что в 1438 г. в Крыму «руками татар было разрушено много монастырей, сел, деревень»⁴.

Лишения армянского населения, понесенные от межфеодальных распрей татар, увеличивались в период турецкого господства, когда султанское правительство произвольно меняло ханов, давая повод жестоким и длительным войнам между претендентами на ханский престол. Много страданий выпало на долю каффских армян, например, в 1624 г., в период правления Магмет-Гирей хана и его брата Шагин-Гирей султана, выступавших против кандидата турок на ханский трон—Джанибек-Гирея. «Окружили все стены (оборонительные.—В. М.) в [армянском] квартале и разрушили очень много домов, и ограбили нас,

¹ Матенадаран, рукопись № 1781, л. 66.

² «ԲՆ զարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ», էջ 467:

³ Там же, стр. 468.

⁴ «Orient et Byzance», IV, 2(1930), стр. 370.

опустошили мельницы, разорили монастыри, и много зол овладело нами»¹,—отмечает Хачгруз.

До 1475 г. налоги и пошлины с христианского населения юго-восточного побережья Крыма в течение более двух столетий взимала и генуэзская администрация. Так как генуэзцев было немного, то эти налоги собирались главным образом с армян и греков. Они платили подымную и подушную подати, налоги за дома, наследство, строительную, поземельную подать и различные торговые пошлины². Подушную подать собирали со всех народов, но не в одинаковом размере: армянин, например, платил 749 сомо, а грек—179; караим еще меньше—75 сомо³.

Ответственность за сбор налогов возлагалась на Попечительный комитет консульства. Сбор же налогов непосредственно осуществлялся чиновниками или сдавался на откуп «с публичного торга» по принципу «кто больше даст», как это требовал Устав 1449 г.⁴ Разумеется, кто больше давал, тот больше и взимал.

Все это изо дня в день разоряло трудящихся. «Вы хотите, чтобы горожане платили те налоги татарам,—писал консул Каффы протекторам банка Св. Георгия в Генуе в августе 1455 г.,—которыми они были обложены в прошлом году. Нам кажется, это сейчас сделать невозможно без больших затруднений и скандала, так как среди них (жителей Каффы.—В. М.) царит большая нищета. Не время облагать налогами армян и греков»⁵. В сентябре консул опять повторил свое мнение о невозможности взимания налогов. Одновременно он констатировал факт ухода граждан из города, что было, безусловно, формой пассивного сопротивления населения генуэзским властям. «Город Каффу мы нашли опустевшим»,—сообщал консул Домокульта

¹ «Մանր ժամանակագրութիւններ», 5. I, էջ 213:

² «ЗООИД», т. V, стр. 675—677, т. VI, стр. 299, т. VII, I, стр. 291, 300, 370, т. VII, II, стр. 743, 747 («Statuto di Caffa»).

³ И. А. Гольдшmidt, указ. диссертация, стр. 247.

⁴ «ЗООИД», т. V, стр. 679; Е. С. Зевакин и Н. П. Пенчко, указ. статья, стр. 18.

⁵ «Atti», vol. VI, стр. 359.

в Геную еще в 1454 г.¹ «Для улучшения положения города в течение последних двух месяцев мы наложили налог,—читаем в другом документе,—но мы находим, что по разным соображениям сейчас невозможно это осуществить. Нецелесообразно сейчас взимать налоги с горожан, так как очень мало людей, имеющих деньги. Даже не найти 5 человек, которые в состоянии платить налоги. Мы думаем, что сейчас время неблагоприятно путем насилия взимать что-либо с армян, греков и других народов. Мы не знаем, откуда найти налогоплательщиков, потому что все торговцы и имеющие деньги ушли отсюда»². В другом официальном документе служащие казначейства Каффы докладывали банку Св. Георгия о тяжелом положении армян, которых грабят генуэзские чиновники, занимаясь, также взяточничеством. «Они (армяне.—В. М.) настолько угнетены взяточниками, что открыто заявляют, что эти латинцы, наши консулы, грабят нас и наше имущество. Следовательно, высокочтимые господа, сообщаем и убедительно просим, чтобы ваши власти для предотвращения позорных случаев, вызывающих такие распри, предпринимали бы такие первентивные меры, чтобы были раскрыты подобные огромные взяточничества, разоблачены и наказаны взяточники»³. В данном случае писать такие письма заставила консула и чиновников не только невозможность сбора налогов, но и создавшаяся внешнеполитическая обстановка, которая после взятия турками Константинополя становилась все более неблагоприятной для генуэзской администрации в Крыму. Поэтому каффский консул, хорошо осведомленный о событиях, считал, что «не время собирать» налоги, что это может окончательно ухудшить отношения с местным населением.

Наряду с налогами, податями и различными пошлинами армянское население Крыма подвергалось усиленному национальному и религиозному преследованию как со стороны магометанского духовенства, так и представителей римской церкви.

¹ Там же, стр. 334.

² Там же, стр. 367.

³ Там же, т. VII, ч. II, стр. 345.

Национальные и религиозные преследования христианского населения Крыма особенно усилились, начиная со второй половины XV века, когда взятие турками Константинополя придало новую силу магометанской религии в Крыму. Подстрекаемая магометанским духовенством, фанатическая масса порой громила и разоряла христианские церкви, монастыри, врывалась в их жилища, совершала насилия.

Чем глубже магометанство пускало корни среди татар, тем больше они облакали свои политические и экономические расчеты в религиозную оболочку. В XV в. Менгли-Гирей хан вырезал часть христиан Каффы—армян, русских и греков, а часть выслал в степные районы. На южном побережье полуострова стал увеличиваться татарский элемент. Начался некоторый процесс ассимиляции татар с греками. Этим, вероятно, следует объяснить то, что татары южного побережья по своему облику заметно отличались от монголоидов, в том числе и от своих собратьев в степной части полуострова.

Татарские полчища в удобный момент не упускали случая, чтобы грабить и разрушать армянские церкви и другие богоугодные заведения, сжигать рукописи. Очевидец событий Михайло Литвин, замечает, что христианин-отец не мог даже пользоваться своим отцовским правом над строптивым сыном, если последний обращался к татарам: «Сами отцы семейств могут при этом пострадать, если на них донесут, что они словом или хотя бы движением пальца выразились неуважительно о магометанской религии»¹.

Ужасный пример массового уничтожения армян, русских и греков и вообще христиан подали турки после взятия Каффы в 1475 г.²

Чтобы навести страх на христианские массы, фанатичная толпа под водительством своих духовных вождей нередко учиняла самосуд над христианами под предлогом отказа последних признать веру Магомета или за ее оскорбление. Именно так были замучены и казнены Аствацатур (1478 г.), Парон-Луйс

¹ «Киевская старина», журн., 1889, № 25, стр. 13.

² Матенадаран, рукопись № 7442, л. 282.

(1567 г.), Сааж (1715 г.), 20-летний Прангул (1757 г.) и другие, о которых армянская мартирологическая литература сохранила достоверные и подробные сведения. Так, в стихотворной истории, посвященной мученику Аствацатуру, Григор Каффаеци (Рабун) сообщает, что по подстрекательству и указке мусульманских священников татарские заправилы долго издевались над армянским юношей. Встретив упорное сопротивление со стороны юноши, отказавшегося перейти в магометанскую веру, они, завернув его в одеяло, живым сожгли на костре¹. В 1509 г. жертвой фанатиков стал Аветик—«незаурядный философ» и «удивительный художник»². В 1567 г. невиданным мучениям и пытке подвергся 18-летний юноша Парон-Луйс: в день сочельника фанатичная толпа, задержав его, предъявила ему обвинение в том, что якобы он в свое время отказался от христианства и перешел в магометанскую веру, а возвратившись в Каффу, вновь исповедовал христианство. Несмотря на то, что перед судьей юноша доказал всю несостоятельность предъявленного обвинения, озверевшие фанатики не успокоились. По приказу данишмана его вновь арестовали и в течение 5 месяцев подвергали нечеловеческим пыткам и истязаниям. По распоряжению турецкого правителя Каффы Парон-Луйса обезглавили и в целях устрашения христиан в течение трех дней не разрешили никому похоронить его³.

В XVII—XVIII вв., когда русское государство стало предпринимать военные меры против татарских набегов и, естественно, завоевало симпатии христианского населения Крыма, преследования татар в отношении армян и русских усилились. Русский священник Яков Лызлов, будучи в 30-х годах XVII в. в Крыму, писал, что многие церкви христиан разрушены⁴. Да и сам

¹ Матенадаран, рукопись № 1636, л. 213—215.

² «Հայր Կոր Վհայեր», Վաղարշապատ, 1903, էջ 346—347 («Новые армянские мученики», Вагпат, 1903, стр. 346—347, на армянском языке).

³ Матенадаран, рукопись № 7397, л. 514—522.

⁴ И. Даниевский, Очерки истории Никормана, Одесса, 1855, стр. 20.

Мюрад-Гирей открыто угрожал насильственно обратить всех христиан в магометанство. В 1682 г. он писал русскому царю Федору Михайловичу, что «велю повергать насиліям весь находящийся в моих владениях христианский народ, заставить его обращаться в мусульманство и жестоко наказывать противников; находящуюся в моей столице Бахчисарае большую церковь Марии велю разрушить, а попов ее казнить, да и вообще велю разрушить все церкви»¹.

Крымские армяне периодически вели борьбу против католических миссионеров. По сути дела, под религиозным покровом велась социальная борьба и борьба за национальное самосохранение. Проповедники католицизма в большинстве случаев действовали более «деликатными» средствами. Для распространения в Крыму католицизма в 1318 г. римский папа основал в Каффе епископство, а с целью внедрения католической веры среди армян в 1333 г. армянские унитеры братья-доминиканцы в Каффе открыли свой монастырь². Одним из армянских проповедников католицизма был тогда епископ Тадеос, который в 1354 г. перевел с латыни на армянский язык «Книгу толкования литургии». Писец Торос Алврци говорит, что Тадеос был епископом армян-католиков Каффы и состоял в «братстве проповедников»³; это, безусловно, свидетельствует о том, что католические миссионеры и в половине XIV в. продолжали свою деятельность. К членам католического ордена принадлежали крымские армянские писцы Фра Андреас и Фра Якобс⁴.

Уповая на поддержку генуэзских духовных и светских властей, унитеры расширяли область своей пропаганды и в XV в. даже накануне падения Каффы — в период, когда внешнеполитическая обстановка сложилась явно неблагоприятной для генуэзцев. И в этот

¹ «ЗООИД», т. VI, стр. 551.

² Там же.

³ «ԺԳ դարի հայերն ձեռագրերի հիշատակարաններ», էջ 408:

⁴ Там же, стр. 371.

период в рядах унитаров находились армяне, как, например, писцы Фра Овасап Апаранци и Фра Тадеос¹. В 70-х годах XV в. в Каффе продолжала свое существование братия унитаров армян Св. Николая. Ее представитель в 1473 г. принимал участие в обсуждении вопроса о кандидатуре епископа армян. Оно проходило в консульстве по прибытии легатов константинопольского армянского патриарха. «...Присутствовал также достопочтенный наместник унитаров армян Св. Николая г. Каффы»², — сообщает документ.

В XIV—XV вв. в Каффе функционировали три обители, принадлежавшие доминиканскому и францисканскому орденам. Прибывавшие в Каффу миссионеры в течение 2—3 лет совершенствовались в изучении восточных языков, а затем, как заметил исследователь истории генуэзских поселений в Крыму Л. Колли, с «евангелием под мышкой и крестом в руке, в белой шерстяной рясе... отправлялись в далекие земли монгольские... до самого Камбалука (Пекина)»³. Таким образом, Каффа—узловой пункт генуэзской торговли в Черноморском бассейне, стала одновременно и центром проповедничества римской церкви: торговый капитал вывозил с собой в новые страны и свою духовную идеологию. Последняя в свою очередь была призвана укреплять позиции первого.

В распространении и укреплении среди крымских армян католичества духовные и светские власти Каффы возлагали большие надежды на Флорентийский вселенский собор. В этом направлении предварительно много усилий приложил консул Каффы. Отметим, что тогда епископом каффских армян был Магакя, а наместником католикоса—архимандрит Саркис.

Еще в мае 1438 г. консул Каффы Паоло Имперiale поставил перед римским папой Евгением IV вопрос о целесообразности приглашения особой делегации каф-

¹ Լ. Ս. Խաչիկյան, ժե դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, Ժամի Ա, Երևան, 1955, էջ 269, 270, 649 (Л. Хачикян, Памятные записи армянских рукописей XV в., ч. I, Ереван, 1955, стр. 269—270, 649).

² «Atti», vol. VII, p. II, стр. 332.

³ Л.П. Колли, Каффа в период владения ею банком Св. Георгия, Симферополь, 1911, стр. 11.

фских армян на вселенский собор. Консул учитывал то, что верхушка купечества крымских армян, связанная с генуэзским капиталом, относительно легко поддавалась пропаганде миссионеров. В соответствии с предварительным предложением каффских властей летом 1438 г. в Каффу прибыли папские нунции Франческо Болонский-младший, монах Людовикос и Якобос д'Приматицис, которые от имени папы вручили предводителям армянской епархии Крыма приглашение принять участие во вселенском соборе.

Обращение римского папы через специально посланных в Каффу своих нунциев к предводителям крымской армянской епархии с предложением принять участие во вселенском соборе свидетельствует не только о многочисленности армянского населения в Крыму, но и о той роли, которую они играли в жизни средневекового Крыма, пренебрегать которой из политических соображений было не в интересах римской церкви.

Еще до прибытия папских нунциев часть армянской купеческой верхушки, побуждаемая стремлением добиться равных с генуэзцами привилегий в торговле, на созванном по инициативе консула собрании заключила с ним через своих представителей соглашение о посылке делегации на вселенский собор. В соглашении была сделана оговорка о необходимости заполучить согласие Сисского (Киликийского) армянского католикоса Константина. По этому соглашению—«Позволительное письмо послов армян»—консул давал представителям каффских армян 3 месяца срока на поездку к католикосу. Было оговорено, что в случае, если католикос не даст согласия или делегация не вернется, каффские армяне имели право непосредственно послать своих представителей на вселенский собор¹.

Делегаты крымских армян прибыли сначала в Константинополь, а оттуда вместе с епископом Овакимом отправились в Киликию. Сисский католикос Константин дал свое согласие, игнорируя протесты амид-

¹ И. Պալեյան, ԿԳ. արևմտ., էջ 299, 300:

ского епископа Мкртыча Нагаша и других видных деятелей армянской церкви. Более того, он со своей стороны назначил представителей на вселенский собор—берийского (константинопольского) епископа Овакима, своего наместника в Каффе архимандрита Саркиса, а также архимандритов Маркоса и Товмаса. Константин вручил им делегатское письмо. Позицию Константина нельзя объяснить лишь влиянием католицизма в Киликии. Она была обусловлена внешнеполитическими соображениями, которые требовали объединения сил христианских народов против турецкой опасности. На позицию Константина определенное влияние оказал архимандрит Саркис.

Католикос, как это видно из делегатского письма, понимал союз с Римом именно в смысле объединения христиан: «Христиане обязаны и должны заключить союз и объединиться,—писал он.—Я со своей стороны и совершенной властью дал полномочия архимандриту Саркису, который есть и остается моим представителем, вместе с ним и архимандритам Маркосу и Товме и епископу Овакиму из Перы, чтобы они отправились на вселенский собор»¹.

По возвращении указанных лиц из Киликии в Крым в ноябре 1438 г. делегация крымских армян во главе с архимандритом Саркисом сразу же тронулась в путь и только в июле следующего года прибыла во Флоренцию. Хотя собор к тому времени уже завершился, но делегаты еще не разъехались, и Евгений IV, созвав специальные собрания, заключил с делегацией союз, который со стороны армян подписали каффские архимандриты Саркис и Товмас. Вслед за этим, вняв жалобе делегатов каффских армян на римского епископа в Крыму и сознавая необходимость осторожного обращения с крымскими армянами, папа подписал особый кондак на имя римского епископа Каффы, потребовав от него не вмешиваться в церковные дела армян и дать им возможность свободно справ-

¹ «Հանդես տնօրհայր», Կիլիկիա, 1935, 1—2, էջ 38 («Андэс амсореа», № 1—2, Вена, 1935, стр. 38, жур. на армянском языке).

лять свое богослужение и в соответствии со своими обычаями исполнять церковные обряды¹.

Было бы совершенно неправильно полагать, что союз, заключенный во Флоренции, означал католизацию крымских армян. Он вовсе не предусматривал вероотступничества. Это подтверждается и вышеуказанной папской буллой римскому епископу Каффы. Со стороны армян, которые и после этого сохранили свою национальную веру, этот союз скорее, как правильно заметил А. Г. Иоаннисян, был связан с надеждой на помощь Запада против турок².

Для распространения католичества среди крымских армян римская церковь пользовалась разными методами и приемами. Они в основном сводились к пропагандистским мерам, но миссионеры и латинские епископы в Каффе нередко прибегали и к насилию, хотя из центра их часто наставляли делать свое дело с большой осторожностью и умением. «Необходимо очень внимательно и дружелюбно относиться к армянскому католику, архимандритам и попам,— читаем в одном из наставлений миссионерам,— потому что армяне, увидев, что миссионеры дружат с их духовными вождями, с доверием и без подозрения будут прислушиваться к проповедям миссионеров. Так как армяне слишком преданы своим обрядам и обычаям, необходимо для успеха католической религии довольствоваться только тем, чтобы они признали вероисповедание католической церкви, а обычаи и обряды армянской церкви надо оставить неизменными. И, наконец, многие из армян не знают, что такое схизма. Ловкость миссионера состоит именно в том, чтобы при обращении их в католическую веру они не заметили, что являются схизматами или еретиками»³.

Для достижения своих целей представители католической церкви прибегали даже к подкупу отдельных

¹ Ա. Պալեյան, նշվ. աշխատ., էջ 145:

² Ա. Գ. Հովհաննիսյան, Դրվագներ հայ ազատագրական մտքի պատմության, գիրք երկրորդ, Երևան, 1959, էջ 8 (А. Г. Иоаннисян, Очерки истории армянской освободительной мысли, книга вторая, Ереван, 1959, стр. 8).

³ «Հայրենիք», 1933, № 4, էջ 114:

служителей армянской церкви в Крыму. На это указывал в 1446 г. папа Евгений IV в своей инструкции новоназначенному епископу перед его отправлением в Крым: «Тебе лучше, чем другим известно,—писал он,—как много мы потрудились, чтобы удержать принявших католичество армян в нашей вере, **чего мы добились благодаря затратам**»¹ (подчеркнуто нами.— В. М.).

Отдельные католические епископы зачастую игнорировали инструкции папы и грубо вмешивались в дела армянской церкви. Это обстоятельство вынудило папу в 1439 г. из-за жалоб, поступивших от прибывших на вселенский собор крымских армян, послать специальную грамоту на имя римского епископа в Каффе, запрещавшую ему вмешиваться в церковные дела армян. Так как эти вмешательства все же продолжались, то десять лет спустя Устав 1449 г., как мы уже отмечали, особой статьей под заглавием «Об устраниении притеснений, делаемых господином епископом каффским грекам, армянам, евреям и другим иноверцам», категорически запрещал вмешиваться в их дела, притеснять их и трагить, ибо это «может быть причиною уменьшения числа жителей в городе и предместьях и послужить явной опасности и вреду Каффы»².

Даже при таком запрете отдельные епископы продолжали грубо вмешиваться в духовные дела армян, что давало повод к острым спорам не только между армянами и католическим духовенством, но и между последним и генуэзской администрацией Каффы. Так вел себя, например, в 1454—1455 гг. епископ Джиаккомо Кампори. Он заставлял армян исполнять необычные для них церковные обряды, называл их еретиками и пытался обратить их в римскую веру. Имея в виду вредные политические и экономические последствия, администрация Каффы не пошла навстречу его стремлениям. Тогда Кампори обратился в правление банка Св. Георгия, обвиняя консулов и других служащих

¹ «Уррр», 1911, № 10—11, т. 104.

² «ЗООИД», т. V, стр. 730.

Каффы во взяточничестве, в неспособности управлять колонией¹. 8-го июля 1455 г. он послал в банк Св. Георгия грамоту, в которой сообщал, что едет в Геную для объяснения по делам².

Вслед за ним консул Каффы тоже обратился в правление банка с пространым письмом, в котором именовал епископа не иначе, как «агитатором и возмутителем общественного порядка».

Не может быть никакого сомнения в том, что поведение консула в первую очередь было связано со страхом перед татаро-турецкой опасностью. «По-моему,—писал Домокульта,—особенно духовный пастырь обязан приноравливаться к той среде, где он находится, и наш епископ не должен забывать, что мы тут живем не в католической стране, а среди татарских племен»³. Интересы безопасности города генуэзские чиновники ставили в прямую зависимость от поведения армян, греков, славян и других христиан и потому препятствовали мероприятиям своего епископа. Консул и массары, имея в виду того же епископа Кампори, сообщали в Геную, что такое его поведение недопустимо: «он постоянно преследует их (армян.— В. М.)... Так же он поступает в отношении других народов. Этого мы ни в коем случае не можем допустить»⁴. По требованию каффских властей и банка Св. Георгия римский папа заменил Кампори епископом Панисари, который, однако, оказался таким же фанатиком, как и его предшественник.

Ввиду того, что признание главенства римского папы все же сулило укрепление экономических позиций, часть армянской торговой верхушки, связанная с генуэзским капиталом, в XIV—XV вв. поддалась католической пропаганде, и последняя в этот период имела среди крымских армян некоторый успех. Именно представители богатой верхушки в 1438 г. поставили

¹ Н. Н. Мурзакевич, Четыре года в Каффы, см. «ЗООИД», т. VIII, 1872, стр. 129.

² Там же.

³ А. П. Колли, Каффа в период владения ею банком Св. Георгия, стр. 15.

⁴ «Atti», vol. VI, стр. 365.

свою подпись под документом, позволившим делегатам крымских армян участвовать во вселенском соборе¹. Часть богачей из каффских армян еще в 1318 г. дала римскому епископу Еронимии свое согласие признать верховенство римского папы. В связи с этим в 1318 г. папа Иоанн XXII обратился к каффским армянам со словами: «Мы получили великое удовлетворение,— писал он,—узнав о том, что... вы клятвенно обещали неизбежно исповедовать ту католическую веру, которую истинно имеет святая римская церковь... и обещали покорность римскому папе и его церкви через высокопочтимого нашего брата Еремии (Еронимии.— В. М.), епископа Каффы»². Основываясь на латинских источниках, Вильгельм Гейд подтверждает, что в 1318 г. часть каффских армян согласилась перейти в католическую веру³.

Однако успехи католических миссионеров среди крымских армян были незначительны, признание же частью армян католической веры носило зачастую формальный и временно-конъюнктурный характер, ограничиваясь лишь признанием верховенства папы. Уже в 1318 г. даже среди тех армян Каффы, которые признали католичество, возникли раздоры и несогласия в связи с буллой папы Иоанна XXII, предлагавшего им изменить некоторые обряды и сообразоваться с обрядами латинской церкви⁴. Армяне в знак пассивной борьбы уходили из Каффы к своим соотечественникам в другие части Крыма. Вероятно, это вызвало необходимость основания в тот период — в 1358 г. недалеко от Старого Крыма знаменитого армянского монастыря Сурб-Хач (Св. Крест).

Сближение крымских армян с католицизмом не было устойчивым и долговременным. Когда отпадала необходимость, принявшие католичество армяне, как правило, отходили от него. Постоянные раздоры и споры каффских армян с латинским епископом в 50-х годах

¹ П. Պալբյան, նշվ. աշխ., էջ 299:

² «Հանդէս ամսօրհիշ», 1911, էջ 450:

³ W. Heud, указ. соч., стр. 175.

⁴ «ЗООИД», т. VI, стр. 550—551.

XV в. свидетельствуют о том, что союз, заключенный на вселенском соборе в 1439 г., нельзя рассматривать в качестве принятия католицизма. С ослаблением позиции гегуэзцев католицизм постепенно терял почву под ногами. Падение же Каффы в 1475 г. явилось его лебединой песней.

И действительно, крымский армянский поэт Вардан Каффаци, очевидец событий XVII в., в своем четверостишии воспекает «страну Каффы» и «ее народ Св. Георгия», народ который живет в союзе и в единой национальной вере¹. Это подтверждает уже нам известный Хачгруз².

И если после 1475 г., в XVI—XVIII вв., среди крымских армян все же встречались католические общины, то, по всей вероятности, это были не потомки армян, принявших католицизм в XIV—XV вв., а католики из новых групп переселенцев на полуостров из различных мест, особенно из Львова, а также те немногие армяне, которые в XVI—XVIII вв. попали под влияние иезуитской пропаганды.

Защитник католицизма и ярый противник реформизма Фердинанд II добился, например, того, что в 1625 г. хан Джанибек-Гирей дал разрешение католическим миссионерам из юрдена доминиканцев свободно проводить пропагандистскую деятельность в ханстве³. Примерно в это же время в течение 10 лет основал свою резиденцию в Каффе член доминиканского братства небезызвестный Эмиддио Дортелли д'Асколи — префект Каффы и Татарии⁴. В начале XVIII в. некий Бон и сменивший его Курбилон основали в Бахчисарае «иезуитскую коллегию», чему во многом способствовал французский посол в Константинополе Фернал⁵. «Коллегия» пользовалась свободой действий на полуострове. Путем подношения богатых подарков хану иезуитам удалось построить в Бахчисарае церковь. Бон, началь-

¹ Матенадаран, рукопись № 3504, л. 228.

² Ч. У. Հախրճան, Մանր ժամանակագրութիւններ, հ. 1, էջ 227:

³ Anton von Padua Johannes Zerr, Tauriens Vergangenheit und Gegenwart in Wort und Bild, Odessa, 1912, стр. 175.

⁴ «ЗООИД», т. 24, стр. 89—180.

⁵ «Таврический церковно-общественный вестник», 1908, № 12, 13, стр. 535.

ник духовной пропаганды в Крыму, посредством Фернала получил от хана консульское звание¹. Католицизм в тот период получил распространение лишь среди некоторой части армян и лютеран.

В борьбе против католицизма ясно звучали и социальные мотивы, так как армянские трудовые массы оказывали сопротивление и своей верхушке, связанной с генуэзским капиталом.

Сохранились лишь отрывочные сведения о социальной борьбе в средневековом Крыму. Они в основном относятся к периоду генуэзского владычества. Так как выступления масс были направлены против колониальной власти Генуи, то их участниками в большинстве случаев являлись местные жители негенуэзцы.

Враждебное отношение местного населения к генуэзцам вынудило банк Св. Георгия в 1459 г. принять постановление, запрещавшее консулам и другим чиновникам нанимать представителей местных народов на военную службу². Устав 1449 г. определял не только виды наказаний, но и сумму, которую платили полицейскому приставу за их исполнение:

- § 2. За каждого человека, **высеченного лозами**, за какое-либо преступление, 25 аспров.
- §. 3. Также за каждого человека, **повешенного, обезглавленного или наказанного смертью другим образом**, 50 аспров.
- § 4. Также за каждого человека, **заколенного**, 30 аспров.
- § 5. Также за каждого женщину или мужчину, **наказанного телесно, но не до смерти, именно за отрезание какого-либо члена**, 35 аспров³ (курсив наш.— В. М.).

Хотя устав конкретно не указывал за какие проступки и преступления назначался тот или иной вид наказания, не может быть сомнения в том, что столь суровым наказаниям в первую очередь подвергались

¹ «ЗООИД», т. IV, стр. 467.

² С. А. Секиринский, Очерки истории Суружа VIII—XV вв. (диссертация), 1950, стр. 230.

³ «ЗООИД», т. V, стр. 696—697.

те, кто поднимался против генуэзского господства. Так как в число недовольных входили в основном негенуэзцы, то очевидно, что закон этот своим острием был направлен против армян, греков и др.

В 1433 г. против генуэзской Каффы выступили жители Чембало. Они изгнали генуэзских чиновников и заявили о своей покорности самостоятельному княжеству Феодоро, управляемому неким Алексеем, греком по национальности¹.

Недовольство местного населения заставляло каффские власти проявлять к ним осторожность. В 50-х годах XV в. консулы Каффы неоднократно предупреждали правление банка Св. Георгия о том, что обложение «налогами армян и греков» «встретит большие затруднения и вызовет скандал», что «нецелесообразно сейчас взимать налоги» с них, по «разным соображениям невозможно осуществить» налоговую политику², ибо армяне и греки открыто заявляют, что «эти латинцы, наши консулы, грабят нас и наше имущество»³.

В половине XV в. жители села Карагай поднялись против генуэзских феодалов братьев Гуаско, отличавшихся крайней жестокостью. Среди карагайцев был и некий Аванес, «ремесленник армянский»⁴.

Классовая борьба обострилась особенно после 1453 г., когда взятие турками Константинополя крайне отрицательно сказалось на экономическом положении населения юго-восточного побережья. Ухудшение материального положения масс усилило их борьбу против генуэзской верхушки и собственных угнетателей. В 1454 г. консул Каффы, сообщая в Геную о восстании в городе, просил прислать помощь. Он доносил, что восставшие несут по городу лозунг: «*Vivat populus, interficiuntur nobiles*» («Да здравствует народ, смерть знатным!»)⁵.

Массовые выступления в Каффе не прекращались вплоть до 1475 г., до взятия города турками. В 1471 г.,

¹ ИТУАК, т. 52, 1915, стр. 155.

² «Atti», vol. VI, стр. 334, 359, 367.

³ Там же, vol. VII, р. II, стр. 345.

⁴ С. Секиринский, указ. дисс., стр. 228.

⁵ «ЗООИД», т. 8, стр. 116.

например, имело место новое выступление, в котором приняло участие 3000 человек. За год до этого вспыхнуло восстание жителей Судака. В связи с подавлением выступления в Судаке протекторы банка Св. Георгия писали консулу Каффы: «Мы одобряем, что вы вместе с Мамачио подавили беспорядки в Судаке. Желаем, чтобы вы там сохранили спокойствие и в дальнейшем стремились не допускать таких беспорядков, так как это зависит от вас»¹.

Социальная борьба трудящихся масс нашла отражение также и в религиозных противоборствах, которые велись под различной окраской. Памятные записи некоторых армянских рукописей из Крыма прямо намекают на наличие в армянских поселениях религиозной борьбы, существование различных религиозных сект. Речь в данном случае идет не только о раздорах между католиками и армянами-григорианцами, но и о сектах, о которых, к сожалению, писцы не сообщают подробностей. Уже в XIV в. в армянской общине Каффы были сектанты. Писец Антон в своей рукописи 1357 г. сетует на то, что на его долю выпало «немало испытаний и раздоров от сектантов»². Автор другой памятной записи, относящейся к 1359 г. и написанной в Старом Крыму, приводит имя хранителя обители Св. Григория Тер-Оганеса, «который верховнопрестольной властью правил» там армянским народом и вышел победителем в борьбе «против арианосцев* и еретиков»³.

В 1365 г. борьба между армянами католиками и григорианцами в Каффе приняла столь острый характер, что одна из борющихся сторон захватила у другой церковь. «И в этом году (1365г.—В. М.) взволновался народ города вместе со священниками, траур и печаль овладели вообще всеми; и злой и интриган, враг коварно проникал в душу знатных и еретиков... и большая

¹ «Atti», vol. VII, p. I, стр. 735.

² Լ. Ս. Խաչիկյան, ԺԴ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, էջ 428, 429:

* Слово «арианосцы» употреблено в иносказательном смысле.

³ Там же, стр. 442.

печаль овладела правоверными... Да пусть сохранит господь бог... правоверных от всякой беды»¹. Под словом «еретики» писец Карапет подразумевает армян католиков и вообще католиков, ибо только они могли бы тогда с помощью «знатных» захватить церкви. Будучи армянином-григорианцем, он просил навечно не забывать упомянуть добрым словом католикоса Месропа, духовного предводителя крымских армян епископа Степаноса и царя Киликийского армянского государства Константина.

Политическое положение в генуэзских колониях, в особенности в Каффе, еще более ухудшилось в 60—70 годах XV столетия. Усилилось недовольство и обострилась борьба масс. В 1467 г. (15 июля) протекторы банка Св. Георгия письменно запретили гражданам Каффы проводить собрания и сборы и потребовали сохранить спокойствие между различными сословиями. Из этого документа явствует, что в области Кампания (прибрежная полоса, простиравшаяся от Ялты и Балаклавы до Кеок-Тебе, по другим данным—от Азовского моря до Инкермана)² в 1466 г. происходили большие беспорядки, и она еще не была умиротворена³.

Именно в тот период, начиная с 1471 г., среди кафских армян возникает сильная распря из-за кандидатуры армянского епископа, которая, расширившись и углубившись, превратилась в чисто социальное движение, направленное против генуэзской администрации и собственной колониальной верхушки. Борьба эта, длившаяся до 1475 г., расколола армянское население города на две части: одна представляла богатую верхушку торгово-ростовщического сословия, связанную с генуэзской администрацией, а другая—армян—трудящихся города. Борьба городских трудящихся своим острием была направлена против эксплуататорских классов. Поднявшиеся на борьбу трудовые слои армян отныне не желали примиряться с господством генуэзцев и заявляли: «До каких пор эти латинские консулы и нас будут развращать». Знаток и издатель источников

¹ *Ц. У. Էջմիածին, նշմ. աշխ., էջ 469.*

² ИТУАК, т. 54, стр. 131; т. 55, стр. 155.

³ «Atti», vol. VII, p. I, стр. 486—487.

истории генуэзских поселений в Крыму Винья в связи с этим заключает, что тогда во власти армян было «захватить Каффу в свои руки и сделаться самим хозяевами»¹.

Сохранилось немало сведений об этой борьбе: в основном, донесения консулов и других чиновников в Геную, ответы протекторов банка Св. Георгия, а также жалобы самих каффских армян и доносы генуэзских чиновников друг на друга.

Богатая верхушка армян во главе с сыном банкира Кутлук-бея Каяресом пыталась любой ценой посадить на епископский престол своего кандидата Тер-Карапета. Между тем, подавляющее большинство армянского населения города, трудящийся люд поддерживали кандидатуру Тер-Оганеса. В течение довольно длительной борьбы (1471—1475 гг.) епископский престол попеременно занимали то Тер-Карпет, то Тер-Оганес. Но важен не сам факт, а характер той борьбы, которая развернулась вокруг этих кандидатур. «Большинство народа на стороне Тер-Оганеса, и только какая-нибудь дюжина богатых и беспокойных поддерживает второго»²,—докладывал в Геную консул Кабелла в феврале 1475 г., официально подтверждая, что большинство народа боролось против кучки богачей, что это было народным движением.

Еще в 1473 г. легаты константинопольского армянского патриарха, прибывшие в Каффу, сместили Тер-Карапета и на его место назначили Тер-Оганеса. Это вызвало протесты со стороны его богатых покровителей. В 1474 г. те отправили своего человека в Константинополь к патриарху, которого, однако, уже не было в живых. Посыльный каффских богачей возвратился из Константинополя с указом заместителя патриарха о назначении Тер-Карапета. Это дало новый повод массовым волнениям армянского населения. Выступления были направлены против властей, потакавших требованиям богачей-армян. Имея в виду именно это, Кабелла в сентябре 1474 г. доносил протекторам, что в городе вновь «враждебные демонстрации, заговоры, угрозы закрыть церк-

¹ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, указ. статья, стр. 26.

² ИТУАК, № 55, стр. 164.

ви и пневные беспорядки, вызывающие зловердные столкновения в сношениях народа с властями»¹. Вероятно, это и заставило Кабеллу пойти навстречу желаниям большинства армян и опять посадить на кафедру Тер-Оганеса, тем более, что легаты константинопольского армянского патриарха письменно подтвердили согласие на это умершего патриарха². Каярес и его богатые соратники не простили этого консулу. Сначала они пытались подкупить его, любой ценой выиграть дело.

Генуэзская администрация Каффы, невзирая на строгие наставления из центра не вмешиваться во внутренние дела армян, все же не оставалась в стороне. В политико-экономическом отношении она была тесно связана с верхушкой армянской колонии. В то же время необходимость поддержания спокойствия в городе и интересы его обороноспособности вынуждали консула заниматься делами армян, учитывая волю большинства. Многие же чиновники пытались использовать раздоры среди армян в своих корыстных целях. Дело дошло до того, что Каярес пытался подкупить консула Кабеллу, послав ему 200 золотых червонцев, но последний отказался взять их. «Этот последний (Каярес.— В. М.) вследствие того, что он богат и кредитор больших сумм, утверждает, что он все может делать деньгами. Вы, мои протекторы, справедливо поступили бы, если бы вызвали Каяреса в Геную и укротили его дерзость»³.

Встретив сопротивление со стороны Кабеллы, Каярес и его сторонники стали действовать через других чиновников: массаров Оберто Скварчиафико, Франческо Фиески, генуэзского начальника области Кампанья Николо Торильи и латинского епископа Панисари, а также через некоторых армян—начальника рынка Асатура и некоего Аветика, поверенных Тер-Карапета и др⁴. Все они, подкупленные Каяресом, защищали кандидатуру Тер-Карапета, а Кабеллу цинично обвинили во взяточничестве и других грехах. Чтобы отвести от себя вину и добиться своей цели, они неоднократно обращаются к

¹ ИТУАК, № 55, стр. 148.

² «Atti», vol. VII, p. II, стр. 332.

³ ИТУАК, № 55, стр. 148.

⁴ «Atti», vol. VII, p. II, стр. 185—186, 325, 343 и др.

протекторам (банка Св. Георгия с доносами на консула Кабеллу. В сентябре 1474 г. Оберто Скварчиафико сообщал протекторам, что он уже четыре раза обращался в банк относительно спора вокруг кандидатуры епископа армян. «Вопрос о споре за кандидатуру епископа армян,—писал он 14 сентября 1474 г.,—.... который почти был разрешен, снова вспыхнул». И это Скварчиафико относит к неправильному поведению Кабеллы, который якобы не хотел внять сообщению патриарших легатов о назначении Тер-Карапета. «Наш консул захотел и хочет самолично решить это дело. И это вызвало большое недовольство среди армян и всей канцелярии, ибо говорят, что эти дела совершились посредством крупных взяток... этим наносится величайший вред этому городу и нашей чести»¹. В другом доносе, написанном 18 января 1475 г., Скварчиафико и Франческо Фиески уже без околичностей обвинили Кабеллу во взяточничестве. «Консул (Кабелла) не сделал нас участниками необходимых мероприятий, предпринятых с его стороны для решения этих споров, как это он обязан был сделать... для решения этих споров в предстоящем должны быть приняты такие меры... которые вскрыли бы такое большое бесстыдство взяточников... Ясно видно, и об этом все открыто говорят в городе, что эти дела (назначение епископа.— В. М.) совершены посредством денег и взяток и даже посредством крупных взяток, так как этот епископ Панджиаджер (Тер-Оганес.— В. М.) держится на кафедре консулом без нашего участия, избранный другой епископ смещен с должности...»².

Определенный интерес представляет письмо поверенных Тер-Карапета, Азатура и Аветика на имя Кабеллы и других чиновников, написанное 21 октября 1474 г. Хотя оно страдает тенденциозностью и односторонностью в отношении Кабеллы, но содержит немало сведений, которые проливают свет на эту историю и на нормы поведения геновских чиновников. Поэтому считаем уместным привести некоторые выдержки из этого письма. «...События получили такой оборот,—писали

¹ «Atti», vol. VII, p. II, стр. 326.

² Там же, стр. 185—186.

они, имея в виду смещение Тер-Карапета,— потому, что почтенный консул протянул Тер-Карапету руку (помощи). ... Тер-Оганес и Тер-Оганес, выступая якобы в роли патриарших легатов (они действительно были легатами.— В. М.), представили данное письмо (патриаршее.— В. М.) в качестве буллы-письма. Этим письмом они претендуют на то, что якобы имеют от патриаршей кафедры буллу сместить вышеуказанного Тер-Карапета...». Обвиняя легатов в фальсификации, поверенные далее пишут: «Но для своего заговора они (легаты.— В. М.) выжидали консульства Бабтисты Джустиниани. ... Каярес говорил от имени Паули де Путео, близкого человека консула, и от своего имени... И они (чиновники.— В. М.) сказали Каяресу, что никогда не потерпят, чтобы вышеуказанный Тер-Карапет занял кафедру, разве только, если даст деньги... Каярес знает сколько потратил со своими сторонниками Панджиаджер и сколько денег он отдал чиновникам. Вышеуказанный Паули, высмеивая такое маловажное дело, потребовал только 150 дукатов, а получив их, он держал их в течение многих дней, и упомянутый Каярес увидев, что дело остается в таком худшем состоянии и что указанный Паули находится в повседневном сношении с единомышленниками другой стороны, понял или стал сомневаться в том, что вышеуказанный Паули может уговорить эту сторону, чтобы от нее получить еще больше денег... и пожелал, чтобы Паули вернул бы ему деньги... и Паули сказал Каяресу и другим лицам и дал довольно ясно понять, что необходимо платить больше». Действительно, из слов посредника видно, что вышеуказанный Паули потребовал еще большую сумму, чем вначале дали ему, и получил лишь 200 дукатов или их стоимость в аспрах, предлагал 100 дукатов консулу и 50 дукатов—для него, и второй раз получив деньги, держал их у себя много дней. И когда Каярес пожаловался на затяжку, Паули ему говорил и уверял, что все согласовано с консулом, и что консул часть этой суммы уже потратил или сам Паули заплатил Лукино де Пагане за него, консула, на содержание в его дворце невольников. Каярес и другие замечают, что Паули поддерживает постоянную связь и с противной стороной, и это вызвало сомнение и убеждение, что упомянутый

Паули постоянно предает их и неуместно злоупотребляет именем консула.

... Не является смягчающим обстоятельством и то, что Вы (т. е. Кабелла.— В. М.) заявляете, что указанный Панджиаджер является епископом... Они (легаты патриарха.— В. М.) дают понять, что народы латиняне, греки, армяне, евреи, сарацинцы (татары.— В. М.) желают Панджиаджера и что консул Джустиниани был... сторонником Панджиаджера и таким был и его преемник. ... Приходят к заключению, что палата (консульская.— В. М.) так пожелала, ибо иначе поступить не смогла бы из-за страха перед турками... не является смягчающим обстоятельством и то, что некоторые пускают пыль в глаза канцелярии, заявляя о том, что имеется опасность восстания. В самом деле высокопочтимая канцелярия хорошо знает, что ей достаточно того, чтобы она отправила бы приказ вместе со своими силами, и в этом городе народы будут подчиняться «верховой власти»¹.

Из письма поверенных следует, что каффские чиновники занимались взяточничеством, а консулы, учитывая внутривосточное состояние колонии и угрозу турецко-татарского вторжения, не могли не считаться с желанием большинства народа выдвинуть свою кандидатуру на епископскую кафедру. Вопреки своему желанию даже авторы писем не могли отрицать всего этого. Они признавали также наличие опасности восстания, хотя и считали, что его можно будет предотвратить вооруженной силой.

В своем письме от 12 февраля 1475 г. Кабелла поставил протекторов в известность, что богатые армяне обещали управляющему Кампании Торильи «в вопросе об армянском епископе и в другом, об увезенной девице... 400 каффинских сомм или даже 1000 червонцев», «если он выиграет дело»². Каяреса и его сторонников рьяно поддерживал массар Скварчафико, которому было «желательно согласиться с Каяресом и послать на кафедру его любимца, а я хочу ждать вашего решения»³. Документы свидетельствуют

¹ «Atti», vol. VII, p. II, стр. 331—338.

² ИТУАК, № 55, стр. 165.

³ Там же, стр. 167; см. «Atti», vol. VII, p. II, doc. MCXVIII.

о том, что консулы, массары и другие колониальные чиновники, не жалея слов, обвиняли друг друга во взяточничестве, злоупотреблении занимаемой должностью, предательстве и т. д. Надо полагать, что они все в основном были правы: мало кто из них остался непричастным к этому.

Принимая участие в споре, но не будучи в состоянии прийти к решению, которое удовлетворило бы обе стороны, Кабелла независимо от себя затягивал дело, вызывавшее в народе волнения, споры и драки. «Вследствие этого,— писал Кабелла в указанном письме,— произошло большое брожение и недоразумение в городе, дошедшее до столкновения даже в церкви, где собрались две партии до трехсот душ, готовых дойти до драки. Я тотчас отправил туда моего верхового, чтобы прекратить волнение и привести ко мне шесть вождей-агитаторов с обеих сторон, которых заставил уплатить две тысячи сомм штрафа. Для тушения пожара монета лучшее средство, нежели вода. Однако для возбуждения еще больших беспорядков явилась вредная рука Каяреса с его приятелем Николо Торильи, помощником и другом Деркарабета (Тер-Карапета.— В. М.), которые ко всем привязались с угрозами, протестами и бумагами в защиту своего фаворита»¹.

Генуэзские власти так и не смогли потушить этот пожар. Вскоре турецкое вторжение положило конец не только этому спору, но и самому существованию генуэзских поселений. Оно принесло смерть, горе, разрушение христианскому населению Крыма, в том числе и армянам.

¹ ИТУАК, № 55, стр. 164.

Глава третья

ПАДЕНИЕ КАФФЫ И ТАВРИЧЕСКИЕ АРМЯНЕ

В июне 1475 г. войска турецкого султана Магомета II после пятидневной осады и артиллерийского обстрела с помощью татарских сил заняли город Каффу—административный центр генуэзской торговой колонии в Крыму. С того дня установилось господство Османской Турции над Крымом, длившееся три столетия.

Падение Каффы обусловилось целым рядом внутренних и внешних причин. Начиная с 50-х годов XV в. в Каффе создалось тяжелое положение. Широкий размах приняло недовольство масс, проявлявшееся как на социальной, так и национальной почве. С другой стороны, для Генуэзской Республики, следовательно и для Каффы, все неблагоприятнее становилась внешнеполитическая обстановка, обусловленная всем ходом развития международных отношений того времени и, в частности, завоеваниями турок. Внешнеполитическое и внутриэкономическое положение торговых поселений генуэзцев в Крыму осложнялось по двум причинам: созданием в Крыму самостоятельного ханства, первый правитель которого—Гаджи-Гирей проявлял открытую вражду к генуэзцам, и захватом в 1453 г. проливов турками, что нанесло смертельный удар по генуэзской торговле.

Султан Магомет II с самого начала воздвигнул серьезные преграды перед черноморской торговлей, за-

крыв проливы. Подобная обстановка делала бессмысленным и бесперспективным само существование генуэзских торговых факторий в Черноморском бассейне. Положение еще более обострил договор, заключенный между султаном Магометом II и Гаджи-Гирей ханом: последний обязался осадить Каффу с суши, султан же должен был осуществить нападение на город с моря¹. Каффа становилась владением хана с условием, чтобы ее жители считались бы подданными султана.

Султан и хан от слов перешли к делу. Согласно сообщению секретаря консула Каффы, турецкий флот в составе 500 галер в июле вошел в Черное море и напал на крепость Монкастро (Аккерман, ныне город Белгород-Днестровский). Получив отпор, турки отошли и направились к Каффе. В тот момент у стен города появились и войска Гаджи-Гирей хана. Командующий турецкими войсками Темир-Кай, вызвав к себе представителей города, вынудил их пойти на уступки. Был заключен договор, согласно которому каффинцы обязались ежегодно платить татарскому хану 600 сомм², а туркам дать заложников. Кроме того, ежегодно турецкому султану Каффа должна была отправлять 4000—8000 червонцев³.

Исходя из создавшегося положения, правление банка Св. Георгия в октябре 1454 г. отправило особую депутацию к Магомету II, прося соблюдать мир. В свою очередь, консул Каффы Деметрио де Вивальди тоже отправил посольство в Константинополь. Послы консула Антонио дель Пино и Батиста Альджеро прибыли в Константинополь раньше, чем представители республики. В связи с этим прибывшие на остров Хиос генуэзские послы получили из центра распоряжение не вмешиваться в переговоры каффинцев с турками⁴. Вероятно, частично этим объясняется то, что до 1475 г. турки не предпринимали нападения на Каффу. Но основная причина «миролюбивой политики» турок

¹ «ЗООИД», т. 8, стр. 114 (статья Н. Н. Мурзакевича, «Четыре года г. Каффы»).

² Там же.

³ «Atti», vol. VII, p. II, doc. MCCCXXI.

⁴ «ЗООИД», т. 8, стр. 117, 122.

заклучалась в ином. Военные действия против Венеции и Венгрии вынуждали турок откладывать планы захвата Крыма на более удобное время¹. И поэтому, вероятно, на условиях ежегодной дани турки тогда разрешали каффинцам пользоваться проливами. Это, конечно, не означало, что они сняли все преграды и представили итальянцам право свободного судоходства. Быстроходные судна генуэзцев зачастую с боем проходили через проливы. Закрытие проливов вынуждало каффинцев держать связь с метрополией по суше: через Монкастро—Львов—Будапешт. Этот путь, естественно, не мог компенсировать свободную морскую торговлю. Сама Генуя тоже находилась в неблагоприятных внешнеполитических условиях. Вражда с Венецией и Испанией ослабляла экономическую и военную мощь республики и не давала ей возможности оказать своим таврическим поселениям необходимую помощь.

Неблагоприятные внешние условия негативно сказывались и на внутренней жизни Каффы, которая и без того изо дня в день ухудшалась. Торгово-экономический кризис, возникший вследствие закрытия проливов, все более обострял классовые отношения. Торговая верхушка и генуэзская администрация старались возместить прежние доходы от торговли путем увеличения налогов и повинностей, повышения цен. Все это, естественно, обостряло борьбу масс против имущих. Недовольство масс возрастало и в результате взяточничества чиновников, отсутствия правосудия и нетерпимого отношения генуэзцев к местным жителям—негенуэзцам. Постепенно в городе поднимала голову анархия, не соблюдалась неприкосновенность личности и собственности. Опасность столь возросла, что многие в Генуе даже отказывались отправляться в Каффу для занятия должностей, между тем еще совсем недавно они приобретались за определенные взносы. Из сообщения консула Томасо де Джомокульты видно, что в генуэзских поселениях царил полный беспорядок, на кораблях и на берегу постоянно вспыхивали возмуще-

¹ С. Секиринский, Очерки истории Сурожа, Симферополь, 1955, стр. 53.

ния, а ряд пунктов, принадлежавший генуэзцам, занимали отдельные местные правители¹.

Царила и финансовая разруха. Правление банка Св. Георгия нередко обвиняло консулов и финансовых чиновников в злоупотреблениях и нарушении законов. «Между чиновниками развились продажность и взяточничество; общественная казна лишилась своих доходов и обеднела»², констатирует В. Юргевич — переводчик и издатель «Устава для генуэзских колоний в Черном море, изданном в Генуе в 1449 г.» По подсчетам итальянского ученого Канале, годичный дефицит города к 1457 г. составлял 492 тысячи аспров³. Правление банка Св. Георгия было вынуждено в 1454—1465 гг. ежегодно выделять каффской казне 25—30 тысяч генуэзских лир⁴.

Положение в Каффе обострялось также вследствие противоречий между различными народностями города. Армянские и греческие массы выступали против генуэзских эксплуататоров. К этой борьбе примыкала также часть состоятельных торговцев и ремесленников, соперничавших с итальянцами. С другой стороны, основы владычества генуэзцев расшатывало татарское население Каффы, которое, будучи тесно связанным со своими соплеменниками за пределами города и симпатизируя туркам, выдавало им секреты обороны. Именно имея в виду это обстоятельство, Устав 1449 г. содержал ряд предупредительных статей, вплоть до запрещения мусульманскому населению города и предместий носить оружие. «Принять во внимание, что много сарацин* живет в городе Каффе, любя оный, и что они большею частью величайшие враги христианской веры, постановляем и предписываем, для уничтожения всякого способа и мысли сделать зло, чтобы ни один сарацин, живущий в Каффе, как в собственном

¹ «ЗООИД», т. 8, стр. 118, 125.

² «ЗООИД», т. V, стр. 630.

³ Там же.

⁴ Marian Mal'owist, Kaffa w drugiej połowie XV-ego wiku, Warszawa, 1939, стр. 43.

* Под словом «сарацин» устав имеет в виду жителей-мусульман, в основном татар.

городе, так равно на предместии и в крепости не смел и не думал впредь иметь или держать в доме собственном или наемном никакого оружия наступательного или оборонительного, под опасением потерять в наказание такое оружие и кроме того заплатить один по десяти сонмов штрафу, по приговору консула или управляющих»¹. Статья строго-настрого запрещала приезжавшим в город турецким и татарским купцам выгружать оружие. Заметим, что этот запрет не распространялся на христианских купцов.

Однако произвол генуэзской администрации, всей тяжестью ложившийся на плечи греческих и армянских масс, как правило, татар не затрагивал. Нельзя не согласиться с исследователем истории генуэзских поселений в Крыму второй половины XV в. Л. П. Колли*, пришедшим к заключению, что «зажиточные генуэзцы из купцов или помещиков, вследствие подкупности судей, почти всегда оставались правыми, несмотря на законную правоту их бедных противников»². Как мы уже видели в предыдущей главе, кафские чиновники постоянно враждовали между собой, затягивали рассмотрение дел, брали взятки и, как правило, выносили решения в пользу генуэзцев, особенно тогда, когда противник был из армян, греков³. В своих донесениях в Геную в 1455 г. армяне и евреи жаловались на небезопасное положение торговли, на произвол служащих⁴. Подобные жалобы и протесты армян, греков и евреев вынуждали правление банка Св. Георгия издавать частые указы и постановления с требованием к правителям колонии сохранять нормальные отношения с местными народами. Протекторы

¹ «ЗООИД», т. V, стр. 814—815.

* Этому вопросу Л. П. Колли посвятил три небольшие работы: «Исторические документы о падении Каффы», Симферополь, 1910; «Каффа в период владения ею банком Св. Георгия» (1454—1475 гг.), Симферополь, 1911; «Падение Каффы» (ИТУАК, № 54, 55).

² Л. П. Колли, Каффа в период владения ею банком Св. Георгия, стр. 22.

³ Там же.

⁴ «Atti», vol. VI, стр. 351—352.

неоднократно обращались непосредственно и к этим народам, стремясь вселить в них надежду на хорошие перспективы в будущем. Приведем одно из таких обращений к армянской общине города и ее епископу: «...Светлейшему епископу и армянской общине города, достопочтенный отец и наши уважаемые! В надежде на всемогущество бога, до получения этого нашего письма вы уже увидели нашу заботливость и то, насколько много мы руководствовались вашим благосостоянием и защитой и расцветом сего города. ...С божьей помощью мы продолжим следить за добром и способствовать ему, чтобы оно расцвело и стало еще лучшим. Ставим вас в известность, что все наши думы с божьей помощью направлены на то, чтобы этот известный город оставался (и впредь) самой знаменитой Каффой. Следовательно, будьте тверды и не жалейте ваших сил и поступайте как хорошие сеяльщики, которые не жалеют ни сил, ни энергии в надежде получить хороший урожай, в надежде на будущее.

Написано 13 марта 1455 г. ... То же самое отправлено греческому епископу и греческой общине»¹.

Однако ни инструкции и постановления к правителям колонии, ни обнадеживающие послания к грекам и армянам не могли улучшить атмосферу, которая изо дня в день накалялась из-за обострения экономических, политических и национальных отношений, вмешательства высокопоставленных чиновников во внутренние дела этих народов. «Падение нравов в Каффе чувствуется все сильнее и сильнее при постепенном анализе генуэзских документов за эти годы агонии большого города. Подобное своевольное настроение народа создало, несомненно, одну из веских причин этого крушения. Ведь при столь кипучей торговой деятельности семидесятитысячного населения, с его индивидуальной разрозненностью и враждебностью в религиозных и социальных понятиях и стремлениях, требовалась сильная власть, а в действительности власть была в далекой Генуе, отделенной от него непроницаемой стеной султанского флота. Вот почему кажется, что все слои населения — татары, греки, армяне, евреи, генуэз-

¹ «Attis», vol. VI, стр. 296.

цы, судьи, купцы, менялы, банкиры, чиновники, духовные лица, моряки, носильщики и чернорабочие очертя голову стремятся все к неминуемой пропасти»¹, — заключает Л. П. Колли.

Не внушала доверия и организация обороны города. Не имелось пушек², хотя из Аахена и Страсбурга были приглашены двое в качестве руководителей артиллерии, которую собирались организовать на месте, но, видимо, ничего не вышло. В Каффу отправили маленькую группу наемников, а также военного инженера Антонио Бонино³. Капитан наемников Джиованни Пиччино 8 июля 1455 г. сообщал в Геную, что хотя принятые им меры по укреплению города нашли одобрение у армян и греков, однако предстоит еще многое сделать⁴. Войско, посланное Генуей, было очень малочисленно. Протекторы даже предлагали по миновании опасности ограничить число солдат вместе с городовыми до 200 человек⁵. В эти критические годы Генуе лишь один раз удалось отправить по суше небольшое подкрепление каффинцам. Меры, предпринятые в целях укрепления обороноспособности города, были неэффективны. В 1463 г. представитель Каффы некий Гамацио с разрешения польского короля набрал в Подольи отряд в составе 500 человек для отправки в Каффу. Но в пути наемники стали бесчинствовать и разорили г. Брацлав. Воевода Михаил Чарторийский преследовал и разгромил их⁶. Еще задолго до того, в 1455 г. банк Св. Георгия попытался послать в Каффу два военных судна, но одно из них было потоплено турками у самих проливов, а другое вернулось назад. Остались неудовлетворенными просьбы к венгерскому, французскому, английскому и португальскому королям об оказании помощи каффинцам, а также неоднократ-

¹ ИТУАК, т. 54, стр. 142.

² «ЗООИД», т. V, стр. 834.

³ ИТУАК, № 54, стр. 139.

⁴ «Atti», vol. VI, стр. 310.

⁵ Там же, vol. VII, p. I, doc. DCCCCXLII.

⁶ Н. Н. Мурзакевич, История генуэзских поселений в Крыму, Одесса, 1837, стр. 71.

ные обращения римского папы с щедрыми обещаниями раздачи индульгенций¹.

Недальновидной была политика, проводимая правлением Каффы с целью укрепления связей города с внешним миром. С татарской стороны городу угрожали явно враждебные силы, хотя Менгли-Гирей, ставший ханом после Гаджи-Гирея, благосклонно относился к каффинцам: из восьми братьев, боровшихся за ханскую власть, генуэзцы поддерживали кандидатуру Менгли-Гирея, получившего у них воспитание. Его братья, особенно старший брат Нур-Девлет, и их сторонники враждебно относились к нему и Каффе. Они вели тайные переговоры с турецким везирем. Нур-Девлету помогали некоторые из генуэзцев, по той или иной причине недовольные властями Каффы. Среди них был некий Якобо Гримальди, который, скрываясь в Тамани, вошел в тайные сношения с братьями и предложил Нур-Девлету свои услуги в деле вербовки вооруженных отрядов для нападения на Солхат и Каффу. После взятия этих городов он собирался объявить Нур-Девлета ханом. Но заговор был раскрыт, Гримальди понес наказание, а Нур-Девлет со своими братьями попал под арест².

В 1468 г. по приглашению консула Джентиле де Камиллы и других высокопоставленных чиновников Менгли-Гирей в качестве высокого гостя посетил Каффу. Там был заключен договор, по которому восстанавливались статьи соглашения 1381 г. и между Каффой и ханством устанавливался постоянный мир; договаривающиеся стороны обязывались помогать друг другу в случае внешней опасности³. В данном случае имелась в виду опасность, грозившая со стороны турецкого султана. Однако этот договор, как и договор об установлении дружественных отношений с мангупским князем Сайком были мизерными мерами перед опасностью турецкого нашествия. К тому же сближение с соседями, а также отдельные неудачи турок на Балканах в какой-то степени дезориентировали руковод-

¹ Н. Н. Мурзакевич, ук. соч., стр. 71.

² ИТУАК, № 54, стр. 133--135.

³ Там же, стр. 132.

ство банка Св. Георгия. Все это привело к самоуспокоению, ослабило мероприятия по укреплению обороны города. Беспечность протекторов дошла до крайней черты. Они стали бахвалиться, что де, если даже Менгли-Гирей откажется выполнить свои договорные обязательства, с имеющимися в городе силами можно отбросить назад турок и не бояться их¹. После того как ханом стал Менгли-Гирей, консул Каффы получил указание сократить в городе военную силу, а число наемников довести не более, чем до 200 человек². Этот недаленовидный шаг мотивировался победой сербов и венгров над войсками Магомета II под Белградом и появлением в Черном море папского флота³. Роль того и другого события явно преувеличивалась.

Таким образом, ослабленная во всех отношениях Каффа, одинокая и беззащитная, стояла перед турецко-татарскими объединенными силами: достаточен был один серьезный удар, чтобы ее падение стало фактом. Надвигавшееся бедствие ускорили бездарные генуэзские правители города, открыто вмешавшись в запутанное дело, связанное с отстранением от должности татарского тудуна (префекта) области Кампания⁴. Магомет II готовился рано или поздно напасть на Каффу. В начале 1475 г. его войска, как уже отмечалось, осадили Монкастро. Вмешательство генуэзской администрации во внутренние дела татар послужило новым толчком к объединению татарских и турецких сил, и без того тяготевших друг к другу.

Это вмешательство выразилось в следующем. В 1466 г. умер тудун (наместник) Кампании Мамак. Перед смертью он выразил желание передать эту должность своему брату Эминеку, лишив тем самым своего сына Сайтаха права наследства⁵. Через некоторое время после вступления на должность Эминек проя-

¹ «Atti», vol. VII, p. I, doc. DCCCCXLI; ИТУАК, № 54, стр. 140—141.

² «ЗООИД», т. 8, стр. 143, ИТУАК, № 54, стр. 154.

³ «ЗООИД», т. 8, стр. 143.

⁴ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, указ. статья, стр. 11—12.

⁵ ИТУАК, № 54, стр. 160; № 55, стр. 155.

вил антигенуэзские настроения, запретив вывоз продуктов из Кампании в Каффу¹. Это, естественно, было не по душе генуэзцам, и они вошли в сговор с матерью Сайтаха, тщеславной Агрипиной, стремившейся отстранить Эминек и посадить на его место своего сына. Ей удалось подкупить почти всех каффских чиновников, в том числе, вероятно, и консула Кабеллу, а также массаров Скварчафико и Фиеско². Подкупленный ею генуэзец Константино Пиетраросса, по сообщению летописца Джустиниани, «начинает уговаривать Николо Торильи (генуэзского управляющего Кампанией.— В. М.), обещая ему две тысячи червонцев, Оберто Скварчафико две тысячи, и все обещая тому и другому деньги, то консулу, то другим чиновникам, дошел до шести тысяч червонцев, и все, будучи бедны и скаредны, дали себя подкупить и вместе сговорились удовлетворить желание вдовы и устроить назначение Сайтаха наместником Кампанией, пригласив его в Каффу. Он в сопровождении двадцати пяти всадников прибыл в город в первый день декабря 1474 года»³.

В то же время в Каффу в качестве гостя был приглашен Менгли-Гирей, который должен был дать свое согласие на назначение Сайтаха наместником. Целую неделю хан провел в Каффе, но колебался назначать вместо Эминек Сайтаха, опасаясь своих противников Кара-Мурзы и его союзника Айдара. Внешне каффинцы делали вид, что согласны с ханом, а хан представил Кара-Мурзе право предводителя рода Ширинов⁴. Почувствовав опасность и, видимо, будучи осведомлен о готовившемся заговоре, Эминек скрылся со своими людьми в неизвестном направлении. Тем временем генуэзская администрация продолжала оказывать давление на Менгли-Гирея, угрожая ему в случае несогласия не выпустить на свободу его брата, что, конечно, обострило бы борьбу между ханом и его братьями за ханский престол. И хан был вынужден согласиться на выбор Сайтаха. Это, как правильно замечает Ма-

¹ «Attis», vol. VII, p. II, стр. 85—86.

² В. Х. Кондораки, Универсальное описание Крыма, т. 3, ч. 9, стр. 35.

³ ИТУАК, № 55, стр. 155—156.

⁴ Marian Malowist, указ. работа, стр. 56.

риан Маловист, было очень опасно как для хана, так и для колонии¹.

Между тем Эминек действовал более решительно. Убежав с помощью своего приятеля генуэзца Андреа Фатинанты из Каффы, он уехал в Константинополь, где получил согласие султана о совместных действиях против итальянцев в Крыму. В феврале 1475 года по призыву Кара-Мурзы и Айдара Эминек вернулся из Константинополя, и весь полуостров попал в руки восставших. Хан и Сайтах стали искать себе убежище в Каффе. Даже в тот критический момент генуэзцы, подкупленные сторонниками Сайтаха, не дали возможности Менгли-Гирею урегулировать вопрос в пользу Эминека².

Магомет II не преминул воспользоваться удачной ситуацией. Заключив мир с Венгрией, он дал приказ своему флоту, направлявшемуся во главе с великим везиром Кетик-Ахмет пашой на Аккерман, высадиться в Крыму³. Из срочного донесения венецианского посла при венгерском короле Себастиане Бадоро от 30 июня 1475 г. явствует, что к туркам присоединились татары, а также заальпийцы (вероятно, иностранцы—немцы и поляки⁴). При приближении высадившихся турецких сил в Каффе на расстоянии 7 миль от города, в Пасидине, между татарскими воспачальниками и командованием турок было заключено соглашение о совместных военных действиях, выработан конкретный план общего наступления. Один из очевидцев событий, попавший в числе пленных в Константинополь, писал, что Каффа была окружена со всех сторон — как с суши, так и с моря⁵.

Со стороны моря город осадили сотни военных кораблей, оснащенных артиллерией. Армянские источни-

¹ Marian Malowist, указ. работа, стр. 56.

² Там же.

³ Там же, стр. 57.

⁴ Л. П. Колли, Исторические документы о падении Каффы, Симферополь, 1910, стр. 8.

⁵ Ф. Брун, Черноморье, ч. I, Одесса, 1879, стр. 236—237.

ки насчитывают 300—400 кораблей¹. Защитники города, лишённые артиллерии и помощи извне, могли рассчитывать лишь на собственные силы. Однако они чувствовали острую нужду не только в боеприпасах, но и в продовольствии, необходимых для того, чтобы выдержать долговременную осаду. Между тем, как об этом сообщали представители венгерского короля при молдавском воеводе Стефан Доминико д'Альба-Реале и его товарищ Гаспар, к туркам присоединились 60 000 татар². А анонимный автор письма с острова Хиос сообщал, что охваченный ужасом Менгли-Гирей, чувствуя свою беспомощность, во главе 1500 всадников скрылся в Каффу³, этим как бы предоставив своим противникам абсолютную свободу действий среди татар. Следовательно, союз, заключенный им с Каффой, перестал играть какую-либо роль. Среди вражеских сил активно действовали выпущенные на свободу братья хана.

В течение пяти дней каффинцы упорно сопротивлялись. Город защищали армяне, составлявшие тогда две трети его населения⁴, и греки; татары, наоборот, вели себя явно враждебно и выдавали врагу секреты осажденных. Генуэзцы же в силу своей немногочисленности (их было всего в городе 1000 человек⁵) не могли играть решающей роли. «Тогда сопротивлялись наши князья и дворяне и не хотели сдать крепость»⁶,—сообщает памятная запись крымских армян. Генуэзский гражданин Джиакомо Джустиниани, проживавший на острове Хиос, 10 июля 1475 г. писал: «Татарский хан, увидя, что для него нет спасения, укрылся в Каффе с 1500 солдатами, оставив на поле прочих татар под начальством своего Бассы. Этот же со всем татарским народом заключил союз с турецким адмиралом и ока-

¹ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 281 об., рукопись № 7709, л. 57.

² Л. П. Колли, Исторические документы о падении Каффы, стр. 12.

³ Там же, стр. 14.

⁴ «Atti», vol. VII, p. II, стр. 248, 345.

⁵ С. Секиринский, указ. работа, стр. 35.

⁶ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 281 об.

зал ему помощь в жизненных припасах и другим необходимым для осады. Тогда со стороны суши турки начали проламывать стены в продолжение четырех суток. На пятый день возмутились городские греки и армяне, заявив латинцам о своем отказе дальше противиться туркам, требовали сдачи. Тогда латинцы, увидев свое бессилие одним защищаться, сдались на условиях пока неизвестных»¹.

Если оставим в стороне тенденциозный подход генуэзского хрониста, то рациональное зерно его сообщения состоит в том, что татары, действительно, симпатизировали туркам; латинцев было ничтожное число, а армяне и греки в силу безвыходного положения не могли дальше продолжать сопротивление. Это подтверждается и сообщением армянского источника. Последний повествует о том, что армяне и греки были не в силах дальше противостоять туркам, оснащенным «лушками и винтовками», т. е. последним словом тогдашней военной техники², тем более, что врагу удалось лишить горожан продовольствия и даже питьевой воды и пробить брешь в оборонительных стенах города. Современник и очевидец событий армянский поэт Нерсес Каффаеци, скорбя о падении города, писал:

Армянского летоисчисления 924 (1475) года

По наущению злоумышленника,

Когда объединились все турки,

Татары напали на Каффу.

Лишивши весь город воды,

Они ударили по нему.

Много крови пролилось.

Потом явились каторги-корабли

Числом более четырехсот

И объединившись [с татарами] высадились,

Город Каффу окружили.

Есадников очень много, не исчислить,

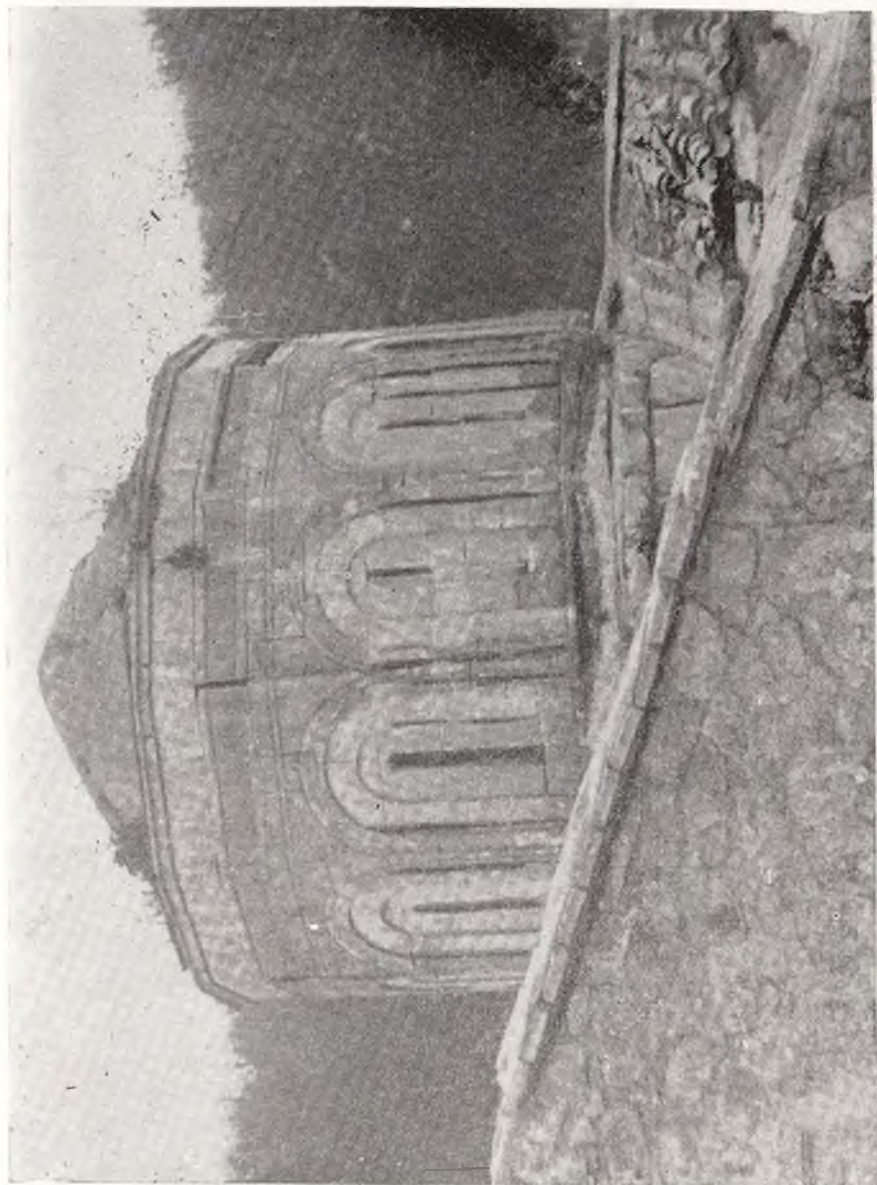
Имели они много пушек и винтовок.

.....
Когда из пушек ударили,

Земля и небо задрожали,

¹ Л. П. Колли, Исторические документы..., стр. 16.

² Матенадаран, рукопись № 7709, л. 57—58.

Сурб-Хач, 1358 г.

Четыре евангелиста, Казария, 1368 г.

Заглавный лист, 1684 г.

И. К. Айвазовский

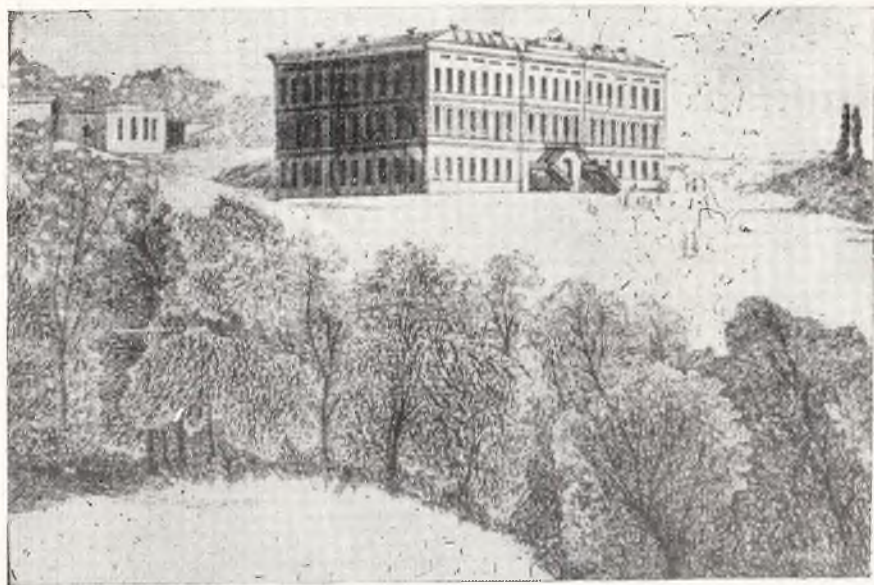

Могила И. К. Айбазовского

Х. Кара-Мурза

Художник В. Суренянц, композитор Ал. Спендиарян, поэт Ал. Цатурян

Армянское Халибевское училище в Феодосии

Надгробный памятник на
Армянском кладбище, в
Симферополе

Большой ущерб причинили,
Дома и церкви разрушили¹.

Те же сведения об этом событии сообщает поэт Мартирос Крымеци, один из известных армянских политических и культурных деятелей XVII в., видимо, основываясь на сохранившихся достоверных источниках. Он говорит, что объединенные турецко-татарские силы, «окружив город с моря и суши», «вели страшную войну»².

Упомянутый уже нами выше анонимный автор, весьма вероятно гегуэзец, говорит, что «Эминек привлек на свою сторону всех татар... помог туркам против каффинцев, и в продолжение четырех суток турки проламывали стены города. На пятый день Каффа сдалась, потому что горожане, греки и армяне, восстали против латинцев. Эти последние (т. е. гегуэзцы. — В. М.), чувствуя себя численностью слишком слабыми, чтобы дальше защищаться, объявили турецкому начальнику, что желают сдаться, иначе было бы перерезано столько латинцев, сколько их нашлось бы в Каффе»³. Таким образом, Дж. Джустиниани и анонимный автор пытаются все объяснить «возмущением» или «восстанием» армян и греков, умалчивая не только об объективных причинах этого «возмущения», но и падения города. Это и не удивительно. Как гегуэзцы, они стремились защитить «честь» своих соотечественников. Но все же и они не могли скрыть ту истину, что защитниками города были армяне и греки, которые «возмутились» лишь тогда, когда оказались в безвыходном положении. А туркам официально сдались не они, а гегуэзская администрация. Решение греков и армян о сдаче объясняется не только невозможностью дальнейшего сопротивления, но и желанием сохранить жизнь хотя бы части населения, что гегуэзцев мало беспокоило.

¹ Матенадаран, рукопись № 7709, л. 57—58.

² Ս. Ս. Մարտիրոսյան, Մարտիրոս Գրիգորի, Երևան, 1958, էջ 140 (А. А. Мартиросян, Мартирос Крымеци, Ереван, 1958, стр. 148, на армянском языке).

³ Л. П. Колли, Исторические документы..., стр. 14—15.

Потерявшая голову генуэзская администрация передала руководство обороной города и командование войсками в руки армянина¹. Консул и его заместители, несомненно, поступили так потому, ибо не могли игнорировать то обстоятельство, что армяне, составлявшие большинство населения города, являлись основной силой сопротивления. Заявление о невозможности дальнейшего сопротивления защитники города сделали генуэзской администрации лишь тогда, когда падение города, окруженного со всех сторон, ни у кого не вызывало сомнения. Притом, решение о сдаче города неприятелю было принято лишь после того, как составлявшие ничтожное число генуэзские наемники полностью деморализовались, а их главарь пустился в бегство. «Наши князья и дворяне, увидев слабость генуэзского князя и его войск, особенно когда генуэзский князь обратился в бегство, остались беспомощными перед голодом, взяли клятву и город сдали туркам»², — повествует история крымских армян.

Сейчас трудно вскрыть в деталях причины падения города. Но главная причина состоит в том, что оно было обусловлено всем ходом развития международных отношений и особенно тогдашними турецкими завоеваниями. Успеху турок в Крыму во многом способствовал их союз с татарами. В создавшемся положении, когда продвижение турок обращало в панику целые государства, ни генуэзцы, ни армяне и ни греки в Каффе не в силах были противостоять мощному союзу турецко-татарских сил. Именно в этом заключена историческая правда.

Овладев городом, турки и татары по своему обыкновению не сдержали обещанного слова и превратили Каффу в настоящую бойню. Армянские и итальянские источники свидетельствуют, что население предавалось смерти, а город — разрушению. «Армянского летоисчис-

¹ В. Х. Кондораки, Универсальное описание Крыма, т. 3, ч. 9, стр. 37.

² Матенадаран, рукопись № 7442, л. 281 об.

ления 924 г. (1475 г.), когда было написано сие святое евангелие, турки взяли Каффу и совершили многочисленные пленения и разрушения; и воцарились великая печаль и горе»¹,—читаем в памятной записи одной из армянских рукописей. Источники не называют число убитых. Но все они сообщают, что было вырезано огромное количество христиан-армян, греков, а также генуэзцев.

За убийствами и грабежами последовали пленение и обложение налогами. Турецкое командование провело опись имущества и поголовную перепись населения. Переписи подлежали все «дети и взрослые», сообщает Нерсес Каффаеци². Вначале Кетик-Ахмед паша объявил, что он приказал составить точный список имущества жителей для того, чтобы справедливо распределить налоги. На самом же деле учет был нужен ему для выявления имущества и его захвата. И действительно, турки «все (ценности.—В. М.) в городе собрали» и, «захватив» все, «ограбили»³ жителей, говорит Нерсес Каффаеци.

От иностранных купцов паша потребовал 20—25 тысяч дукатов, а от генуэзцев сумму, равную половине стоимости их собственности⁴. В крайне тяжелом положении оказались основные жители города—армяне, греки и русские, а также евреи. Описав их дома, сады и другое имущество, турецкое командование «затребовало три четверти» всей его стоимости, и лишь после мольбы жителей согласилось взять половину. По словам очевидца, «все плакали и скорбили», но «из-за отсутствия», т. е. закрытия дорог никуда не могли уйти⁵.

Представитель венгерского короля у молдавского воеводы Стефана, настоятель церкви Альба Юлия (ны-

¹ Լ. Ս. Խաչիկյան, ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, ճանի Բ, Երևան, 1955, էջ 390 (Л. С. Хачикян, Памятные записи армянских рукописей XV в., часть II, Ереван, 1955, стр. 390).

² Матенадаран, рукопись № 7709, л. 58.

³ Там же.

⁴ «Сын Отечества», 1848 г., книга 10, стр. 68.

⁵ Матенадаран, рукопись № 7709, л. 59.

нешний Карлсбург) папский протонотарий Доминик, будучи во время этих событий в Молдавии, впоследствии в своем донесении о падении Каффы писал: «Турок, по своему старому обычаю, завладев городом, нарушил договор (с татарами.—В. М.) и, считая всю добычу своей, лишил татарина права владеть взятым городом и взятой добычей. Люди зрелого возраста, которых средства и ум подавали повод к опасению для того, чтобы не составили какого-либо против него умысла, были отведены в Константинополь, а в Каффе оставлен только простой народ, над которым поставлен начальником с 10 тыс. пехотой для защиты города какой-то грек из Трапезунда... из добычи этого города посланы были турку (султану.—В. М.) 1011 кожаных мешков, полных денег, не считая другой утвари, драгоценных камней и других драгоценных вещей, каждый же мешок у этого народа обыкновенно заключает 600 дукатов»¹. По другим данным, турки взяли 25 тысяч червонцев выкупа за товары иностранные, половину городского имущества (это полностью совпадает с сообщением Нерсеса Каффаеци) и от 15 до 100 аспров с каждого жителя².

По некоторым сведениям, турки перевезли 40 тысяч каффинцев в Константинополь³, часть которых пополнила ряды еничеров⁴. Турки не считались даже с высокопоставленными генуэзскими чиновниками: массара Оберто Скварчиафико они повесили, а консула Кабеллу наказали вечной каторгой на галерах⁵.

Турецкий меч повис над армянским населением Каффы. Людские потери и лишения крымских армян нашли отражение в их памятной записи-истории. Она повествует о том, что, нарушив взятые обязательства, турки «вынуждали наших князей и дворян перейти в

¹ «Заседание Одесского общества любителей истории и древностей», Заседание 269, 3 марта 1893 г., Одесса, стр. 8.

² Там же.

³ В. Х. Кондораки, указ. соч., т. 3, ч. 9, стр. 37.

⁴ Там же.

⁵ «Вррр», 1911, № 10—11, 12 110.

магометанскую веру, чтобы легче завоевать и простолюдина»¹.

Великий везирь Кетик-Ахмед паша, приглашая к себе на обед знатных армян, предлагал им перейти в веру ислама. Однако всякий раз он получал решительный отказ. Тогда паша прибегнул к коварному методу, излюбленному у турок-завоевателей. Вновь пригласив армянских князей на пир, он заявил им, что коли они уже являются его друзьями, то для него весьма оскорбительно, когда они приходят к нему вооруженные. «Не подобает вам,—заявил паша,—ко мне приходить на обед, неся на себе кинжал»². Армянские князья поддались на эту удочку. Они явились к нему на обед без оружия. «После обеда, когда спускались по длинным лестницам двора, палачи по приказу паши, убив их всех, по одному бросили в море... Затем приказал [паша] туркам и татарам вырезать весь армянский народ [Каффы], которые (турки и татары.—В. М.) многолюдный город Феодосию превратили в малонаселенное [место], так как стариков и детей, мужчин и женщин они предали мечу, и их кровь потекла рекой по улицам». Затем захватив в плен «неисчислимое количество девушек, детей и подростков», турки перевезли их в Константинополь³. Это свидетельство памятной записи крымских армян подтверждается сообщением Нерсеса Каффаеци:

Людей отважных вырезали, дочерей и сыновей собрали,
Головы отцов отрубили, а детей в плен взяли,
Собрали без пощады двух братьев в одно место,
Зятя и невестку, новобрачных посадили на судно⁴.

Участь каффских армян постигла также и их соотечественников в Казарате и Сурхате. По всей вероятности, некогда цветущий Казарат—армянский городок и важный укрепленный пункт—именно в тот период был стерт с лица земли, так как в рукописях XVI—XVIII веков его название уже не встречается. Будучи укреп-

¹ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 281 об.

² Там же.

³ Там же, л. 282.

⁴ Там же, рукопись 7709, л. 58.

ленным пунктом на пути набегов татар на Каффу, Казарат мешал им, и воспользовавшись ситуацией, они, по всей вероятности, решили раз и навсегда покончить с ним.

Завладев полуостровом, турецкие войска в следующем году «морем и с суши», как сообщает армянский историк Григор Даранахци, напали на «воеводу Стефана», т. е. на Молдавию. Турки вступили в эту страну и учинили кровавую расправу над местным населением. Несчастье постигло и молдавских армян. Они, а также бессарабские армяне особенно пострадали во время правления султана Баязита. В 1484 г., после захвата порта Килии в устье Дуная, огромная армия турок вновь напала на Аккерман. Г. Даранахци говорит, что султан «тамошних армян, а также греков и проживавших там всех народов с женами и детьми, всех подверг депортации и перевел в Истамбол»¹.

Установление турецкого господства в Крыму, особенно в первоначальный период, имело роковое значение для местных армянских колоний. Разбой и грабеж 1475 г. и последовавшие за ними насилия и непомерные налоги послужили причиной ухода христианского населения с полуострова. Потoki крымских армян переходили в Каменец, Львов и другие районы Галиции и Польши, а также в Трансильванию, Молдавию², в районы, где издавна уже имелось армянское население.

Молдавский воевода Стефан гостеприимно приютил прибывших в страну армянских беженцев. Для их поселения он отвел места в городах Сучава, Яссы, Фокшан и Потушан³. Но большая часть переселенцев-армян из Крыма, вероятно, осела во Львове и в других

¹ Գրիգոր Դարանահացի, *Փամանակագրութիւն, Երուսաղեմ, 1915, էջ 11* (Григор Даранахци, Хроника, Иерусалим, 1915, стр. 11, на древнеармянском языке).

² «ЗООИД», т. VI, стр. 554.

³ «Հանդէս ամսօրհայ», 1890, էջ 20 (из книги «Die orientalischen Armenier in der Bucowina»).

районах Галиции. Уменьшению численности армян в Крыму во многом способствовала политика султана, направленная на заселение Константинополя. Как уже отметили, в 1475 г. из Каффы было перевезено в Константинополь много людей, в том числе и армян.

Массовый уход армян из Крыма приходится в основном на первый период турецкого господства. Некоторое время спустя, когда турки основательно осели в Крыму и стали помышлять о «вечном» верховенстве над полуостровом, их правитель в Крыму, чувствуя необходимость задобрить армян, возвратил им ряд церквей в Каффе¹. Уход армян в первые годы турецкого господства не означал, однако, что наступил конец существования колоний в Крыму. Как мы уже видели, в XVI—XVII вв. армяне являлись активными участниками экономической и политической жизни полуострова и по своей численности занимали в Крыму второе место после татар. Это были не только те армяне, которые остались в Крыму после трагических событий 1475 г., но и новые их соотечественники-переселенцы из самой Армении и других мест, прибывшие туда в XVI, особенно в XVII вв.

Крупное переселение армян из Армении на Таврический полуостров произошло в начале XVII в. в связи с голодом и движением джелалиев. По свидетельству армянского историка Аракела Даврижеци и Степаноса Тохатеци, один из путей переселения армян вел в Крым. Об этом рассказывает также памятная запись-история крымских армян. «В 1602 г.,—говорится в ней,—во время опустошения джелалиев в стране персов, уходя оттуда, [переселенцы] из нашего народа пришли в Крым (г. Старый Крым.—В. М.), Феодосию, Карасубазар, Бахчисарай и Кеозлов»². А. Даврижеци сообщает, что один из переселенческих потоков осел в Каффе: «И в это время (во время движения джелалиев.—В. М.) рассеялся армянский народ и каждый уходил туда, где находил место для житья. Некоторые ушли в Урумелию, некоторые в Бухдан (в Молдавию.—В. М.), некоторые в Польшу, некоторые в Каф-

¹ Ա. Ա. Մարտիրոսյան, *Մարտիրոս Զրիմեցի, էջ 150*։

² Матенадаран, рукопись № 7442, л. 282 об.

фу»¹. В другом разделе своей «Истории» А. Даврижеци, сообщая то же самое сведение, указывает на причины ухода армян: «Итак, и по этой причине и по причине большого голода и движения джелалиев, как это уже было сказано, весь армянский народ оставил всякое место и области жительство своих предков, печально ушел и рассеялся по всему миру—на Кипр, в Константинополь, в города, находящиеся вокруг него, в Урумели, в Бухдан, в страну лехов (поляков.—В. М.), на остров Каффу (в Крым.—В. М.), на побережье Понта»².

Аналогичное сведение мы находим и у Степаноса Тохатеци, которого движение Кара-Язычи выпудило в числе тысяч своих соотечественников в начале XVII в. бежать в Крым³.

Вначале Тохатеци жил в Каффе, затем в монастыре Сурб-Хач. Из памятной записи, написанной им в 1604 г. в Каффе, мы узнаем, что из-за набегов джелалиев, опустошивших его родной город Тохат, Степанос ушел оттуда и нашел приют в Каффе⁴. Мартирос Крымеци отмечает, что спасшиеся от погрома джелалиев армяне поселились не только в Каффе, но и Карасу-базаре, Бахчисарае, Кеозлеве⁵.

Весьма достойно внимания повествование Григора Даранахци, который был очевидцем событий и, будучи в 1605 г. в Крыму, непосредственно общался с переселенцами-армянами, недавно прибывшими туда. «25 апреля 1606 г. мы прибыли из Понтоса (имеет в виду Константинополь.—В. М.) и с большим трудом еле добрались в сторону Каффы, которую именуют Палхлу (Балаклава.—В. М.) и оттуда проплыли в город Козлов. Там было много армян, которые, опасаясь джела-

¹ «Պատմութիւն Առաքել վարդապետի Դավրիժեցոյ», Վաղարատ, 1896, էջ 88 («История архимандрита Аракела Даврижеци», Вагаршапат, 1896, стр. 88, на древнеармянском языке).

² Там же, стр. 147.

³ Ն. Ափրէշան, Հինգ պանդուխտ տաղասացներ, Վիեննա, 1921, էջ 125 (Н. Акинян, Пять поэтов-странников, Вена, 1921, стр. 125, на армянском языке).

⁴ Матенадаран, рукопись № 7744, л. 180.

⁵ Ս. Ս. Մարտիրոսյան, նշվ. աշխատ., էջ 151:

лиев, как изгнанники прибыли из наших краев и со всеми семьями утвердились там (в Крыму.—В. М.)»¹. Таким образом, уход армян в связи с движением джелалиев охватил не отдельные районы, а «целые края» («ашхары»—области). И в самом деле «джелали разорили всю страну», скорбит Гр. Даранахци, неоднократно указывая, что из-за их разбоя многие перебрались в Молдавию, Польшу, Чехию, Каффу и др. места². Во время пребывания Гр. Даранахци в Крыму армянские переселенцы еще продолжали прибывать на полуостров³.

Есть основание предположить, что армянская колония в Крыму в XVII в. пополнилась также за счет львовских армян, ушедших оттуда из-за развернувшейся там антиуниатской борьбы. Та часть польских армян, которая выступала против посягательств римской церкви, в конце концов оставила польские пределы. Уход польских армян подтверждается свидетельством Аракела Даврижеци, который сообщает, что очень многие из польских армян, преданные отечественной религии, «оставили свои дома и обжитые места, ушли с коренной земли, отколовшись от своих семей и родственников, как чужестранцы и изгнанники, странствуют на чужбине»⁴.

Весьма вероятно, что один из потоков переселенцев достиг Крыма. Такой вывод подкрепляется двумя обстоятельствами: во-первых, польские армяне постоянно поддерживали тесные связи со своими соотечественниками в Крыму, где в тот период деятельность католических миссионеров фактически не представляла опасности. Эти вековые экономические и культурные связи не могли не послужить для польских армян притягательной силой в период, когда они вынуждены были оставить свой очаг. И они перебирались в Крым точно так, как в 1475 г. крымские армяне переселялись во Львов и другие польские районы. Во-вторых, возможно, что в Таврикию стекались те из армян, кото-

¹ Գրիգոր Գարաճաղցի, նշվ. աշխ., էջ 51:

² Там же, стр. 322—323.

³ Там же, стр. 69.

⁴ Առաքել Գալգիթեցի, նշվ. աշխ., էջ 384:

рые в тот момент имели там определенные экономические интересы и были связаны с семьями крымских армян родственными узами.

Таким образом, армянские колонии в Крыму в средние века зачастую меняли свой облик: их контингент то пополнялся, то редел,— все зависело от исторически сложившихся условий не только в Крыму, но и в самой Армении и сопредельных ей странах, а также от тех связей, которые крымские армяне поддерживали с родиной и армянскими колониями в других странах.

Мы рассматривали деловые связи крымских армян с Арменией, Киликией, армянскими колониями во Львове, Константинополе, Молдавии и других местах. Было бы, однако, неправильно сводить их связи с родиной и соотечественниками в других странах лишь к сфере торговой деятельности. Даже те немногочисленные сведения, которые дошли до нас, достоверно свидетельствуют, что эти связи касались также культурных, церковных и других сторон жизни крымских армян. С самого начала своего существования армянские колонии в Крыму привлекали к себе внимание культурных и церковных деятелей Армении, по разным причинам посещавших их. Так, из памятной записи армянской рукописи, составленной в Сурхате, мы узнаем, что ее автор Тертер Ереванци, оставив родину, через Грузию, морем прибыл в Каффу, так как имел раздоры с другими священниками¹. В 1344 г. в Каффу приехал священник Мкртыч, «родом из Баберта» (Западная Армения), по заказу которого переписывалось евангелие². В 1359 г. писец Аслан из Эрзерума занимался в Сурхате рукописным делом³. В том же столетии «знаменитый и плодородный» писец Натер из Баберта переселился в Крым⁴. Можно предположить, что в первой половине

¹ Ա. Ս. Խաչիկյան, ԺԴ դարի հիշատակարաններ, էջ 287:

² Там же, стр. 341.

³ Там же, стр. 443.

⁴ Там же, стр. 730.

XIV в., когда потоки армянских переселенцев из Золотой Орды прибыли на полуостров, их ряды там частично пополнили также переселенцы из самой Армении.

Армянские колонии в Крыму были объектом постоянного посещения «духовных отцов» из Эчмиадзина. В 1368 г. в Крым прибыл некий Тер-Оганес с целью «кафедрального посвящения Северной страны»¹. В 1443 г. в Каффе жил известный церковный деятель и «тахасац» (поэт) Мкртыч Нагаш². В 1477 г. он вновь посетил Каффу, и увез оттуда церковную утварь и одеяния³.

Представители Эчмиадзина и «духовные отцы» из других мест постоянно посещали Крым с целью сбора пожертвований. Строгая периодичность такого рода мероприятий зачастую придавала им характер налогообложения. В 1449 г. с таким поручением Крым посетил посланец католикоса Тер-Мартирос⁴, а в 1506 г. в Каффу прибыли сразу три посланца Эчмиадзина — епископы Оганес и Саркис и иеромонах Давид⁵. Из Каффы с той же целью они направились в Молдавию, что свидетельствует о существовании там армянской колонии.

Армянские рукописи сохранили особенно богатые сведения о деятельности сборщиков пожертвований в XVII в. В 1629—1631 гг. представитель Эчмиадзина архимандрит Хачатур для сбора пожертвований назначил в Крыму даже своих исполнителей, которых послал «в Кеозлев, Бахчисарай, в села, расположенные около реки Кара-су, вообще во всю крымскую страну». От каффских армян он требовал деньги, а писец Хачатур Каффаеци жалуется, что «не было возможности для сбора денег». Затем представитель Эчмиадзина, по-видимому, недовольный, сам лично обходит все ар-

¹ Լ. Ս. Խաչիկյան, *ԺԴ դարի հիշատակարաններ*, стр. 485.

² Ղ. Ալիշան, *Հայապատմ., Վենետիկ, 1902, էջ 574* (Г. Алишан, Айапатум, Венеция, 1902, стр. 574, на армянском языке).

³ Լ. Ս. Խաչիկյան, *ԺԵ դարի հիշատակարաններ, մասն Ա, Երևան, էջ 625*.

⁴ Там же, стр. 641.

⁵ «Հայոց նոր վկաներ», *Վաղարատ, 1903, էջ 340*.

мянские поселения на полуострове, требуя пожертвования. В Карасубазаре он велел каффским «богачам» и «священникам» явиться к нему и внести деньги за армянские церкви. «От трех церквей потребовал 100 курушей, от двух церквей—30 курушей, от нашей церкви Св. Тороса—взял 30»¹. Такую же деятельность развернул архимандрит Габриэл в 1650 г., посетивший Каффу, Карасубазар, Бахчисарай, Евпаторию и армянские села². Скандальная история случилась с Григором Даранахци, которого вместе с Тер-Симоном и Тер-Минасом армяне каффского предместья Кашот прогнали, приняв за авантюристов, так как накануне некий Воскан из Джуги, выдав себя за ученика архимандрита Азария, обманул их и вынудил собрать пожертвования³. В 1732 г. «для сбора денег» в пользу Эчмиадзина прибыл в Крым архимандрит Микаел⁴, а в 1744 г.—теолог епископ Даниэл. Мирской приговор, предъявленный последнему крымскими армянами, свидетельствовал о том, что посещения католикосских посланцев носили традиционный характер. «По обыкновению наших предков,—писали они,—приходят к нам и в нашу страну верховные посланцы из святого Эчмиадзина»⁵. С конца XVIII и начала XIX вв. сбор пожертвований стал регулироваться особыми канонами главы армянской церкви и эчмиадзинского синода.

Каковы бы ни были цели посещения католикосских посланцев, все же нельзя игнорировать то, что они играли определенную роль в деле поддержания связей с родиной. Этому способствовали также обоюдные паломничества: с Крыма на родину и обратно. Известным святым местом был знаменитый армянский монастырь Сурб-Хач. Одна из рукописей свидетельствует, что в 1423 г. там побывал паломник из Ахалциха Степанос, заказавший эту рукопись. В Каффе он встретил архиепископа Матеоса, «ученика великого оратора Григо-

¹ Վ. Ա. Հակոբյան, *Մանր ժամանակագրություններ*, հ. 1, էջ 218:

² Там же, стр. 226.

³ Գրիգոր Գարանդցի, *Էջմ.*, էջ 60—68:

⁴ Матенадаран, рукопись № 1050, л. 310—311.

⁵ Там же, архив, фонд Канцелярия католикоса, папка I, док. 43.

ра», — известного философа и мыслителя Григора Татеваци¹. Значит, из Крыма приезжали учиться в Гатевский университет в Армению, или же некоторые из его выпускников проводили свою деятельность среди таврических армян.

Тесную связь поддерживали крымские армяне со своими соотечественниками во Львове и других местах, подвластных Польше. В этом большую роль сыграла торговля Востока с Западом, идущая через Крым и Львов, а также то, что польско-армянские поселения периодически пополнялись выходцами из армянских колоний на Таврическом полуострове. Одним из ярких выражений культурных связей между польскими и крымскими армянами служит кафедральный собор, построенный армянскими купцами из Каффы во Львове в 1363 г.² Эта церковь и поныне возвышается в центре Львова, на Армянской улице. Армянские колонии в Крыму постоянно посещали армянские писцы из Западной Украины. В 1639 г., например, Хачатур Лехаци, родом из г. Каменца³ здесь переписал четьи минеи.

С целью сбора пожертвований в армянские колонии Крыма прибывали также священники-армяне из Львова, Каменца и других мест. В 1630 г., например, «из польского дома» приехал в Каффу Тер-Хачатур, а в 1650 г. — архимандрит Оганес. О первом из них хронист Хачатур пишет: «Посланец архимандрит осудил священников, 4—5 священникам запретил (вести богослужение), штрафовал, брал золото, книги, кресты, чаши, часть добровольно, часть — не добровольно, а народ отлучил... Обошел все церкви города, что ни дали брал, дали ему посохи, книги...» В школе униатов, открытой во Львове, учились и дети крымских армян⁵.

¹ Լ. Ս. Խաչիկյան, *Ժեղարի հիշատակարաններ, մասն Ա, էջ 312:*

² Մանկովսկի Տադևոզ, *Արվեստը հայ գաղութներու մեջ, «Հանդես մատուցի», 1934, № 3—4, էջ 125 (Т. Манковский, Искусство в армянских колониях, «Андес амсореа», журн., 1934, № 3—4, стр. 125).*

³ Матенадаран, рукопись № 7368, л. 218, 450.

⁴ Վ. Ա. Հակոբյան, *Մանր ժամանակագրություններ, հ. 1, էջ 218:*

⁵ Կ. Եզյան, *Բռնի միութիւն հայոց Լեհաստանի ընդ եկեղեցւոյն Հոսով-մայ, Ս. Պետերբուրգ, 1884, էջ 128 (К. Езян, Насильственный союз польских армян с римской церковью, СПб., 1884, стр. 128, на древнеармянском языке).*

Армянские колонии в Крыму имели вековые связи с константинопольскими армянами, а также Киликийским армянским государством. Связи с Киликийской Арменией таврические армяне поддерживали как в период существования там армянского государства, так и после. Киликийский армянский католикос имел в Каффе своего наместника. Вообще Крым, в частности, г. Каффа были местом постоянного пребывания киликийцев. В 20-х годах XIV в. в Каффе жил епископ Степанос, который, отправляясь на родину, оставил в Каффе евангелие, привезенное им из Киликии. Рукопись иллюстрировали восемь армянских киликийских художников, в их числе такие выдающиеся мастера, как Торос Рослин и Саркис Пицак¹. О наличии тесных отношений с Киликией свидетельствует, безусловно, и тот факт, что в памятных записях крымских армянских писцов XIV в. очень часто упоминаются имена киликийских армянских царей и католикосов, чем как бы подчеркивается признание их светского и духовного верховенства.

Связи с родиной и армянскими колониями на чужбине, какой бы характер они не принимали, во многом способствовали сохранению и развитию армянской национальной культуры и ее традиций в средневековых армянских колониях на Таврическом полуострове.

¹ Լ. Ս. Խաչիկյան, ժԴ դարի հիշատակարաններ, էջ 162, 163:

Глава четвертая

КУЛЬТУРА КРЫМСКИХ АРМЯН В СРЕДНИЕ ВЕКА

Во всех своих проявлениях (архитектура, школа, миниатюрная живопись, литература, художественные ремесла, рукописное дело и др.) культура крымских армян продолжала и развивала лучшие традиции многовековой культуры армянского народа. Она сумела пройти сквозь столетия и сохранить свой национальный облик, несмотря на то, что в Крыму, в этом пестром клубке национальных отношений, претерпевала неизбежные изменения, обусловленные чуждой средой и инородным влиянием. Однако влияние это носило обоюдный характер: армянская культура, в свою очередь, наложила свой отпечаток на различные области культуры других местных народов, в частности, на их архитектуру и керамику.

В развитии средневековой армянской культуры в Крыму важную роль сыграли школы. По сведениям армянских письменных памятников, при армянских церквях и монастырях в Крыму в средние века существовали школы, в которых наряду с богословием ученики получали светские знания, изучая грамматику, арифметику, географию, рукописное дело, риторику, философию, искусство миниатюры и др.

Одна из школ в XV в. функционировала при мона-

стыре Св. Антона, находившегося недалеко от Каффы. Из всех каффских школ того времени она, вероятно, была наиболее популярной. Воспитанники этой школы — известные писцы Тадеос Авраменц и Христосатур оставили нам о ней достоверные сведения. Учащиеся в школе при монастыре Св. Антона, в том числе и Тадеос Авраменц, в 1427—1428 гг. слушали лекции архимандрита Саркиса по древнегреческой философии, в том числе по философии Аристотеля и Порфирия. Писец Христосатур называет архимандрита Саркиса «великим учителем». Его воспитанники знакомились также с философскими взглядами армянских мыслителей Давида Непобедимого, Иоанна Воротнеци и др. «Великий учитель» и «оратор» Саркис был не кто иной, как наместник киликийского армянского католикоса в Крыму. Впоследствии он возглавил армянскую делегацию на Флорентийский вселенский собор. Именно его стараниями был восстановлен монастырь Св. Антона, при котором он открыл школу. По мнению А. Алпояджяна, эта школа функционировала с 1425 г. до 1475 г.¹

Среди крымских армянских школ особое место занимала школа при монастыре Сурб-Хач, деятельность которой, начиная с XIV в., с перерывами протекала в течение веков. Прибывавшие сюда в разное время из Армении и других мест ученые люди, писцы, миниатюристы и др. годами жили в монастыре, занимаясь преподавательской деятельностью, рукописным делом и т. д. Одним из них был поэт Степанос Тохатеци, который в 1614 г. имел там много учеников². Но Сурб-Хач в этом отношении не являлся исключением. Немало школ имелось при церквях и монастырях Каффы, Карасубазара и Сурхата. Косвенные и прямые упоминания об этих школах содержат памятные записи и произведения тогдашних поэтов. Одним из знаменитых учителей конца XVI начала XVII вв. был, например, «мудрейший и гениаль-

¹ Ա. Ալպոյճյան, Պատմություն հայ գաղթականության, հ. Բ, Գահիրե, 1955, էջ 367 (А. А. Алпояджян, История армянских переселенцев ч. II, Каир, 1955, стр. 367, на армянском языке).

² Ն. Ակրնյան, Հինգ պանդուխտ տաղասցիներ, էջ 126:

ный» Мкртыч, у которого получил образование Оганес, впоследствии также ставший известным педагогом¹. У него в свою очередь учились такие выдающиеся личности, как Хаспек (Хачатур Каффаеци)—известный крымский армянский поэт XVII в. Поэт Симеон Каффаеци именуется его «воспитателем душ», «великим философом», «глубокомыслящим оратором», «толкователем древних и новых письменностей» и т. д.² Будучи разносторонне развитым человеком—преподавателем, писцом, Хаспек, естественно, передавал своим ученикам богатые знания. Он учительствовал как в Каффе, так и в Старом Крыму³.

В 30—40 гг. XVII в. в Сурхате широкой популярностью пользовался педагог иеромонах Захар. Его ученики в числе других предметов изучали также летоисчисление. Примерно в этот же период в Каффе функционировала и школа священника Нерсеса⁴.

Недостаточность материала не дает возможности подробно остановиться на деятельности каждой школы. Однако несомненно то, что в городах Каффа, Сурхат и Карасубазар, в известных центрах создания армянских рукописей, в XIV—XVIII вв. имелось немало очагов образования, в которых, по упоминанию современников, ученикам давались более или менее глубокие светские знания.

Средневековый Крым был одним из важных армянских рукописных центров. До нас дошли сотни рукописей, созданных в Крыму. Но много рукописей и других культурных ценностей, вероятно, было уничтожено во время религиозных преследований, постоянных междоусобиц и распрей татарских феодалов, внутривосточных

¹ «Հանդէս տնօրէնի», № 1935, 5—7, էջ 336, 337.

² Там же, стр. 343.

³ Там же, стр. 338.

⁴ Ա. Գ. Արցախաճաճ, Վարդան Վաֆայեցու շափածո տոմարը, «էջ-միածին», 1954, № 9, էջ 28 («Эчмиадзин», жур. на арм. языке, 1954, № 9, статья А. Абрамяна, «Стихотворное летоисчисление Вардана Каффаеци»).

ских неурядиц в ханстве. Несмотря на это, дошедшее до нас культурное наследие крымских армянских писцов и миниатюристов свидетельствует о высоком мастерстве рукописного дела в колонии. Многих из местных мастеров можно по праву поставить в один ряд со знаменитыми армянскими писцами и художниками средних веков.

Среди рукописных очагов большой славой пользовалась Каффа. Представители каффской школы оставили потомкам многочисленные рукописи, культурно-историческое и научное значение которых трудно переоценить. По своему мастерству от каффских писцов и художников мало чем отстают сурхатские рукописцы. В городском квартале, носившем имя «Верин Охетнер», при церквях Св. Богородицы, Св. Григория Просветителя и при монастыре Сурб-Хач они создали много рукописей, часть которых дошла до нас.

Основываясь на письменных свидетельствах, необходимо причислить к рукописным очагам крымских армян также Карасубазар, Кеозлев, Бахчисарай и другие места средневекового Крыма.

Из среды крымских армян в XIV—XVIII вв. вышло немало выдающихся мастеров-писцов, которые были продолжателями лучших традиций армянского рукописного искусства.

Особое место среди крымских армянских писцов занимает «знаменитый и плодотворный» Натер со всей своей семьей: сыновьями, внуками и правнуками. Деятельность его относится к первой половине XIV в. До нас дошло 10 рукописей, переписанных Натером. Девять из них ныне хранятся в Матенадаране (Ереван). Натер был не просто переписчиком. Сделанные им в рукописях памятные записи содержат ценные сведения о современных ему событиях и свидетельствуют о его широком кругозоре и большой эрудиции. Известными писцами были также сыновья Натера: Аветис, Степанос, Оганес и Григор. Среди них самым плодотворным был Аветис, который одновременно пользовался славой отличного миниатюриста. Примеры деда и отцов следовали и внуки.

Школа Натера оказала значительное влияние на искусство армянских писцов в Крыму. Слава Натера и

его последователей пронеслась сквозь века, и в одной из рукописей, относящейся к 1718 г., Крым именуется не иначе, как «домом Натеранцев, мудрых писцов»¹.

В XIV в. известными писцами были также Григор Сукиасанц, Симеон и Антон и др. Двое первых работали в Сурхате, а последний в Каффе. В ереванском Матенадаране и в книгохранилищах других городов сохранилось много рукописей XIV в., принадлежащих перу указанных и других армянских писцов из Крыма. Они в основном переписаны в 1332—1359 гг. Особенно плодотворным был Гр. Сукиасанц, который двадцать лет своей жизни (1332—1352 гг.) посвятил рукописному искусству. До нас дошли переписанные им в Сурхате четыре книги².

Последующий, XV в., также характерен расцветом творчества писцов и художников-иллюстраторов, миниатюристов. В первой половине XV столетия развернули плодотворную деятельность такие выдающиеся представители крымской школы рукописного дела, как Христосатур, Тадеос Авраменц, Оксент и др. Христосатур писал, переплетал и иллюстрировал рукописи³. Он работал в различных армянских поселениях в Крыму и в основном в расположенном близ Каффы монастыре Св. Антона, настоятелем которого был с 1449 г.⁴ В числе рукописей, переписанных и иллюстрированных Христосатуром, имеется сборник стихотворений Нерсеса Шнорали⁵, одного из знаменитых представителей средневековой армянской поэзии. До нас дошли 7 рукописей, принадлежащих перу Христосатура. Они ныне хранятся в Матенадаране.

Почти в те же годы в монастыре Св. Антона работал и другой писец, уже известный нам Тадеос Авраменц, который слушал там лекции по философии. Занятия философией оставили свой отпечаток на характере творчества Тадеоса. Среди переписанных им рукописей пре-

¹ Матенадаран, рукопись № 3343, л. 338.

² Там же, рукопись №№ 7664, 7048, 591, 3046.

³ Там же, рукопись № 7686, л. 280 об., см. также *Լ. Ս. Խաչիկյան ժԵ դարի հիշատակարաններ, մասն Ա, էջ 395:*

⁴ *Լ. Ս. Խաչիկյան, ժԵ դարի հիշատակարաններ, մասն Ա, էջ 641:*

⁵ Там же, стр. 798.

обладают философские произведения, в их числе «Толкование философских произведений Иоанна Воротнеци» и «Сборник», включающий в себя философские труды¹. Переписанная им другая работа — «Житие святых» — свидетельствует о том, что Тадеос составил эту рукопись на основе сличения многих свидетельств и рукописей, а также с использованием греческого оригинала².

Установление турецкого господства и усиление татарской власти отрицательно повлияли на культурное развитие Крыма. Многочисленные армянские рукописи, относящиеся к XIV—XV вв., видимо, были уничтожены во время татарских бесчинств и особенно в период падения Каффы, когда все предавалось огню и мечу. Об этом говорит и тот факт, что из дошедших до нас около 300 армянских рукописей, созданных в Крыму, более 170 рукописей относятся к XVII—XVIII вв., т. е. созданы спустя более 100 лет после событий, связанных с завоеванием Крыма Турцией.

В XVII—XVIII вв. известным очагом создания рукописей наряду с Каффой являлся и Карасубазар. Многие из писцов этих городов оставили по 10 и более книг³. К ним относятся Захария Абега, Никогос Меланавор, Оваким Ерец, Хаспек, Давид Ерец, Христосатур и другие.

Хотя подавляющее большинство армянских рукописей было церковного характера, это несколько не умаляет их научной ценности. Они представляют большой интерес не только для исследователей, занимающихся изучением средневековых рукописей, но и для историков, археологов, искусствоведов и других специалистов, так как содержат богатый фактический материал. Эти рукописи, особенно их памятные записи, дают богатую пищу для изучения истории не только Крыма, но и Украины, Молдавии, Северного Кавказа и территорий Азовского и Черноморского бассейнов.

¹ Ц. В. խաչիկյան, *Ժե գարի հիշատակարաններ, ժամն Ա*, стр. 394.

² Там же, стр. 400 и 701.

³ Матенадаран, см. «Именной алфавитный хронологический список писцов».

В истории армянского искусства заметный след оставило наследие крымских армянских художников — миниатюристов, творчество которых развивалось под непосредственным влиянием различных рукописных центров Армении. Творчески развивая лучшие традиции отечественной миниатюры и восприняв достижения искусства своих новых соседей, армянские мастера Крыма внесли свой ощутимый вклад в историю армянской средневековой книжной живописи¹. В середине XIV в. в числе представителей этой школы выделялись сын Натера Аветис и мастер Аракел. Аветис своеобразно сочетает в своем творчестве традиции коренной и Киликийской Армении. Миниатюры его, исполненные с большим мастерством, позднее нередко копировались². Талантлив был и миниатюрист Аракел, творчеству которого характерны насыщенность тона, своеобразный колорит, монументализм, торжественность³.

Особенно сильное влияние на творчество крымских (да и не только крымских) армянских миниатюристов оказывали работы киликийских мастеров. К числу таких художников относятся, например, Христосатур и Оксент. Работы Христосатура ничем не отличаются от миниатюр киликийских мастеров. Оксент же является автором миниатюр — небольших изящно оформленных

¹ Э. Корхмазян, Искусство крымских армян (статья, написанная для трехтомника «Истории армянского искусства»), рукопись, стр. 4.

² Է. Կորխմազյան, Ղրիմի հայ մանրանկարիչների մի ընտանիքի մասին, «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1968, № 2, էջ 184—190 (Э. Корхмазян, Об одной семье армянских миниатюристов в Крыму, «Историко-филологический журнал», № 2, 1968, стр. 184—190, на армянском языке).

³ «Բանբեր մատենագրանի», № 6, էջ 321—335, Է. Կորխմազյանի «Ղրիմի հայ մանրանկարիչ Առաքելը» հոդվածը («Вестник Матенадарана» № 6, стр. 321—335, статья Э. Корхмазян «Крымский армянский миниатюрист Аракел», на армянском языке).

рукописей¹. Известным художником был также внук прославленного Натера Оганес. Некоторые его работы выполнены в графическом стиле.

Среди миниатюристов Крыма XVII в. выделяются имена Хачатура, Никогоса и др. Хотя по своему мастерству их работы уступают работам художников XIV—XV вв., все же они представляют определенную художественную ценность, ибо многие из миниатюристов этого периода достигли большого профессионализма. Плодотворным был Никогос, получивший прозвище Меланавор и Цахкарар. В ереванском Матенадаране хранится 26 рукописей, иллюстрированных Никогосом. Никогос часто копировал миниатюры таких выдающихся мастеров киликийской армянской живописи, как Саркис Пицак, Торос Рослин и др.²

Наряду с развитием миниатюрной живописи у крымских армян получили широкое распространение и другие виды искусства, например, фрески и рельефы. Хотя эти произведения дошли до нас в весьма ограниченном количестве, все же они свидетельствуют о большом мастерстве их исполнителей, владевших всеми художественными средствами и достигших совершенства в своем деле. Некоторые из рельефов представлены в работах А. Л. Якобсона³, фрески изучены О. И. Домбровским.⁴

Определенный литературно-исторический интерес представляет культурное наследие армянских тахасацов, (поэтов-певцов) Крыма, являющееся одной из прекрасных страниц средневековой армянской поэзии. Творчество крымских поэтов-тахасацов достигло особого расцвета в XVII в. В Крыму, вдали от родных бере-

¹ Э. Корхмазян, Искусство крымских армян, стр. 12—14.

² «Երեկոյան Երևան», № 120, 1969 («Ерекоян Ереван», газета, № 120, 1969). Ա. Գևորգյանի «Նիկողայոս ծաղկաբարբը» հոդվածը:

³ «Византийский временник», 1956, VII, стр. 166—191.

⁴ О. И. Домбровский, Фрески средневекового Крыма, Киев, 1966, стр. 61—68, 74—77.

гов, тахасацы своим творчеством стимулировали расцвет национальной культуры и родной речи, в меру своих сил и возможностей удовлетворяли духовные потребности армянского населения. В противовес средневековому аскетизму, основным мотивом произведений армянских поэтов Крыма является светская тематика, любовь к природе и светской жизни. Они воспевают любовь и природу, отчизну, грустят о положении странника на чужбине. Их творчеству не чужды юмор и острая сатира. Они бичуют темных, отсталых людей, их пороки. В некоторых произведениях этих поэтов слышатся интонации социального протеста, глухое (порой и открытое) недовольство классом имущих.

Творчество тахасацов, вероятно, пользовалось большой популярностью среди армянского населения Крыма. В этом убеждают народный стиль и доступный язык произведений, разнообразие тематики, охватывающей различные стороны жизни армянских поселений.

Вкратце перечислим некоторых тахасацов.

Симеон Каффаеци (Хрмпей-оглы). Родился и жил в Каффе. Точно неизвестны даты его рождения и смерти. Достоверно лишь то, что его песни (тахы) относятся к 1683—1686 гг. Симеон происходил из трудовой семьи, был сапожником по специальности, но собиравался по каким-то причинам оставить это занятие: в песне «Красива роза среди всех цветов», как будто упрекая самого себя, восклицает: «Брось сапожное дело!»¹.

Симеон Каффаеци — преимущественно певец любви и природы, одаренный определенным поэтическим талантом и вдохновением. Достаточно упомянуть названия некоторых стихов Симеона, чтобы составить

¹ «Հանդէս ամսօրեայ», 1936, 3—4, էջ 200, ն. Աղինյանի «Սիմեոն Խրմբեյօղլի որդի Կաֆաջի տաղասաց», հոդվածք («Андес Амсореа», 1936, № 3—4, стр. 200, статья Н. Акиняна «Симеон Хрмпей-оглы—тахасац из Каффы», на армянском языке).

представление о его поэтических наклонностях, об основной теме его творчества. Вот некоторые из них: «Любовной радости час наступил, знай!», «Красива роза средь всех цветов», «Сердце мое любовью уязвлено», «Прилетай, соловей весенний, возвещай радостную весть», «Прошли и холод, и зима, и печаль земная» и др.

Мотивы любви у Симеона нашли лирическое воплощение в стихотворении «Любовной радости час наступил, знай!» («О радости»), начинающемся с нежного обращения к любимой девушке. Поэт не скупится на краски, изображая свою любимую. Подобно другим средневековым восточным поэтам, у Симеона мерилом красоты также служат дары природы—цветы и фрукты. Именно ими он украшает свою девушку, именуя ее «плодоносным деревом», «цветообильной лилией» и «королевой средь всех цветов»¹.

Одой природе и любви звучит стихотворение Симеона «Прилетай, соловей весенний». Весеннего соловья поэт объявляет «гласом, возвещающим радость», а южный ветерок — это утешитель в ожидании наступления весны.

Соловей весенний, прилетай,
Гласом радости возвещай,
Дуновением юга сладким,
Приходом своим утешай².

В творчестве Симеона весна, в противовес зиме, является собой символ любви, радости и красоты. Вместе с цветами и зеленью полей она приносит «ликование всем» и «пору радостей». Песня о природе и связанное с ней человеческое ликование нашли исполнительское совершенство в тахе «Прошли и холод, и зима, и печаль земная». Весна, по словам поэта, дарит всем жизнь и радость, расцветает роза, соловей прилетает повидаться с ней, а птицы хором поют радостную пес-

¹ Վ. Կոստանյան, *Նոր ժողովածու, արևի Գ, Թիֆլիս, 1896, էջ 54—56* (К. Костанян, Новый сборник, вып. III, Тифлис, 1896, на армянском языке).

² Матенадаран, рукопись № 1636, л. 91—98.

но. Самое совершенное существо природы — человек не остается в стороне от общей гармонии природы: для него весна — это тоже «пора ликования, время отрицания печали»¹.

Естественно, в мрачной тьме средневековья и фанатичном окружении, отравляемом ядом религии и суеверия, ненавистью бейев и мурз к другим народам, творчество Симеона Каффаеци звучало диссонансом своей эпохе. Его творчеству не чужды также песни грусти, отображающие тяжкое состояние странника на чужбине («Песня о страннике»²), тоску по родине, т. е. мотивы, характерные для жизни армянских колоний и тысяч странников-армян (пандухтов), которых горькая судьба забросила в чужие края.

Хаспек Ерец (Хачатур-Каффаеци) (1610—1686 гг.) — является одним из знаменитых армянских тахасацов Крыма. Он обладал большим багажом знаний, был писцом, художником и поэтом. Хаспек жил и творил в Каффе и Сурхате, а в 1665—1671 гг. жил в Константинополе³. Возвратившись оттуда, он до конца своих дней (1686 г.) более не покидал Крым.

Часть творчества Хаспека, хотя и не совсем свободна от церковного влияния, относится к светской жизни, ее лейтмотивом является воспевание человеческой любви и радости, восхваление природы с ее чудесными дарами. «Песня о любви и радости»⁴, написанная Хаспеком в 1670 г., одновременно является песней о природе. Весеннее солнце и его восход, в представлении тахасаца, это то мгновение, которое дарит людям и особенно любовным парам радость и веселье. Именно в это мгновение он зовет свою любви-

¹ Матенадаран, рукопись № 1636, л. 98 об.—101.

² «13—18-րդ դարերի հայ աշխարհիկ գրականության», Կազմեց Մ. Միրյան, Երևան, 1938, էջ 216 («Армянская светская литература XIII—XVIII вв.», составил М. Мкрян, Ереван, 1938, на армянском языке).

³ «Դիցաւան», գիրք Ա, խմբագրեց Հ. Մ. Պոստոլյան, Պուրբեշտ, 1928, էջ 139 («Дицаван», книга I, редактировал А. М. Потурян, Бухарест, 1923, стр. 139, на арм. языке).

⁴ Կ. Կոստանյան, նշվ. աշխատ., էջ 12—15:

мую порезвиться на лоне природы. Изображение природы Хаспек доводит до полного совершенства в «Песне о розе и благоуханных цветах»¹, где в ярких образах рисует и сад, и цветы, и чудесные песни птиц.

В рукописях ереванского Матенадарана сохранились и другие песни Хаспека, которые написаны в основном на различные церковные мотивы.

Вардан Каффаеци (1615—1712). Вардан родился в Каффе и жил там до глубокой старости. Образование получил в Сурхате у педагога Захара, а затем в Каффе у епископа Хачатура². В 1680 г., идя навстречу письменной просьбе-посредничеству армянских общин в Крыму, католикос всех армян Акоп Джугаеци возвел его в епископский сан. Приняв его, Вардан становится духовным предводителем армянской епархии в Крыму и до конца жизни остается на этой должности. Его стихи, кроме одного («Песня о розе»), посвящены армянским церквям Каффы и не имеют особого художественного значения. Но они содержат богатый материал по истории строительного дела в Каффе в XVII в. и поэтому представляют определенную историческую ценность. «Песня о розе» написана Варданом в 1659 г. на пути из Иерусалима в Крым. В ней певец широко использовал народные мотивы—черта, характерная другим армянским поэтам XVII—XVIII вв.

Вртанес Каффаеци, XVI в. Родом он из села Гилан Араратской области Великой Армении. Вместе со своим другом детства Вртанес переселился в Сучаву. Последнее десятилетие (1560—1570 гг.) своей жизни провел в Каффе в качестве епископа местных армян. Здесь в 1567 г. он стал очевидцем мученической смерти армянского юноши Парон-Луйса и оставил об этом памятную запись и мартирологическую песню³.

Многие тахи Вртанеса затрагивают чисто социальные темы и как таковые являются отражением многих сторон жизни крымских армян второй половины

¹ «13—18-րդ դարերի հայ աշխարհիկ գրականություն», էջ 204, 205;

² «Էջմիածին», 1954, № 9, էջ 28 («Эчмиадзин», журн., 1954, № 9, стр. 28).

³ «Հայոց նոր վկայեր», էջ 394; Матенадаран, рукопись № 2939, л. 465.

XVI в. Именно в этом их значительный интерес. Его перу принадлежат, например, стихи «О нужде Каффы» и «О некоем богаче». Первый написан в Каффе в 1560 г.¹ Этот стих ценен особенно в историческом плане, так как он образно передает тяжелое положение, возникшее в городе вследствие всеобщего голода.

Был голод очень страшный,
Скашивал он многих безжалостно,
А татары озверевши,
Выкопав мертвецов, съедали.
Ни кошек, ни собак не оставили,
Без разбора все съели,
Все разбойниками стали
И друг друга убивали².

Простым и понятным языком в стихотворении «О некоем богаче»³ Вртанес высмеивает представителя богатого сословия армян города, который прячет книги — источники света и знаний — в ящике, сам не читает их и не дает читать другим. Вртанес образно сравнивает его с невеждой, который убирает «светящуюся свечу и прячет ее в своем чемодане», или с человеком, «закрывающим родники и лишаящим людей источника питья». Бичуя невежество, Вртанес в этом стихотворении, состоящем из 50 четверостиший, выступает поборником распространения знаний, образования, восхваляет людей, преданных этому делу. Все это дает основание заключить, что Вртанес хотя и принадлежал к церковному сословию, однако в вопросах образования и просвещения стоял в ряду передовых людей своего времени.

Степанос Тохатеци. Жил в Крыму в первые два десятилетия XVII в. Слагал стихи о Каффе, ее церквах, священниках, сатирические стихотворения, отражающие различные стороны жизни каффских армян.

Хев Каффаеци. Биографические сведения о нем не сохранились. Судя по содержанию двух написанных им

¹ Матенадаран, рукопись № 3081, л. 119—120 с об.

² Там же, л. 119 об.

³ Там же, стр. 69—71 с об.

стихов, нетрудно заключить, что он был родом из Каффы и жил там в XVII в. Оба эти лирические стихотворения¹ посвящены теме любви, передают любовные переживания самого автора. Они написаны в стиле средневековой ашугской поэзии и, вероятно, в свое время имели широкую популярность среди крымских армян в качестве песен. Одно из них, носившее название «Личико ее прекрасно и светло»,—страстная мольба к любимой девушке, где личные переживания юноши воплощены в красивые поэтические образы. Другое стихотворение, начинающееся со слов «Увидел я ее неожиданно»,—песня о любви с первого взгляда.

Мартирос Крымeci (умер в 1683 г.). Этот известный церковно-политический и культурный деятель является в то же время одним из знаменитых тахасацов XVII в. Его творчеству, в котором «правдиво отражены общественная жизнь и нравы того времени»², присущи также юмор и сатира. В своих стихах М. Крымeci оплакивает горькую судьбу родного народа, его историческое прошлое, в жанре сатиры высмеивает теневые стороны современной ему жизни. Некоторые из его произведений, например, «История страны Крыма»³, содержат ценный исторический материал. В указанном произведении Мартирос Крымeci в стихотворной форме рассказывает историю Крыма и крымских армян. Особенно ценны сведения, касающиеся падения Каффы, налогов, турецко-татарских бесчинств, освободительного движения армянского населения и т. д. Он доводит свое повествование до 1672 г.

В числе армянских поэтов-тахасацов XV—XVIII вв. в Крыму достойны упоминания Григор Рабунапет, Степанос, Нерсес и другие, которые в основном жили и творили в Каффе.

Творчество поэтов-тахасацов, вероятно, пользовалось широкой популярностью среди народных масс, удовлетворяло их духовные потребности. Это подтверждается как наличием большого числа поэтов, народным сти-

¹ Матенадаран, рукопись № 7715, л. 13 с об.

² В. У. Մարտիրոսի, Մարտիրոսի Գրքերի, էջ 8:

³ Там же, стр. 142—152.

лем и доступным языком их творчества, так и существованием отдельных сборников стихотворений и народных песен.

В армянской колонии Крыма известное развитие получили такие науки, как анатомия, естествознание, философия, летоисчисление, риторика. О живом интересе к наукам свидетельствует тот факт, что местные писцы переписывали также философские, медицинские, труды по грамматике и другие. По всей вероятности, особые успехи были достигнуты в области медицины. Это, в частности, подтверждается тем, что личными врачами местных ханов зачастую были армяне.

В XV в. в Каффе пользовался известностью как мыслитель и богослов архимандрит Саркис. Саркис особенно прославился в искусстве риторики. В этом искусстве также блистал «гениальный и мудрый оратор» Матеос, как уже было отмечено, ученик знаменитого Григора Татеваци¹. Примерно в это же время получил свое образование в Татеве Тума Каффаеци — ученик Мхитара Татеваци².

В последующие века из среды крымских армян также вышло немало мыслителей, ученых людей. Как уже отмечалось, в XVII в. широкой популярностью «мудрого мыслителя» и «толкователя древних и новых письменностей» пользовался Хаспек, а его современник Вардан считался знатоком летоисчисления. Составленный им в 1676 г. календарь в стихах является хорошим пособием и охватывает все летоисчислительные варианты³.

Крымские армяне испытывали большую тягу к словесности. Именно им принадлежит приоритет в составлении первого сборника армянских народных песен.

¹ Ա. Ս. Խաչիկյան, *Ժեղարի հիշատակարաններ, մասն Ա, էջ 312*;

² Ղ. Ալիշան, *Սրահան, Վենետիկ, 1893, էջ 241* (Г. Алишан, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 241, на армянском языке).

³ Ա. Գ. Աբրահամյան, *Վարդան Կաթայեցու շափաթոտումարը, էջ 30, 31*;

Первый такой песенник составил Хачгруз (Хачик Ерец, Хачатур Каффаеци). В него вошло 20 народных песен, из которых лишь четыре сохранились в других рукописях, остальные 16 дошли до нас благодаря Хачгрузу, которому во время составления песенника было всего 16 лет¹. Он же является автором «Летописи» о событиях в Крыму первой половины XVII в. (1608—1656 гг.). Летопись содержит важные сведения по истории Крыма, русско-турецких отношений, борьбы за Азов, турецко-татарских набегов и по многим другим вопросам².

За время своего многовекового существования армянская колония развернула на полуострове широкую строительную деятельность, воздвигнув многочисленные сооружения, архитектура, которых частью претерпев некоторое влияние окружающей среды, в основном сохранила лучшие традиции армянского зодчества. К сожалению, сохранились относительно немногие из этих памятников. Периодические войны, постоянные татарские набеги, а также стихийные бедствия оставили свой отпечаток на армянских памятниках, превратив многие из них в развалины. Однако все же осталось несколько церквей в Феодосии и в бывших армянских селах, находившихся между Белогорском и Феодосией, а также два монастыря — один в селе Бахчели (Богатое), другой — в лесу, недалеко от Старого Крыма³. Сохра-

¹ Ա. Ս. Մնացականյան, Հայկական միջնադարյան ժողովրդական երգեր, Երևան, 1956, էջ 10, 11 (А. С. Мнацаканян, Армянские средневековые народные песни, Ереван, 1956, стр. 10—11, на армянском языке); см. также, Матенадаран, рукопись 7709.

² Վ. Ա. Հակոբյան, Մանր ժամանակագրություններ, հ. 1, էջ 205—236:

³ Армянская средневековая архитектура в Крыму нашла всестороннее и обстоятельное освещение в трудах известного советского ученого А. Л. Якобсона, см. его труды: «Средневековый Херсонес» (XII—XIV вв.), М.—Л., 1950; «Армянская средневековая архитектура в Крыму» («Византийский временник», VIII, 1956); «Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму» («Историко-филологический журнал», Ереван, 1964, № 4).

нились также остатки гражданских и оборонительных сооружений, разбросанных в различных местах Крыма.

Среди всех этих памятников особую архитектурную ценность представляет монастырь Сурб-Хач вблизи Старого Крыма. Его смело можно поставить в один ряд с крупнейшими архитектурными памятниками средневековой Армении. Надпись, опоясывающая купол храма, сообщает, что он построен в 1358 г. при пособничестве священника Оганеса и его товарищей. Монастырь состоит из храма и вспомогательных сооружений. Храм — высокое купольное сооружение. Его авторы, наверное, стремились следовать национальным традициям. Лишь некоторые элементы декоративного убранства храма навеяны гетуэзскими памятниками, как, например, рельефное изображение в куполе агнца с лабарумом. Однако вся конструкция храма, его орнаментальные украшения в виде сталактитов, розеток и «сельджукской цепи» (имеющей армянское происхождение), многочисленные хачкары несут черты многовековой армянской архитектуры¹.

Храм монастыря Сурб-Хач — столь выдающееся архитектурное сооружение, что современники ставили его в один ряд с церквями Рима. Дортели д'Асколи, например, писал: «Этот храм, достойный Рима, и много высоких каменных жилищ широких размеров построенные были братьями-армянами, которые и погребены в церкви»².

Армянские переселенцы, прибывшие в Крым в 30-х годах XIV в., развернули на полуострове широкую строительную деятельность. К памятникам, сооруженным в тот период, относится церковь Иоанна Крестителя в феодосийском карантине. А. Л. Якобсон подчеркивает, что эта церковь и некоторые другие сооружения претерпели отдельные неизбежные в таких случаях отклонения от родных образцов, «которые (отклонения.—В. М.) вызваны были применением местных строительных материалов и связанной с ними местной строительной техникой бутовой кладки»³. Несмотря на

¹ «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 177—180 (статья А. Л. Якобсона).

² «ЗООИД», т. 24, II, стр. 106.

³ «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 173.

это, церковь Иоанна Крестителя, построенная в 1348 г., является интересным памятником армянской средневековой архитектуры, в котором «можно наблюдать» «черты собственно армянской архитектуры»¹. Церковь Иоанна Крестителя украшена рельефными фигурами святых — двенадцати апостолов, посередине крупная фигура Христа. Изображена сцена евхаристии. Это первое изображение евхаристии в армянском зодчестве, и поэтому О. Х. Халпахчян считает его «творчеством армян-зодчих Крыма»². А. Л. Якобсон в связи с этим отмечает, что хотя передача сцены евхаристии в рельефе беспримерна, «зато изображение евангельских сцен, а также всей сцены евхаристии в рельефе известны в Армении». Он подчеркивает, что изображение святых в Армении стилистически очень близко той манере, «в какой выполнены рельефы армянской церкви Крыма»³, т. е. церкви Иоанна Предтечи (Крестителя).

Близ городских стен, внутри города находится армянская церковь св. архангелов Гавриила и Михаила. Сохранившаяся надпись гласит, что она построена в 1408 г. «Сей храм построен во имя небесных воинов Гавриила и Михаила служителей богослова, на праведные средства Аствацатура, супруги Ахут-Хатун Садата и Хатун, детей Хачатура, Леона, Иоаннеса, Магсуди, Мелика. Лета 857»⁴, т. е. 1408 г. Можно предположить, что церковь принадлежала армянской католической общине, в чем убеждает напоминающий итальянские памятники стиль ее архитектуры и место ее нахождения — внутри городских стен, где по запрету генуэзских властей не разрешалось строить армяно-григорианские церкви. А. Л. Якобсон находит, что этот храм построен «в форме провинциальной западноевро-

¹ «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 181.

² О. Х. Халпахчян, Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре, Ереван, 1957, стр. 21.

³ «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 183.

⁴ Х. Кучук-Иоаннисов, Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах юго-западной Руси и в Крыму, М., 1892, стр. 37.

нейской базилики с трансептом»¹, что, естественно, было результатом армяно-генуэзских политических отношений, нашедших выражение также в архитектуре.

По предположению некоторых ученых, из оставшихся армянских памятников в Крыму самым древним является церковь Св. Саркиса в Феодосии. Тот факт, что в уставе 1449 г. о ней не упоминается, вовсе не означает, что она построена позже². В уставе вообще не упоминаются армянские церкви, однако они существовали до него. Доподлинно известно, что церковь Св. Саркиса построена, как уже отмечалось, до прихода генуэзцев, т. е. до второй половины XIII в. Сооружение имеет притвор-гавит, колокольню, два придела. В стены церкви вделаны хачкары и плиты с надписями, относящимися к различным временам.

При всем своем различии армянские церкви в Каффе имеют много общих черт. Помимо алтаря, почти все церкви состоят из двух отделений: части, близкой к ризнице, т. е. самого храма, и гавита, находящегося подале³. Второе отделение, т. е. гавит, снаружи отделяется от храма, и люди, находящиеся там, могли только через открытые двери следить за богослужением. Каффские армяне, видимо, следовали тому древнему обычаю своих соотечественников, согласно которому место публики в церкви отделялось от места святых. Х. Кушнерян замечает, что эта осторожность соблюдалась для того, чтобы не дать возможности иноверцам и маловерным нанести какое-либо оскорбление святым началам армянской церкви⁴.

В Каффе, в разные периоды ее существования, одновременно функционировали десятки армянских церквей. Дортели д'Асколи, уже известный нам префект Каффы, Татарии и прочих мест, имея в виду 1634 г.,

¹ «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1964, № 4, էջ 231:

² «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 170.

³ «Հանդես գրականագիտական և պատմական», Մոսկվա, 1894, էջ 217 («Историко-литературный журнал», М., 1894, стр. 217, на армянском языке).

⁴ Ք. Քոչնեքյան, նշվ. աշխատ., էջ 128:

писал, что каффские армяне имели 28 церквей¹. Сообщение д'Асколи находит косвенное подтверждение в оде Степаноса Тохатеци, посвященной армянским священникам города. В ней приводятся имена 27 армянских священников, в том числе 3 епископов, исполнявших богослужение в различных богоугодных заведениях города². Пейсонель, побывавший в 1775 г. в Каффе, отмечал факт существования там 24 армянских церквей³. Об этом же сообщает современная ему стихотворная история, посвященная армянским церквам Каффы. В ней упоминаются все армянские церкви: Св. Анны, Св. Аствацацина, Св. Тороса, Св. Геворка, Св. Архангелов, Св. Саркиса, Св. Григория Просветителя, Св. Антона, Св. Карапета, Св. Оганеса, Св. Степаноса, Св. Никогайоса, Св. Воскресения, Св. Минаса и др. — всего 24 церкви⁴. Сведения Пейсонеля и приведенное стихотворение соответствуют содержанию памятной записи армянской рукописи, автор которой обстоятельно повествует о податях, взимаемых в XVIII в. с армянских церквей Каффы в пользу султана. Он также приводит названия почти всех вышеуказанных церквей, добавляя данные о том, сколько платила каждая церковь⁵.

В Феодосии до сих пор сохранились здания армянских церквей Св. Саркиса, Св. Геворка, Св. Степаноса, Св. Иоанна Крестителя, Св. Михаила и Гавриила (архангелов), а также развалины других церквей в городской черте и в других местах, например, в Двужкорной бухте и близ Коктебеля.

В архитектурном отношении достойна внимания церковь армянского монастыря Св. Спасителя близ села Богатое (бывшее армянское село Бахчели) к юго-востоку от г. Белогорска. В свое время монастырь окружала стена, но сейчас от нее не осталось даже сле-

¹ «ЗОИД», т. 24, II, стр. 118—119.

² «Ազգագրական հանդես», 1902, էջ 71, 72 («Этнографический журнал», 1902, стр. 71—72, на армянском языке).

³ П. Кеппен, Крымский сборник, СПб., 1837, стр. 29.

⁴ Բ. Քուզնեթյան, նշվ. աշխ., էջ 139—141.

⁵ Матенадаран, рукопись № 2939, л. 471 с об.

дов. Не осталось никаких следов и от памятника-родника.

Церковь в монастыре Св. Спасителя построена из камня, имеет три входа, ризницу. В храме много рельефов на евангельские темы. В ризнице имеется тайный проход, ведущий на крышу здания. По обоснованному заключению А. Л. Якобсона, «храм этот занимает промежуточное положение между собственной армянской и европеизирующей»¹ архитектурой. В нем, в противовес церкви Михаила и Гавриила, где не осталось признаков армянской архитектуры, «армянские формы еще не были изгнаны и не были поглощены западноевропейскими, которые только начали заявлять о себе»². И поэтому нетрудно предположить, что он построен в первой половине XIV в., в период массовой эмиграции армян в Крым.

Сохранилась также церковь в некогда армянской деревне Топлы (ныне Тополевка). Она находится на небольшой возвышенности. Церковь небольшого размера и напоминает армянские церкви Иоанна Богослова и Св. Степаноса в феодосийском карантине.

Строительная деятельность крымских армян охватила также систему обороны, сооруженную с целью защиты от постоянных набегов татар. В этом отношении определенный интерес представляет крепостная стена в Каффе, носившая название Айоц-берд (Армянская крепость). Она опоясывала генуэзскую оборонительную стену, которую современники именовали Френк-хисар (крепость франков, католиков).

Оборонительную систему армяне воздвигли после переселения из Аксарая в Крым. В одной из армянских рукописей Крыма сказано, что армянские князья, заключив соглашение с генуэзским консулом, «получили от него разрешение на постройку новой крепости рядом со старой крепостью и стали строить более 40 лет и закончили; 80 лет пользовались ею, а спустя три года турки захватили (Каффу)»³. Турки заняли Каффу в 1475 г. Как явствует из рукописи, армяне начали

¹ «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1964, № 4, էջ 231:

² Там же, стр. 235.

³ Матенадаран, рукопись № 1781, л. 66 об.

строительство крепостной стены за 123 года до этого, т. е. в 1352 г. Эта дата почти точно совпадает со временем, указанным в книге Тунманна. Последний, видимо, основываясь на латинском материале, пишет, что в 1357 г. Каффу обводили новыми крепкими стенами¹. Приведенные сведения находят подтверждение в памятной записи-истории крымских армян, где говорится, что после прихода в Крым, т. е. после 1330 г., армяне «из-за страха перед татарами обвели крепостной стеной город Феодосию. А в 1391 г. появился великий татарский хан и, сражаясь, преследовал кипчагов и завладел всем Крымом, но не будучи в силах взять Феодосию, невольно заключил дружбу с генуэзским консулом»².

Жильбер Ромм, побывавший в 1786 г. в Каффе, свидетельствует о том, что одна из армянских надписей в оборонительной стене гласит, что «часть стены была сооружена в 1384 г.»³.

Сообщение армянских источников о сооружении армянами крепостной стены подтверждается сведениями, содержащимися в официальном генуэзском документе того времени. В письме протекторов банка Св. Георгия от 31 июня 1464 г. на имя армянского епископа Каффы, между прочим, сказано: «Чем больше мы обращаем внимания на Вашу добродетель и вспоминаем Ваши добрые дела, совершенные во имя благосостояния и величия этого города, особенно в строительстве стен, тем больше мы убеждаемся в том, что Вы желаете вечного существования нашей власти...»⁴.

Армянская оборонительная стена, беря начало с южной бухты, доходила до северной части города — до крепостных ворот генуэзской стены, именуемых Гулегабу, а оттуда до ворот Искеле-габу⁵. Армяне выстроили стену силами всей колонии, в соответствии с состоянием каждого. Знатные люди на своих участках

¹ Тунманн, Крымское ханство, Симферополь, 1936, стр. 38.

² Матенадаран, рукопись № 7442, л. 281 с об.

³ Жильбер Ромм, Путешествие в Крым в 1786 г., Л., 1941, стр. 47.

⁴ «Atti», vol. VII, p. I, стр. 277.

⁵ Մ. Բժշկյան, նշվ. աշխատ., էջ 332:

оставляли мемориальные надписи, представлявшие вавшие о них. В конце XVII в. на остатках стен еще можно было прочесть имена отдельных князей-армян, например, имена священника Магакия и его родственника Петроса на воротах Сельгабу, за церковью Св. Григория Просветителя¹. Стена была выложена из тесаного камня, имела готические башни, отстоящие друг от друга на расстоянии 20, 40 и 60 локтей. В XIX в. еще сохранялось немало остатков от армянской стены. Они видны и сейчас. В 20-х годах XIX в. М. Бжишкян, например, видел там развалины армянской церкви Воскресения. «В глубине фундамента большой стены, — отмечал М. Бжишкян, — мы увидели крупные pedestals, в которые вделаны хачкары ростом с человека и надписи, которые были перевезены в Петербург»². Оборонительную стену Айоц-берд опоясывал глубокий ров, шириною в 25 шагов, облицованный камнями³. Он делал крепость более неприступной для врагов.

Заметное участие армяне принимали в водоснабжении населения юго-восточной части полуострова, где это издревле являлось трудной проблемой. Водопроводы, сооруженные армянами, во многом облегчали решение этой задачи. Как уже было отмечено, в 1316 г. армянский епископ в Каффе провел водопровод. Начинание армян привлекло к себе внимание генуэзского правительства, узаконившего и охранявшего сооружение духовного предводителя армянской епархии в Крыму. Да и сами генуэзские власти тоже старались изыскать средства на строительство бассейнов. Устав 1316 г. по этому поводу отмечал: «Генуэзский консул в Каффе должен за счет излишних денег от поземельного налога, если такие деньги окажутся, начать строить цистерны»⁴. Можно констатировать, что во всяком случае до 1316 г. генуэзцы не имели в Каффе бассейнов. Трудно сказать, строили ли они там водопроводы или бассейны после 1316 г., так как сведений об этом не имеется. Зато в связи с этим становится очевидной

¹ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 282 об.

² Մ. Բժշկյան, հշվ. աշխատ., էջ 333, 334:

³ Там же, стр. 333.

⁴ И. А. Гольдшмидт, указ. диссерт., стр. 224.

причина той заинтересованности, которую проявляли они к армянскому водопроводу.

Закон о водопроводе епископа армян гласил: «Издагается и публикуется закон, согласно которому никто из горожан или пользующийся правом горожанина, или житель Каффы, не должен посметь или в какой бы то ни было форме и причине, с открытым или тайным намерением, частично или полностью отводить воду, которую армянский епископ для спасения своей души заказал привести через водопровод в Каффу; запрещается также каким-либо образом взять или поручить взять воду из этого водопровода; эта вода должна быть употреблена только в Каффе и подвластных ей местах; иначе для людей, в какой-либо форме нарушивших этот закон, предусматривается штраф в размере 3000 баликат аспров и, кроме того, предусматривается, что изменивший направление водопровода должен восстановить его в прежнем положении; сумма этого штрафа должна находиться в распоряжении консула Каффы, чтобы он был обязан израсходовать ее на полезные сооружения или дела только в Каффе»¹.

Из закона явствует, что водопровод армян был одним из основных источников (если не самым основным) снабжения города и его окрестностей водой, что, видимо, и заставило генуэзских правителей взять его под свою охрану. Водопровод был сложным сооружением с цистернами, трубами и своеобразными конденсаторами, «расположенными на окружающих Феодосию горных склонах, целью которых является извлечение из воздуха атмосферной влаги»².

Водопроводы армяне проводили и в других частях юго-восточного Крыма, например, недалеко от Каффы (на расстоянии 12 км от города), в Двукорной бухте. И. И. Бабков, подвергший остатки этого водопровода детальному инженерно-археологическому исследованию, пришел к заключению, что он являлся сложным сооружением, сочетавшим местные условия и тех-

¹ «Monumenta historiae patriae», т. II, стр. 380.

² И. А. Гольдшмидт, указ. диссерт., стр. 223.

нические возможности того времени¹. Его проводили для обеспечения водой армянского монастыря в Двужорной бухте. Время сооружения водопровода И. И. Бабков относит к XV в., т. е. ко времени постройки находившейся там монастырской армянской церкви. Но церковь относится к более раннему периоду и, возможно, водопровод тоже. Около этой церкви И. И. Бабков обнаружил остатки основных водоснабженческих сооружений: резервуар со своими строениями, фонтан с бассейном и др. Описывая водопровод, И. И. Бабков замечает: «Чьи-то досужие руки вскрыли канал, сняли прикрывавшие его сверху плоские камни и в поисках источника воды и, по-видимому, гончарных труб, разорили древний водопровод, устроенный с большим терпением и искусством. Обломки этих труб встречаются здесь по дну всей балочки. Канал огибает холм, идет по ложине, но не везде по самому дну ее, а несколько сбоку, становится все сырее и сырее; наконец, в нем показывается вода, и он превращается в уширенное углубление, обложенное камнями, где воду можно черпать. Однако главный источник еще не здесь. Канал продолжается далее, принимает на себя слева и справа еще три струи, заметные по концам гончарных труб, торчащих под выходом известковых скал, извивается по дну ложинки и шагах в пятистах от нижних развални заканчивается небольшим бассейном, аккуратно обложенным крупными тесаными камнями. Здесь, несомненно, голова древнего армянского водопровода... Поднимаясь по балочке, начинаешь встречать выходы на поверхность конгломератов: полоса их идет здесь вдоль хребта, и они, по-видимому, являются вмещающим грунтовых вод»².

Строители водопровода, расположенного на боковом склоне хребта Биюк-Япышар, обнаруживали вы-

¹ И. И. Бабков, Очерки по исторической и культурной географии Крыма. I. Водоснабжение армянского монастыря XV в. в Двужорной бухте в Феодосии (к истории древних водопроводов в Крыму); «Известия Гос. географического общ-ва», № 71, вып. 7, 1939.

² Там же, стр. 1044.

ходы родниковых вод, очищали каждую струю, заключали их в гончарные трубы, присоединяемые затем к общему, главному каналу, имевшему два смотровых колодца и заканчивавшемся внизу фонтаном¹.

Подобные водопроводы, почти одинаковые по своей конструкции, замыслу и выполнению, И. И. Бабков исследовал также на хребте Тете-Оба в балочках, идущих к Феодосии (видимо, вышеуказанный водопровод армянского епископа 1316 г.), в армянском монастыре Сурб-Хач, в бывшем тополевском (с. Топлы) армянском монастыре. «Все они,—заключает И. И. Бабков,—устроены, в сущности, по одному плану и свидетельствуют о большом умении использовать и сохранять влагу и о большой заботливости древнего населения этих мест, проявленной к вопросам водоснабжения»².

Как на родине, в Армении, так и в армянских колониях Крыма широкое распространение получили родники-памятники. Армянские мастера построили много родников-памятников в Каффе, Двукорной бухте, в монастырях Сурб-Хач, Спасителя и других местах. Родник-памятник в монастыре Сурб-Хач, сохранившийся до сих пор, по своему архитектурному замыслу средни подобным сооружениям в Армении.

По национальной традиции, крымские армяне воздвигали мемориальные памятники—хачкары, плиты. Чаще всего они вставлялись в стены церквей как с внутренней, так и с наружной стороны. За редким исключением все они, как правило, украшались резьбой, имели на себе надписи³. Много хачкаров, мемориальных плит имелось в церквях Св. Саркиса, Св. Иоанна (в Феодосии), села Орталанк, в армянской оборонительной стене⁴. Часть из них сохранилась до наших дней.

Архитектурные сооружения, воздвигнутые крымскими армянами, естественно, не смогли избежать иногородного влияния. Армянские памятники в Крыму переняли некоторое влияние итальянской, сельджукской,

¹ «Известия Гос. географ. общ-ва», № 71, вып. 7, 1939, стр. 1044.

² Там же.

³ О. Х. Халпахчян, указ. раб., стр. 22.

⁴ Մ. ՅժԷՅԱՆԻ, ԻՂԻ. ՄԻՒՄԱՆ., էջ 261, 334:

а несколько позднее и русской архитектуры. Это влияние диктовалось и окружающей средой и политическими мотивами. Однако при всем этом армянские памятники в Крыму, в основном сохраняя и развивая черты национального зодчества, в свою очередь, оказали значительное влияние на средневековые сооружения Крыма. Сравнение зданий бань Херсонеса и Амберда в Армении, как уже было отмечено, свидетельствует о том, что первое было построено по типу второго. Аналогичны не только здания этих бань, но также использованные в них предметы. Так, ступка с ручкой в виде головы быка, обнаруженная в Амберде, тождественна ступке, найденной в херсонесской бане. При возведении зданий итальянские мастера в Крыму порой применяли методы армянского строительного искусства. В 1468 г. протекторы банка Св. Георгия в своем отношении на имя каффского консула Джентилие Камиили советовали ему при покрытии зданий, в подражание местным армянским церквям, использовать каменные плиты¹. Влияние армянской архитектуры особенно заметно сказалось на татарских строениях, воздвигнутых в основном руками армянских, русских и греческих мастеров, которые, как уже отмечалось, зачастую отбывали барщину на строительстве различных сооружений.

Культурное наследие крымских армян, таким образом, показывает, что, поддерживая постоянные контакты с родиной и со своими соотечественниками в других странах, таврические армяне остались верными многовековым культурным традициям армянского народа и внесли свой ценный вклад в развитие его культуры.

¹ П. Л. Колли, Каффа в период владения ею банком Св. Георгия, стр. 8.

Глава пятая

УПАДОК И ВОЗРОЖДЕНИЕ КОЛОНИИ

В начале последней четверти XVIII в. в жизни крымских армян произошли новые сдвиги. После русско-турецкой войны 1768—1774 гг. в борьбе с Турцией за Крым правительство Екатерины II, исходя из определенных политических соображений, в частности, стремления подчинить крымского хана в финансовом и материальном отношении российскому двору, а также необходимости заселения юга России, переселило крымских христиан—греков и армян—в Азовскую губернию. С уходом армян из Крыма перестали существовать их колонии, насчитывавшие многовековую историю.

В самом начале войны Екатерина II поставила перед русскими дипломатами и чиновниками задачу освободить ханство от турецкой зависимости. Выполнение этой задачи означало бы важный шаг на пути осуществления конечной цели—присоединения Крыма к России, жизненно необходимого для нее в военно-политическом, а также экономическом отношениях. «Мы благорассудили сделать испытание,—писала императрица графу Н. И. Панину,—не можно ли будет Крым и все татарские народы поколебать в верности к Порте внушением им мыслей к составлению у себя независимого правительства. Сочинена здесь форма письма от нашего имени к хану крымскому. Письмо в Крым удобнее всего отправить через татарских пленников»¹.

¹ В. М. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты в XVIII в., Одесса, 1889, стр. 119.

Присоединение Крыма к России имело большое прогрессивное значение для народов, населявших полуостров. Являясь прямым продолжением южнорусских земель, Крым после присоединения становился естественной частью страны, живущие там народы, сбросив невыносимое владычество султана и хана, получили несравненно широкие возможности культурного и экономического развития. К России издавна устремлялись взоры христианского населения полуострова (русских, украинцев, армян, греков и др.), которое рассматривало присоединение как великий акт своего спасения от произвола султано-ханского владычества со всеми его пагубными последствиями.

Благодаря присутствию русских войск на полуострове стало возможным назначить крымским ханом Шагин-Гирея. Султанский ставленник Довлет-Гирей был вынужден оставить Крым. Новый хан и крымские мурзы попросили русское правительство для соблюдения порядка оставить свои войска в Крыму¹.

Турция, однако, не думала складывать оружие: она наводнила полуостров своими агентами, и в сентябре 1777 года по ее подстрекательству в Крыму поднялся мятеж против Шагин-Гирея. На помощь восставшим из Константинополя в Крым поспешили эмигранты — мурзы во главе с бывшим ханом Селим-Гиреем и восемь турецких военных кораблей². Мятеж, принявший довольно широкие масштабы, был подавлен в феврале 1778 г. Не увенчалась успехом и следующая попытка Турции высадить в Крыму десант и вновь поднять восстание.

В период борьбы с Турцией за Крым русское правительство решило лишить хана одной из основных статей его дохода и, как правильно отмечает А. Маркевич, поставить его в «необходимость пользоваться жалованием русского двора и вообще благодеяниями его; для этого Румянцеву вздумалось подавить промышленность Крыма и тем уничтожить доходы хана; а так как промышленность, торговля, садоводство и земледелие находились в руках христиан—греков и

¹ П. Надинский, Суворов в Крыму, Симферополь, 1950, стр. 28.

² Там же, стр. 32.

армян и составляли главные откупные статьи доходов хана, то решено было выселить из Крыма все христианство»¹. Необходимо, однако, уточнить, что это мероприятие не «Румянцеву вздумалось», а соответствовало общей задаче присоединения Крыма к России в возможно краткий срок.

Такого же мнения о мотивах переселения христиан из Крыма придерживается подавляющее большинство историков, в том числе автор четырехтомного сборника «Присоединение Крыма к России» Н. Дубровин. Он, в частности, отмечает: «Не успев прийти на помощь татарам, Порта долго не признавала Шагин-Гирея в ханском достоинстве. Дипломатические переговоры по этому предмету тянулись почти целый год, а между тем Россия успела в этом промежутке времени **поставить Шагин-Гирея в еще более зависимое положение** (курсив наш.—В. М.). В Крыму находилось в то время много христиан, произведения труда которых составляли главные статьи дохода хана. В руках христиан находилась промышленность, садоводство и земледелие всей горной части Крыма. С выселением их вся культура ослаблялась и доходы хана ограничивались. Под предлогом опасности, которой подвергались христиане при всякого рода возмущениях татар, русское правительство успело вывести из Крыма в Россию до 30000 человек греков и армян»².

В 1777 г. фельдмаршал Румянцев-Задунайский выступил с конкретной программой переселения христиан. В следующем году 9-го марта Екатерина II особым рескриптом и указом поручила фельдмаршалу и Г. А. Потемкину привести в исполнение эту программу. С этой целью сомневавшегося в успехе дела А. Прозоровского заменил энергичный А. Суворов. Во всех документах, касавшихся переселения армян и греков, подчеркивалась необходимость уговорить, склонить их

¹ А. Маркевич, Переселение греков и армян из Крыма в Екатеринославскую губернию в 1778 г., см. «Екатеринославские губернские ведомости», газета, 1872, № 16.

² «Присоединение Крыма к России», рескрипты, письма, реляции и донесения; т. I, 1775—1777, СПб., 1885, стр. V.

к идее переселения. Дело в том, что, несмотря на их русскую ориентацию и содействие, оказанное ими русским войскам в Крыму, армяне и греки вначале не столь были склонны переселяться, оставлять свои очаги. Вопрос русской ориентации армян и греков, их симпатии к России и содействие мероприятиям русского правительства по присоединению Крыма к России не следует противопоставлять колебанию части их покидать веками обжитые места. Пребывание русских войск в Крыму не могло не вселять в них надежды на то, что рано или поздно полуостров станет частью России, они — ее подданными. С другой стороны, трудовым слоям народа было весьма трудно оставлять свои дома, сады, засеянные поля, промыслы, чтобы затем все начинать сызнова. Именно последнее обстоятельство вначале послужило причиной их колебания к переселению. Очевидец событий караим Рабби-Азария констатировал: «Армяне и греки, живущие по деревням, бедные и занимающиеся ремеслом, не хотели переселяться в другую страну, потому что многие из них имели огороды, сады, и поля, доставляющие им доходы»¹.

Первым свое согласие на переселение дала верхушка колонии—представители духовной знати и зажиточной части купечества. Она не без основания лелеяла надежду, что на новых местах, получив обещанные русским правительством привилегии, для нее откроются широкие возможности для торгово-промысловой деятельности, а, следовательно, нового обогащения.

Таким образом, разногласие между сторонниками и противниками переселения имело социальную подоплеку, скрывало в себе глухую классовую борьбу. Духовные предводители армян—архимандрит Петрос Маркосян и Акоп Вардересович (глава армян-католиков), учитывая сложность ситуации, не сразу дали свое согласие на переселение.

¹ «События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей хана», перевод с еврейской рукописи, сочиненной караимом Рабби-Азария, сыном Ильи, перевел А. С. Фиркевич, стр. 127.

В окончательном склонении армян и греков к переселению значительную роль сыграло и другое обстоятельство: они не без основания боялись того, что при случае оставления русскими войсками Крыма предводители татар организуют резню христиан за их симпатии к России и особенно во время последнего татарского мятежа. Сам А. В. Суворов писал по этому поводу Шагин-Гирей хану (22-го июля 1778 г.), что христиане переселяются из Крыма с целью избавления «от предгрозных бедствий и сущего истребления, которым огорченные во время бывшего мятежа татары мстить им при случае удобном явно обещались»¹.

В конце концов, 16-го июля 1778 года армяне и греки представили Суворову свое постановление о согласии на переселение, в котором выдвигались их основные требования. Они сводились к четырем пунктам: 1. Бедные семьи крестьян перевозятся за счет государства; для поселения им отводятся земли между Днепром, Самарью и Орелью, обещанные Суворовым от монаршего имени; на этой земле строятся город и деревни, населяемые греками и армянами, «без смеси других и какого рода и звания людей»; позволить свободную торговлю и «всякий промысл отправлять и из рек рыбную ловлю и из лесов дровами без платежа довольствоваться».

2. Митрополит Игнатий остается во главе греческой епархии, свою должность отправляет «по собственным обыкновениям» и «рукополагает всех священников и других церковников».

3. На десять лет переселенцы освобождаются от всяких сборов, налогов и повинностей.

4. Вечно освободить от постоев в домах, не брать рекрут. Сейчас же «единожды навсегда» назначить ту рекрутскую подать, которую они должны будут платить по прошествии десятилетнего срока. Для сбора налогов, как и для «судовых расправ» общины из своей среды «вольными голосами» выбирают временных начальников, «которые дают во всем отчет губернии, пребывая под защиту оной от всякого оскорбления их достоинств и особ»².

¹ «Присоединение Крыма к России», т. II, стр. 583.

² Там же, стр. 556—557.

Переселение 30 тысяч людей было связано с большими хлопотами. 25-го июля 1778 г. Суворов сообщил Потемкину, что расходы по переселению составят минимум 100000 руб., «кроме ханского пенсиона»¹. Во второй половине июля Суворов уже торопил азовского губернатора В. Черткова выслать в Крым 6 тысяч подвод. В рапорте Румянцеву эту спешку он объяснял тем, что «дальние отлагательства сомнительны в перемене иногда принятых ими (армянами и греками.—В. М.) намерений и опасны по внутренним и наружным беспокойствам. Число же всех христиан ныне (30-го июля.—В. М.) является превосходнее, особливо в купцах армянах»².

По всей вероятности, было не так уж легко выслать 6000 подвод, притом из одной только Азовской губернии. 2-го августа В. Чертков поставил Суворова в известность, что может предоставить пока лишь 2000 подвод, имевших назначение перевозить переселенцев лишь с Перекопа³.

Из рапорта Черткова Суворову явствует, что в самый канун переселения некоторые правительственные чиновники игнорировали по крайней мере два весьма важных вопроса, связанных непосредственно с переселением и размещением христиан: не было еще уточнено отводимое им место поселения и не было подготовлено жилье для их временного размещения. В. Чертков, например, писал, что просимые ими земли частью заселены, а частью заселяются «государственными и владельческими слободами» и «пустых мест» нет»⁴. За неимением свободных квартир губернатор предлагал разместить армян и греков вместе с хозяевами, местными жителями.

С переходом к конкретным практическим мерам по переселению все больше возникало затруднений, особенно финансового порядка. 7-го августа Суворов сообщал Румянцеву, что «расходы на сих христиан не-

¹ «Присоединение Крыма к России», т. II, стр. 588.

² Там же, стр. 610.

³ Там же, стр. 612.

⁴ Там же, стр. 613.

престанно умножаются»¹. Расходы увеличивались также в связи с выкупом рабов-христиан. Их выкупали у татар греки и армяне. Правительству не приличествовало не платить за выкупленных христиан. В самом деле, нельзя же было свободных христиан «освободить», а их пленных собратьев, выкупленных ими, оставлять в неволе. На них также приходилось тратить, «поелику в рассуждении такого выводу христиан нет приличности и сих в неволе оставлять»,—предупреждал Суворов. На это требовалось 10 000 руб. Кроме того, довольно солидную сумму необходимо было заплатить переселенцам за их «оставшиеся зерновые произращения», а солдатам—за сбор этого урожая. Эта сумма составляла примерно 85 000 рублей².

Однако по подсчетам Суворова правительство частью компенсировало убытки. Дело в том, что христиане не смогли взять с собой зерно и сено. Приняв их от христиан, оно больше чем наполовину выигрывало в цене, а выигрыш составлял ни много ни мало 100 000 рублей³.

Начатое в половине августа 1778 г. переселение христиан из Крыма завершилось 18 сентября. В этот день Суворов рапортовал Румянцеву-Задунайскому: «Вывод христиан кончен! обоего пола отправилось в Азовскую губернию 31 098 душ. О чем Вашему сиятельству ведомость прилагаю. Осталось зимовать в Еникале и Черкасе 288 душ... Примерно вышло денег на вывод сей здесь до 130 000 руб., паче на прогоны. По собрании невступивших еще из разных мест о том ведомостей вашему сиятельству вернее донести не укусно»⁴.

Армяне-переселенцы составляли 12598 человек. Приводим часть составленной Суворовым ведомости, касающейся армян.

¹ «Присоединение Крыма к России», т. II, стр. 635.

² Там же.

³ Там же, стр. 635—636.

⁴ Там же, стр. 710.

ВЕДОМОСТЬ
об армянах, выведенных из Крыма¹

сентябрь 18-го дня 1778 г.

№ №	Из каких мест	Обоего пола		Итого
		муж.	жен.	
1	Из К а ф ф ы	2781	2730	5.511
2	Бахчисарая	702	673	1.375
3	Карасубазара	1419	1390	2.809
4	Козлова*	667	637	1.304
5	Акмечети	145	114	259
6	Старого Крыма	87	73	160
7	Татлы	112	100	212
8	Мелик	39	33	72
9	Камышлак	62	59	121
10	Сале	115	109	224
11	Чуруксу	20	20	40
12	Бурундук—отар	17	21	38
13	Тапчак	7	3	10
14	Султан—Салы	34	23	57
15	Урталак	214	192	406

Как и следовало ожидать, переселение христиан оказалось делом более легким, чем их размещение. Армянам выделили полупустынные земли около Днепра и Самари, отдельные чиновники требовали пошлины за ввезенные в Россию товары, хотя в основном это были не предметы торговли, а скот и домашняя утварь. Азовский губернатор В. Чертков, несмотря на предварительное обязательство, данное властями, отказывался возместить армянам оставленные ими в Крыму долги от разных людей, что составляло 100 тысяч рублей².

¹ «Присоединение Крыма к России», т. II, стр. 711—714.

* Названия мест передаются по ведомости Суворова, без необходимых исправлений.

² ЦГАДА, ф. 16, е. х. 588, ч. XII, л. 279.

Основная масса переселенцев, оказавшись в нужде, постоянно обращалась к властям за помощью, которую регулярно получала лишь в первые месяцы. Затем дело осложнилось. В донесении переселенцев к Суворову от 8 апреля 1779 г. сообщалось, что «жалование сначала всем производили, а ныне некоторым совсем не выдают». Общество жаловалось, что вопреки обещаниям ему «отведены места таковые, где нет ни воды, ни леса»¹. 6-го мая армяне вновь обратились к Суворову, который поддержал перед Потемкиным просьбу армян. Осенью положение еще более ухудшилось, так как «вышедшие из Крыма христиане, постоянного хлеба, через истребление саранчею безостатка, все лишились и пропитаться еще год сами не могут»².

С начала 1779 г. армянское общество во всех своих обращениях к властям выдвигало просьбу перевести его на земли вокруг крепости Св. Дмитрия-Ростовского, удобные как с точки зрения коммерции, так и развития земледелия и промыслов. Просьбу армян поддерживали А. В. Суворов, Лазаряны и начальник армянской епархии в России архиепископ И. Аргутинский. Для достижения своей цели общество посылает в Петербург своих депутатов—Карапета Восканова и сына Игнатия—Арутюна, который вскоре умер. Депутаты добиваются согласия Г. А. Потемкина весной всем обществом переселиться на эти земли.

Выполнение обещания Г. А. Потемкина все затягивалось, и армяне весной, летом и осенью 1779 г. вновь стали хлопотать, одновременно обращаясь к посредничеству А. В. Суворова и помощи Лазарянов и И. Аргутинского. Они отправили в Петербург новых депутатов—Саркиса Манвеляна, Акопа Аксентяна, Оганеса Абрамяна, Мкртыча Петросяна, Саркиса Меджлумяна, Даниила Григоряна. Там их ждал Карапет Восканян. Депутаты имели с собой докладную А. В. Суворова, в которой он ходатайствовал перед Г. А. Потемкиным внять голосу армянского общества и удовлетворить просьбу его представителей.

¹ ЦГДА, ф. 16, е. х. 588, ч. XII, л. 308.

² Там же.

15-го июля они поставили в известность Г. А. Потемкина о том, что, несмотря на его разрешение поселиться в форштате крепости Св. Дмитрия Ростовского, губернаторский товарищ Азовской губернской канцелярии Гересеванов принуждает всех земледельцев селиться по реке Терс и строить там свои дома, «а как оные к тому не согласны, то из оных некоторые посажены в кандалы и употребляемы были несколько дней в канальную работу, кроме же того и все по неимению жилых домов и всегдашнего пребывания на степе от солнца и от частых дождей претерпевают крайнюю нужду, ибо по повелению онаго губернаторского товарища более уже трех месяцев как и с квартир выведены и ныне находятся на открытом воздухе»¹. Одновременно при активном участии И. Лазаряна депутаты крымских армян выработали свои требования для представления императрице. Они были обобщены в документе под названием «Кондиции», состоявшем из тринадцати пунктов. Выражая желания крымских армян, этот документ в определенном смысле требовал для них буржуазные права: равенство и свободное развитие, торговое мореплавание, основание мануфактурного производства и т. д.²

14-го ноября 1779 года Екатерина II наконец подписала «Высочайше жалованную грамоту», удовлетворяющую просьбу крымского армянского общества о переселении в район крепости Св. Дмитрия³.

Согласно первой статье, правительство брало на себя дорожные расходы всего общества; во второй статье определялись границы земель, которые передавались переселенцам на вечное пользование; под поселения армян отводилась вся дача вокруг крепости, за исключением 3000 десятин на крепостной выгон и 1/4 части реки Дон, входящей в эту дачу, для рыбной ловли местных жителей.

¹ ЦГАДА, ф. 16, е. х. 588, ч. XII, л. 319.

² Центральный гос. исторический архив СССР (в дальнейшем см. ЦГИА СССР), ф. 880, оп. 1, д. 16.

³ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I, М., 1838, стр. 178—180.

В соответствии с задачами экономического развития юга России и его заселения, правительство создало переселенцам благоприятные условия для развития торговли и ремесленного дела. Условия развития торговли, ремесленного промысла и сельского хозяйства были зафиксированы в третьей и пятой статьях. Внимательное изучение этих статей показывает, что за небольшим исключением они повторяли требования армянского общества, отраженные в их прошениях и кондициях 1778—1779 гг.

Третья статья причисляла армян к разряду государственных жителей и на десять лет освобождала их от государственных податей и служб. По истечении этого срока они должны были вносить в казну «ежегодно купечество, с капиталов с рубля по одному проценту, цеховые, также и мещанство с двора по два рубля, а уездные поселяне, и имянно — земледельцы, которым полагается для каждого по тридцати десятин, будут взносить с каждой десятины в год по пяти копеек»¹. Бедным крестьянам предоставлялись семена, но с условием, чтобы через десять лет они возместили долг. Для строительства домов переселенцам было предоставлено право бесплатно пользоваться лесом. Богатой прослойке разрешалось на отведенных землях строить магазины, склады, заводы и др.

Согласно пятой статье, учреждался магистрат, избираемый по жребию. Ему предоставлялось право руководствоваться национальным «правом и обыкновениями» армян².

На основе грамоты от 14 ноября 1779 г. переселившееся на новое местожительство у крепости Св. Дмитрия армянское население в 1780 году заложило город Нор Нахичевань и несколько деревень.

Благодаря указанной грамоте, переселенцы на новых местах получили для того времени большие привилегии и преимущества, обеспечившие им условия для экономического и культурного развития. Этому способствовало и то обстоятельство, что здесь, в кругу рус-

¹ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I, стр. 179.

² Там же, стр. 180.

ского населения, стоявшего на несравненно высшем уровне развития, переселенцам больше не угрожали те бесчинства и произвол, которые они постоянно терпели в Крыму при турецко-татарском владычестве.

После переселения в Азовскую губернию средневековая армянская колония в Крыму перестала существовать. И если в XIX веке в Крыму все же имелось значительное количество армян, то они были не потомки жителей древней колонии, а новые переселенцы, которые сравнительно недавно перебрались в Крым из разных мест, в том числе из-за границы и Новой Нахичевани.

После переселения христиан Крымский полуостров лишился своего деятельного населения и в первое время предстал перед Россией, как писал Павел Сумароков, «в пораженном от того виде». «Она содрогнулась,— констатировал П. Сумароков,— найдя, что деревни превратились в развалины, сады в запущенные леса, ремесла, промышленность—в тунеядство, и уверилась, что осудила на сиротство новых своих чад еще прежде их усыновления»¹.

И в самом деле, экономика полуострова в основных своих отраслях—торговля, ремесленное производство, земледелие,—после ухода греков и армян пришла в упадок. Подобное состояние продолжалось довольно долго и после присоединения Крыма (1783 г.) к России. По признанию тогдашнего правителя Таврической области В. В. Каховского, правительство «не особенно пока заботилось о нем» (Крыме.—В. М.)².

Такое отношение правительства объяснялось тем, что на заселение и подъем экономической жизни вновь приобретенного края требовались огромные средства.

Но какие-то шаги в этом направлении все же предпринимались и служили главным образом целям заселения полуострова. 13-го февраля 1798 г. был принят Манифест о заселении Крыма иностранными колонистами. Он давал всем желающим право без различия зва-

¹ П. Сумароков, Досуги Крымского судьи, второе путешествие в Тавриду, ч. I, СПб., 1803, стр. 160.

² В. Х. Кондораки, В память столетия Крыма, т. 1, М., 1883, стр. 44.

ния и вероисповедания, по своему выбору обосноваться в любом месте полуострова за исключением Севастополя как военной гавани. Манифест освобождал иностранцев от рекрутской повинности¹.

В этой связи многие армяне, вышедшие ранее из Крыма, а также выходцы из Западной Армении и других мест, в конце XVIII и начале XIX вв. различными путями стали перебираться в Крым, заложив основу новой армянской колонии на полуострове.

Заметим, что переселение армян в Крым продолжалось и в последующие десятилетия вплоть до первой мировой войны и массового геноцида армян в Турции в 1915 г.

После переселения некоторое количество армян по различным причинам и под разным предлогом осталось в Крыму, в основном в Феодосии. Согласно плану Каффы, составленному в 1784 году, там проживало 30 армян и имелось 22 армянские церкви (конечно, недействующие)². Число армян, вероятно, приуменьшено, ибо в другой ведомости, составленной тогда же, о количестве армян имеются следующие данные: 80 мужчин без семей, 70 мужчин и 75 женщин с семьями и 13 анатолийских армян³. Позднее число армян заметно увеличилось. По свидетельству путешественника Жильбера Рома, в 1786 г. в Каффе проживало около 700 армян⁴.

Значительным событием в восстановлении армянской колонии в Крыму было возвращение армян-католиков из района Екатеринослава (Новомосковска) в 1790 г. Переселение было обусловлено неудобным расположением Новомосковска для развертывания торговли, развития ремесел и садоводства. Положение усугублялось наводнениями, подвергавшими «и самые их дома разорению»⁵. В 1787 г. они обратились за посредничеством к Г. А. Потемкину с просьбой разрешить их обществу за свой счет возвратиться в Крым. Г. А. Потем-

¹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 4, д. 672, л. 2 с об.

² «ЗООИД», т. 12, 1881, стр. 280.

³ Там же, т. V, 1863, стр. 123.

⁴ Жильбер Ром, Путешествие в Крым в 1786 г., Ленинград, 1941, стр. 48.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. I, д. 46, л. 104.

кин дал свое согласие, потому что просьба армян соответствовала задаче заселения полуострова. Армяно-католическая община, вернувшаяся в Крым, состояла из 1000 человек, в их числе были также армяне-григорианцы и 123 душ греков¹.

За армяно-католической общиной в Крыму сохранились привилегии, дарованные ей грамотой от 14-го ноября 1779 г. и подтвержденные затем Павлом I (18-го апреля 1800 г.). Члены армяно-католической общины были причислены к разряду государственных жителей, на 10 лет освобождались от налогов и служб, после чего должны были платить налог со двора. Им разрешалось заниматься торговлей, промыслами, земледелием, иметь свой магистрат.

В деле переселения и размещения армян в Крыму деятельное участие принимал начальник армянской епархии, архиепископ И. Аргутинский. Вероятно, ему не давало покоя сознание того, что он в свое время сыграл заметную роль в переселении армян из Крыма. Во всяком случае после посещения Крыма в 1787 г. он возвратился в Новую Нахичевань в подавленном настроении: «Слишком тяжело было для нас увидеть разорение наших городов, церквей и монастырей, с полной печалью вернулись оттуда (из Крыма.—В. М.) в Новую Нахичевань, 24 ноября»². Для оказания содействия в деле поселения армян на Таврический полуостров он в 1793 г. вновь приехал в Крым, где уже имелось достаточное количество армян. Архиепископ неоднократно обращался к правительству, стремясь получить разрешение на поселение армян в Крыму. В 1794 г. И. Аргутинский обратил внимание Платона Зубова на то, что он там видел «весьма довольное количество» армян. «Одни из них,— писал он,— оставшиеся от переселенных в губернии Новомосковскую, другие вновь прибывшие из Анатолии; из сих армян до двухсот домов, жительствующих в Карасубазаре, изъявили мне желание свое купечествующие, поселиться своим коштом в разоренном

¹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 1, д. 46, л. 104.

² «Գրկան հայոց պատմութեան», Թիֆլիս, 1911, գիրք Թ, էջ 14 (Архив истории армянского народа», Тифлис, 1911, книга 9, стр. 14, на армянском языке).

городе Феодосии, где остается много церквей армянских и монастырей, ремесленные же в Старом Крыму, так как в оном местоположении удобнее и воды тамошние и воздух могут придавать цвету материям, фабрикантами делаемым». И. Аргутинский подчеркивал, что разрешение армянам поселиться в Крыму будет «небесполезно государству нашему, поелику по поводу жительства тут их множество стечется из Анатолии и других границами смежных мест и примут оные подданство престола российскому»¹.

В ответ на обращение И. Аргутинского граф Платон Зубов 30 апреля 1794 г. дал распоряжение правителю Таврической области С. С. Жегулину дозволить армянам, жившим в разных частях Крыма, переселиться в Феодосию и Старый Крым на постоянное жительство и отвести им необходимое количество земли, а также содействовать И. Аргутинскому в деле размещения своих единоверцев, прибывших из-за границы в Крым.

Летом 1794 г. И. Аргутинский вновь посетил Крым. На этот раз он представил С. С. Жегулину довольно подробный план заселения армян в Крыму. Он предлагал отвести им в Феодосии участки под дома, лавки, магазины, гостиные дворы и другие заведения, а также необходимое количество земли; в плане предусматривалось вернуть армянской церкви Св. Саркиса караван-сарай, находившийся на ее территории; содержалась просьба разрешить отремонтировать древний армянский монастырь около Феодосии; по окончании работ в Феодосии послать землемера в Старый Крым для отвода места и снятия плана; землемер должен был быть послан и для межевания земель монастырю Сурб-Хач и садов, пожалованных покойным Г. А. Потемкиным монастырю в Судакской долине; так как часть земель в монастырской даче была роздана другим, предлагалось взамен выдать монастырю новые участки, а также вернуть монастырские земли, отведенные шелковому заводу; Аргутинский просил вернуть в его распоряжение

¹ Центральный гос. исторический архив Армянской ССР (в дальнейшем см. ЦГИА Арм. ССР), ф. 139, оп. I, д. 1465, л. 54 с об.

древнеармянский монастырь Св. Спасителя и вывести оттуда вторгшихся татар¹.

С. С. Жегулин целиком одобрил предложение И. Аргутинского. Аргутинский же пробыл три месяца в Крыму, разработал конкретные меры для претворения в жизнь своих замыслов по поселению армян в Крыму. Однако его замыслам пока что не было суждено осуществиться, и поэтому через несколько лет, в 1798 г., он (в который уже раз) вновь поднял этот вопрос, предложив отвести армянским переселенцам часть Феодосии и весь Старый Крым, а также вернуть монастырю Сурб-Хач его земли². Хотя указ от 15 апреля 1799 г. полностью шел навстречу этим требованиям армян, однако опять дело с места не сдвинулось.

Начиная с 1790-х годов, среди армян, перебравшихся в Крым, постепенно крепнет идея поселиться на постоянное жительство в заброшенном городе — Старом Крыму, находившемся в разоренном состоянии и почти лишенном жителей. Это нашло отражение в их ходатайствах к различным правительственным инстанциям. В просьбах на этот предмет армяне не ограничивались получением разрешения на заселение города Старый Крым. Они просили для будущего армянского города экономических привилегий и административно-правового самоуправления в форме магистрата или ратуши. Правительство в конце концов пошло навстречу пожеланиям собравшихся в Крыму армян, приняв во внимание перспективы экономического развития края. 28 октября 1799 г. была принята грамота о предоставлении армянскому обществу Старого Крыма льгот и преимуществ. Она повторяла привилегии армян, данные в прежние времена.

В вводной части грамоты приводились мотивы, побудившие удовлетворить просьбу армян: «Снисходя на просьбы от армян, в Тавриде поселенных, нам предоставленные и всех под державою покровительства нашего во всероссийской империи обитающих армянских обществ со времени их поселения, отличившихся отмен-

¹ ЦГИА Арм. ССР, ф. 139, оп. 1, д. 1465, лл. 66—69.

² ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1815, лл. 21—22.

ным трудолюбием, тщательным домостроительством, благонаравием и примерным своим поведением, и поэтому желая новыми доводами нашего к ним внимания утвердить общества сии на прочном основании, всемиловитвейше благоволили мы сею императорскою нашею жалованною грамотою по различию нужд их не токмо утвердить все прежние права и преимущества их... но и для возбуждения в них вящей ревности к трудолюбию и продолжению ими начатых полезных заведений и для внушения охоты к подражанию и в прочих иностранных поселенцах, даровать сим армянским обществам разные выгоды и преимущества»¹.

Первая статья содержала разрешение на поселение армян в Старом Крыму. Согласно **второй** статье, для богослужения в Феодосии армянам возвращались из их старых приходских церквей Архангельская, Сергиевская и загородная (Св. Георгия), а также монастырь на горе Успенской с землею. В статье, в частности, говорилось: «Состоящее ж внутри самого города Феодосии от наружной его стены до морского берега по лощине от большой мечети до Греческой слободы, селение древнее Армянское, где существуют вышеозначенные церкви, соизволяем мы отдать для жительства собственно армян, именуя селение то слободою Армянскою»; В **третьей** статье регламентировались права монастыря Сурб-Хач на близлежащие земли, в **четвертой**—предоставлялась свобода вероисповедания, право на сооружение новых церквей; в соответствии с **пятой** статьей армянам разрешалось «по заселении обществом, в Тавриде обитающим, города Старого Крыма, и по отводе на выгон одного удобной 12.000 десятин земли с водами и лесом» учредить армянский суд — магистрат; в статье **шестой** была дана отсрочка на десять лет от налогов; по истечении этого срока армяне должны были платить: купечество с рубля 1%, мещанство и цеховые—со двора по 2 рубля, а уездные поселяне—земледельцы, «коим полагается для каждого по 30 десятин, вносить с каждой десятины в год по 5 копеек отныне навсегда»; разрешалось строить фабрики, заводы, дома, лавки, амба-

¹ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1815, лл. 21—22.

ры, заниматься торговлей и всеми ремеслами; военным и гражданским чиновникам вменялось в обязанность способствовать претворению в жизнь этой грамоты¹.

Однако заселение Старого Крыма армянами и после принятия грамоты затягивалось. Дело в том, что не все армяне, успевшие обосноваться в Карасубазаре, Симферополе и Евпатории, пороявляли желание переселяться в Старый Крым. Вместе с частью армян, еще не нашедшей себе окончательного пристанища на полуострове, идею собирания в Старом Крыму поддерживало духовенство и предводитель епархии И. Аргутинский. Заинтересованность духовенства в данном случае объяснялась материальными выгодами. Разбросанные в разных частях полуострова армяне, в этом смысле ничего хорошего не сулили ей.

Заселение Старого Крыма армянами более интенсивно стало проводиться в основном в 1805—1806 гг., когда инициативу взяли на себя поверенные общества. В 1805 г. был создан проект застройки города². Строительство и заселение города особенно ускоряются после открытия старокрымской армянской городской ратуши. В рапорте Дюку де Ришелье от 7-го марта 1812 г. вице-губернатор Таврической губернии, говоря о «вновь заведенном армянском городе под именем Старый Крым», писал, что «заселение таковое по разным стекшимся обстоятельствам не приняло своего основания до 1804 г. С сего времени город Старый Крым принял совсем новый вид. Поселяющиеся в оном армяне за открытием ратуши, основывая всегдашнее в оном городе жительство, время от времени украшают оный город как постройением домов, так и другими заведениями... Большая часть жителей сего вновь заселяемого города есть нахичеванские армяне, кои хотя впрочем по тому городу были записаны в ревизии, но проживают всегда по паспортам в Старом Крыму»³.

¹ ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, д. 1815, лл. 18—20. См. также «Собрание актов», ч. I, стр. 219—224.

² Крымский областной государственный архив (в дальнейшем Крымоблархив), ф. 67, оп. 1, д. 28, л. 4.

³ Одесский областной государственный архив (в дальнейшем Одесский облархив), ф. 1, оп. 221, д. 2, л. 135.

И в самом деле, за 1—2 года, к августу 1807 г. в Старом Крыму армянами было построено 160 домов, а проживало в нем 1500 человек, в подавляющем большинстве армяне¹. По данным армянской городской рагуши, в 1810 г. в городе числилось 1307 армян и 333 жителя—представителей разных наций. По тем же данным, армяне выстроили в городе 165 домов, 4 постоянных двора, 95 лавок, 6 кафеен и др.² Число жителей в городе к середине XIX века доходило до 4000 человек.

Инициатива восстановления армянской колонии в Крыму принадлежала прежде всего новонахичеванцам, вчерашним крымским армянам. Нежелание покидать Крым дало себя знать, по всей вероятности, и в последующие годы. Оно особенно усилилось в связи с материальными трудностями, с которыми переселенцы встретились при освоении новых земель у берегов Дона.

Крым для торгово-ремесленного сословия, особенно для его средних и несостоятельных слоев, несомненно, был местом более выгодным, чем новообитаемый край с его трудностями. «Пожелавшие остаться по городу Евпатории в купеческом и мещанском звании нахичеванские армяне,— доносил евпаторийский магистрат в своем рапорте от 25 июня 1795 г.,— находят главною причиною, что они, будучи издревле здешние уроженцы и зная совершенно производство здешнего торгового промысла, имеют более способов производить оную, и через то приобрести капитал и без нужному их содержанию; художники же и ремесленники быв обучены до выводу их из здешней области художеству и ремеслу, подающему способы к произведению онаго по здешнему только краю; жительствоующие же в Нахичевани совсем лишаются средств иметь чрез произведение онаго с семейством своим нужное пропитание»³.

Не было лучше и положение земледельцев. Основными источниками их существования были не только полеводство и скотоводство, но и садоводство. Между

¹ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 2.

² Там же, д. 35, л. 24.

³ ЦГИА Арм. ССР, ф. 139, оп. 1, д. 1465, лл. 172 об. и 184.

тем последняя отрасль в Нахичевани не обещала тогда особых выгод.

Все это вместе взятое стимулировало возвращение части нахичеванских армян в Крым в свои старые места, тем более, что крымские власти не препятствовали их поселению на полуострове. Спор, возникший между нахичеванским магистратом и губернскими властями вокруг бежавших из Новой Нахичевани людей, тянулся долго и получил окончательное разрешение лишь в 1814 г. 31-го августа правительствующий сенат разрешил 236 семьям, бежавшим из Нахичевани, остаться в Крыму. Это были семьи, не имевшие в Нахичевани недвижимого имущества¹. Остальные беглецы обязаны были вернуться в Новую Нахичевань. Однако и эта часть нахичеванцев в основном тоже осталась в Крыму. Таким образом, в Крым уходили относительно неимущие и несостоятельные слои нахичеванских армян.

Количество крымских армян увеличивалось за счет григориопольских армян. По высочайшему указу правительствующего сената от 30-го января 1802 г. жителям армянского города Григориополь, основанного в 1792 г. недалеко от Дубоссар и неудобного для развития торговли и промыслов, разрешалось переселиться в другие места. В этом же году значительное число григориопольских армян перешло в Старый Крым. Это были бедные семьи, которым разрешили «для отвращения их от побегов за границу и восстановления тишины между другими их же единоверцами» переехать в Новую Нахичевань. Вскоре они отсюда перешли в Крым².

В XIX—XX вв. среди крымских армян значительное число составляли выходцы из Западной Армении и различных районов Турции. Из Западной Армении они уходили вследствие тяжелых экономических и политических условий, массовых преследований и репрессий, которые из года в год все усиливались и принимали человеконенавистнический характер. Как бы обобщая мнение своих собратьев — западных армян, житель города Амасии Ованес Илинкирян в своем обращении к министру внутренних дел России в апреле 1811 г. писал: «Известно

¹ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 143, л. 2.

² ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 188, л. 1 об.

Вашему превосходительству, что армяне, находившиеся и теперь находящиеся под турецким владычеством, будучи угнетаемы несносным их игом, старались и ныне стараются избавиться от жестокой их власти, дабы снискать надежнейшее себе покровительство и спокойствие в других государствах, которые и находили большей частью в России»¹.

Уже в 1794 г. 200 семей турецкоподданных армян, по разным мотивам оказавшиеся в Крыму, попросили архиепископа И. Аргутинского выхлопотать у русских властей для их поселения часть Феодосии и Старый Крым². В 1800 г. многочисленные армянские семьи из Константинополя через своего поверенного Балтазара Азнаура, отправленного в Крым, обратились к посредничеству директора Ахтиярской (Севастопольской) таможни, армянину Айвазову с просьбой помочь их переселению в Крым. Надо полагать, что русское правительство пошло навстречу их желанию: 4-го апреля 1801 г. последовало императорское повеление князю Гагарину внести просьбу константинопольских армян на рассмотрение правительствующего сената и удовлетворить³.

Водворению армян в Крыму не всегда предшествовала подобная переписка. Зачастую оказавшись в Крыму по разным причинам (торговля, занятие ремеслом, садоводством и др.), многие из западных армян в дальнейшем обосновывались на полуострове и принимали русское подданство. А часть армян, хотя и не принимала подданства, все равно оставалась там на постоянное жительство. Эта часть попросту не придавала серьезного значения формальному оформлению подданства, но и не думала уходить из Крыма.

8-го сентября 1816 г. начальник Амасийской (Турция) армянской епархии, архиепископ Абраам специальным отношением просил заместителя католикоса в Крыму архимандрита Манвела «во имя богоугодного порядка вымогать императорского указа для высылки на свою родину» всех амасийских армян, «которые уже

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 81, д. 1016, л. 1.

² ЦГИА Арм. ССР, ф. 139, оп. 1, д. 1465, л. 54.

³ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 1, д. 28, л. 3—6.

десять-пятнадцать и тем более двадцать лет странствуют в этой стране» (в Крыму.—В. М.)¹.

В 1832 г. в одном только Карасубазаре насчитывалось 18 турецкоподданных армянских семей, занятых в торговле, и 89 таких семей—различными ремеслами². Значительно было количество семей, принявших русское подданство: по далеко неполным данным, начиная со второй половины прошлого столетия вплоть до первой мировой войны, их было 200³.

В 1820 г. армяне-католики в количестве 15—20 тысяч семей, вследствие гонений, претерпеваемых ими в Турции, через своих агентов обратились к феодосийскому градоначальнику Энгелю с целью получить гарантии и политическое покровительство России для эмиграции из Турции в Крым. Сообщая об этом правительству, Энгель писал: «Ныне неожиданно появился счастливый случай, который может совершенно изменить облик Феодосии и открыть для нее блестящую перспективу быстрого развития. Религиозное преследование, которое началось в последнее время, начиная от Константинополя вплоть до самых глубин Анатолии, указ. В. Порты может для Феодосии сыграть точно такую же роль, какую сыграл Нантский эдикт для Франции. Армяне-католики, угнетенные и преследуемые с одной стороны армянами-григорианами, с другой — магометанами, наподобие гугенотов желают вывезти свою промышленность и капитал за границу и в гостеприимной стране спасти свои головы, семьи и веру своих отцов»⁴.

Эмиграции армян-католиков в Крым не суждено было совершиться, хотя русское правительство дало на это свое согласие. Причину, вероятно, следует искать в отказе Александра I открыто покровительствовать эмиграции и дать на это соответствующее распоряжение властям. Он повелел разрешить армянам-католикам пе-

¹ Матенадаран, архив, ф. Канцелярия католикоса, пап. 29, док. 73.

² Крымоблархив, ф. 169, оп. 1, д. 96, лл. 8—12 и 16—23.

³ Там же, ф. 27, оп. 7, д. 1355.

⁴ Архив внешней политики России, ф. Гл. архив П-19, 1820 г., д. 1, л. 5.

реселиться в Феодосию на общих основаниях. «Причем угодно его величеству,— писал управляющий министерством внутренних дел Энгелю,— чтобы миссия наша в Константинополе не принимала в деле сем совершенно никакого участия; равномерно, чтобы и ваше превосходство не входило ни в какую по предмету сему заграничную переписку, дабы не компрометировать дипломатических наших с Портою сношений»¹.

Хотя массовое переселение армян-католиков и не имело места, однако в XIX в. среди крымских армян, помимо карасубазарского армяно-католического общества, насчитывалось значительное число западно-армянских католиков, переехавших в Крым в разное время и разными путями.

В результате всех этих переселений на полуострове образовалась довольно солидная армянская колония со значительным числом населения, которое к концу столетия насчитывало около 9.000², а в 1913—1914 гг., по неполным данным, 14—15 тысяч человек. В эти цифры входят также армяне-католики. Армянское население в основном размещалось в Симферополе, Феодосии, Карасубазаре, Старом Крыму, Евпатории, Ялте, а также в сельских местностях губернии. Вновь обосновываясь на полуострове, армянское население, пользуясь привилегиями и относительно благоприятными условиями, приняло деятельное участие в экономической и культурной жизни полуострова. В то же время оно поддерживало тесные связи с родиной и по мере возможностей способствовало осуществлению культурных, экономических и политических стремлений армянского народа.

¹ Архив внешней политики России, ф. Гл. архив П—19, 1820 г., д. 1, л. 5.

² «Приложения к всеподданейшему отчету о состоянии Таврической губернии за 1892—1901 гг.», Симферополь, 1893—1901 гг.

Глава шестая

ПРАВОВОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЫМСКИХ АРМЯН в XIX—XX вв.

В отношении административного управления крымские армяне полностью находились в подчинении губернских властей и их местных представителей. Наряду с этим общества старокрымских армян и карасубазарских армян-католиков пользовались определенными правами внутреннего самоуправления, предоставленными грамотами 1779 и 1799 годов. Эти грамоты гарантировали им право учреждать магистраты (ратушу или суд), функционировавшие в соответствии с национальными законами и обычаями армян.

Старокрымская армянская городская ратуша была основана в соответствии с грамотой Павла I от 28 октября 1799 г., которая позволяла армянам Старого Крыма «учредить собственный армянский суд, под именем магистрата, и в нем рассматривать и решать дела тяжёбые и исковые на армянском языке по прежним правам сего правам и обычаям, выбираемыми из общества членами, с потребным числом секретарей и канцелярских служителей... Суду сему или магистрату, быть под апелляциею губернского правительства и управляющего губернею...»¹.

Ратушу учредили не сразу. Понадобилось еще несколько лет, связанных с заселением города, чтобы открыть ратушу. 5-го августа 1807 г. армянское общество города обратилось к гражданскому губернатору Таври-

¹ «Собрание актов», ч. I, стр. 222.

ческой губернии с просьбой на основании существующей грамоты дать распоряжение об открытии ратуши. 28-го июля 1808 года она открылась—в этот же день состоялось ее первое учредительное заседание. В протоколе заседания записано:

«1808 года июля 28 во вторник, Старокрымской армянской городской ратуши, прибыли: бургомистр Минас Аведиков, ратманы Михаил Капрелов и Лусеген Бедров; пополуночи, в 8-ом часу.

Слушали: по указу его императорского величества в Таврической армянской городской ратуши, слушав предложение в копии учиненного в Таврическом губернском правительстве по исполнительной экспедиции определения в копии... предложения его сиятельства господина генерал-лейтенанта Херсонского военного губернатора, управляющего и гражданской части здешней губернии и кавалера Эмануэла Осиповича Дюка де Ришелье в сей ратуше с нынешнего числа начать свое действие и продолжить оное по силе всемилостивейше дарованной таврическому армянскому обществу в 28 день октября 1799 года грамоты и общих узаконений, о каком открыта сия ратуша.

Приказали: по сему учинить экстракт за подписью присутствующих членов, оное дело приобщить к делам»¹.

В течение своей более чем 60-летней деятельности (вплоть до 1870 г.) ратуша придерживалась этой формы составления протоколов. Ее заседания всегда проходили по вечерам, 2—3 раза в неделю.

Члены ратуши избирались обществом один раз в каждые три года тайным голосованием. Избранным считался тот, кто получал больше избирательных шаров: на одну должность обычно баллотировались два-три кандидата. Избираемый должен был собрать не меньше половины голосов — соблюдался принцип простого большинства. После выборов члены ратуши приводились к присяге, а их список утверждало губернское правительство. В выборах участвовали купцы и мещане, избиравшие не только бургомистра и ратманов, но и городскую голову и старосту.

¹ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 10, л. 1.

Сохранились почти все дела старокрымской армянской городской ратуши — 1768 единиц хранения (Крымоблархив, ф. 67, оп. 1). До нас дошли также результаты почти всех выборов. Они показывают, что до половины XIX в. избирали и избирались только армяне. Начиная с 50-х годов XIX в. в выборах стали принимать некоторое участие также русские — лишь в качестве избирателей; в состав ратуши могли избираться лишь члены армянского общества, пользовавшиеся грамотой 1799 г.

Выборы старокрымской армянской городской ратуши и карасубазарского армяно-католического суда, проводившиеся по тем же правилам, по которым проводились выборы в городские магистраты во всей империи, очень часто проходили с большими трудностями. Дело в том, что часть избирателей часто отсутствовала по своим делам и находилась в других городах губернии. Это обстоятельство заставляло ратушу и суд часто прибегать к помощи властей тех городов, в которых пребывали избиратели, не пожелавшие вовремя вернуться. Полицейские участки Симферополя, Бахчисарая, Феодосии и других городов заблаговременно давали оповещения, предупреждая старокрымских и карасубазарских купцов о дате городских выборов¹. Но если и эта мера оказывалась малоэффективной, то полиция по указанию губернских властей силой выдворяла их из этих городов на выборы².

Члены ратуши фактически работали на общественных началах, бесплатно. Оплачивались лишь писарь, два канцелярских служащих, рассыльной и сторож. Член ратуши мог отсутствовать из города только по постановлению других членов.

Деятельность карасубазарского армяно-католического суда началась с 1790 г. и закончилась в 1870 г. В состав суда входили городской голова и три члена — заседатели. Один из заседателей считался председателем суда. Суд имел также писаря и канцелярских служащих. В отличие от старокрымской ратуши, расходы армяно-католического суда брало на себя государство.

¹ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 7, л. 4—5.

² Там же, д. 6, лл. 13, 18—22.

Карасубазарский армяно-католический суд функционировал на той правовой основе, которая была оговорена в статье пятой грамоты от 14-го ноября 1779 г. Она, в частности, гласила: «По поселении вашем учредить ратушу, которую назвать католическим судом, и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обычновениям, выбираемыми из вас же по жребию начальниками»¹.

Старокрымская армянская городская ратуша и карасубазарский армяно-католический суд являлись органами внутреннего самоуправления. Ведая административно-экономическими и судебными делами этих двух армянских обществ, они служили интересам наиболее зажиточной части купечества и землевладельцев.

Члены этих органов внутреннего самоуправления являлись исполнителями распоряжений и решений царского правительства и губернских властей. Основным содержанием их деятельности было решение вопросов, связанных с благоустройством и экономическим развитием этих городов, организацией торговли и ремесленного дела, промыслов, со своевременным сбором налогов. В их ведении находились опекунские и наследственные дела, сиротские суды. Особенно много времени отнимали у них вопросы организации торговли.

Правомочность ратуши и суда ограничивалась лишь обществами, подведомственными им в Старом Крыму и Карасубазаре. Она не распространялась на те армянские общины, которые находились в Евпатории, Феодосии, Симферополе, Армянске, Бахчисарае и других местах, а также на армян григорианцев, живших в Карасубазаре. Все они, прибывшие на полуостров в основном после 1804 г., не пользовались привилегиями указанных грамот. Эти армянские общины находились в непосредственном ведении местных властей на общих основаниях. Начиная с 70-х годов, когда деятельность ратуши и суда прекратилась, подведомственные им общества также перешли на общее положение жителей губернии.

Представители наиболее богатой верхушки колонии, своими экономическими выгодами и политическими

¹ ЦГИА СССР, ф. 1152, 1840, д. 129, л. 18.

стремлениями связанные с царскими властями и богатой прослойкой губернии, шаг за шагом пробирались к бюрократической власти, занимая различные посты и должности в ее аппарате, добиваясь привилегированного сословного положения. По городскому же положению 1892 г. основная масса крымских армян, как и все трудящиеся полуострова, лишалась права участия в выборах в городские думы, так как в основе выборов лежал имущественный ценз. Например, из 2206 симферопольских армян в выборах участвовало всего 80 человек: те, которые владели недвижимым имуществом стоимостью не меньше 1000 руб¹.

В жизни таврических армян (как впрочем и других армянских колоний) деятельность церкви в силу ряда условий приобретала некоторую специфическую особенность. В чужой среде в глазах невежественной верующей и подавленной массы роль церкви преувеличивалась, и перед предводителями армянских обществ открывались широкие возможности, помимо выполнения своих сугубо духовных обязанностей, вмешиваться в жизнь прихожан. Поэтому ее деятельность в колониях в какой-то степени приобрела общественный светский характер. Крымские поселения армян в этом отношении не составляли исключения. В начале XIX века, например, церковными делами крымских армян ведало Нахичеванское духовное правление, а с 1803 г.—Карасубазарское духовное правление. Наряду с последним, начиная с 1812 г., в Крыму появилась должность наместника католикоса всех армян. Армянские церкви в Крыму входили в Нахичевано-бессарабскую армяно-григорианскую епархию.

В 1842 г. наместник католикоса в Крыму уступил свое место главному попечителю крымских армянских церквей. Это было светское лицо, и ведение хозяйственных и финансовых дел входило исключительно в его компетенцию. На местах при церквях имелись ктитория и хранители церковных сумм. Под флагом защиты интересов церкви они считали своим долгом вмешиваться в жизнь армянских поселенцев, давая повод ко всякого

¹ «Крым», газета, 1896, № 235.

рода недовольствам, зачастую выражавшимся в виде открытых протестов.

Ликвидация крымского ханства с присущими ему недостатками, тормозившими подъем экономической жизни полуострова, во многом способствовала дальнейшему экономическому развитию губернии. С конца XVIII и начала XIX вв. хозяйственная жизнь полуострова стала входить в нормальное русло. Это обстоятельство стимулировало развертывание деловой активности и у армянских поселенцев в торговле, ремесленном производстве, земледелии.

Имея деловые связи с русским внутренним рынком, с Кавказом и торгово-ремесленными районами Востока, особенно Турции и Персии, таврические армяне в этот период во многом способствовали развертыванию торговли новообретенного края. Они выступали в роли как непосредственных торговцев, купцов, так и инициаторов и реализаторов различных торговых сделок. Их участие было заметно и в оптовой, и в розничной торговле.

Торговая деятельность большинства армян в этот период стимулировалась привилегиями, данными известными грамотами. Однако начиная с 1807 г. стали делаться попытки на основании новопринятого манифеста лишить общества старокрымских армян и карасубазарских армян-католиков привилегий и вовлечь их в гильдейскую торговлю. Общества протестовали против этого. Борьба, длившаяся более чем полтора десятилетия, закончилась в их пользу: императорским указом от 29-го февраля 1832 г. их прежние привилегии сохранялись. Это, разумеется, не означало, что армяне оставались вне гильдий,— попросту они могли торговать и без них. В гильдии же записывались армяне, на которых привилегии не распространялись, а также привилегированные лица, имевшие достаточный капитал.

С самого начала присоединения Крыма к России уже перебравшиеся туда армяне, а также их соотечествен-

ники из Новой Нахичевани и Турции принимали заметное участие в торговле на полуострове и через него с районами Азовского бассейна и Северного Кавказа, а также с Турцией. Об этом свидетельствуют, например, ведомости о прибывших к берегам Крымского полуострова судах, составленные 23-го марта, 6-го и 12-го апреля 1784 г. канцелярией генерал-поручика Игельстрома. Из них явствует, что большинство торговых людей, находившихся на этих судах, составляли русскоподданные и турецкоподданные армяне, причем из 7 судов 2 принадлежали армянам. Прибыли они из Константинополя, Унии (в Турции), Таганрога. Небезынтересно наименование товаров, предназначенных для продажи: лимоны, апельсины, вино, изюм, жир, табак, кофе, мука, а также разные шелковые и хлопчатобумажные материи, полотно, платки и др.¹ Из другой ведомости, составленной той же канцелярией 27 апреля, видно, что в портах Феодосии и Евпатории стояли 2 армянских судна, а на других судах находились 9 служащих-армян и 49 армян—торговых людей².

Для крымских портов 1784 г., не ставших еще на ноги, прибытие торговых судов и торговцев имело, бесспорно, немаловажное значение.

Наряду с этим уже в первом году после присоединения Крыма, там можно было встретить армян-купцов, торговля которых охватывала довольно крупные размеры. К их числу принадлежал, например, некий Григор-ага, содержавший в Евпатории караван-сарай³, а также недавно перешедший из турецкого в русское подданство Аветик Хачатуров, товары которого оценивались в 6 000 рублей⁴.

В конце XIX и начале XX вв. с осуществлением задачи заселения полуострова параллельно оживлялась и торговля. Наряду с русскими купцами в торговле продолжали заметную активность проявлять и армяне.

¹ Центральный государственный военно-исторический архив (в дальнейшем ВИА), ф. 52, д. 336, ч. III, л. 33 об., 77 об., 81 и ч. IV, л. 8—10.

² Там же, ч. IV, л. 12.

³ В. Х. Кондораки, В память столетия Крыма, т. I, стр. 17.

⁴ ИТУАК, № 13, 1891 г., стр. 15.

Особенно тесные связи они поддерживали с Абхазией и Черкесией. Некоторые из крымских армян, например, феодосийский купец Торосов, имели в Черкесии даже своих торговых агентов. Кстати, по его ходатайству, в 1826 г. правительство постановило до устройства керчинского карантина феодосийской таможне беспошлинно пропускать товары, привозимые из Черкесии и Абхазии¹.

Возможно, что беспошлинный пропуск товаров диктовался политическими соображениями. Занятые торговлей с Черкесией и Абхазией, армяне часто использовались в качестве доверенных людей, выполнявших поручения русских военных властей по выяснению местной обстановки и целей турецкой политики. В большинстве случаев это были армянские купцы из Крыма. В 1827 г. такие поручения выполняли крымские армянские купцы Даниел Петросов, Юсуф, Оваким Саркисов, Егор Черных и др., торговавшие в Тамани, Анапе, Черкесии. В своем донесении от 1-го сентября 1827 г. бугазский комиссар Вечерковский, в частности, сообщал: «Прошлого августа 30-го числа генерал-майор Сысоев прибыл в Бугаз и привез с собой торгующего в городе Тамани армянина, карасубазарского мещанина Данилу Бедросова и на другой день отправил с ним казака Максима Мартинючка с каким-то своим письменным отношением к анапскому паше; особенно дал Бедросову словесное приказание, дабы он замечал о действиях военного приготовления и о числе находившихся в Анапской крепости турецких воинов. Бедросов, если не сможет так скоро узнать обо всем поручении его посольства, то сам остался бы под каким-либо предлогом в Анапе... прислал бы непременно с каким ни на есть сведением казака Мартинючка. Ибо генерал Сысоев будет ожидать его известий и потом обязал донести генералу Эмануелу»². Армянский же купец Юсуф ставил русские власти в известность о том, что находившийся более двух недель со своими сыновьями в Анапской крепости черкесский князь Ендар в числе прочих поручений анапского паши обя-

¹ Крымоблархив, ф. 45, оп. 1, д. 945, л. 2 и 10.

² Архив внешней политики России, ф. Главный архив, V-Бз., д. 232, 1824, л. 242 с об.

зался примирить с ним всех совсугских и абазехских князей. Купец Саркисов в свою очередь сообщил, что хотя при анапской крепости нет турецкого лагеря, но он имеется в каком-то ауле, недалеко от Екатеринодара, в составе 200 человек¹. Старокрымский армянский купец рассказал, что в бытность его в крепости Анапа он был «зрителем великих движений в то самое время, когда почтовое судно, доставившее с дивани (султановского правительства) важные бумаги к анапскому паше, вскорости отправилось обратно, и что анапский паша по получении с судна бумаг тот же час принял действия строгой бдительности по крепости Анапе, приводя оную разными починками в самое лучшее оборонительное состояние; приказал все орудия поставить по бастионам, сам оное осматривал и запас довольным числом снарядов. Потом делал смотр анапскому гарнизону и приказал починить испорченные ружья и делал солдатам по своему манеру учение»².

Накануне русско-турецкой войны, вспыхнувшей через несколько месяцев, выполнение подобных поручений армянскими купцами нельзя объяснить лишь их торговыми интересами. Эта деятельность скорее являлась выражением симпатии армянского народа к России, которая имела вековую историю, а в данный момент связывалась непосредственно с его чаяниями на освобождение от султанского ига, зависившее от побед русского оружия.

В первые десятилетия XIX в. в списках товаров крымской торговли преобладали в основном предметы питания и одежды. В Крым привозились шелковые и хлопчатобумажные ткани, готовое платье, рис, растительное масло, кофе, стройматериалы и др. Из Крыма или через крымские порты вывозились шерсть, кожа, мука, пшеница, рыба.

До 1870 г. более организованный характер торговля крымских армян носила в Старом Крыму и Карасубазаре. В этом деле особую роль играли старокрымская армянская городская ратуша и армяно-католический суд в Карасубазаре, уделявшие большое внимание орга-

¹ Архив внешней политики России, ф. Главный архив, V-Бз., д. 232, 1824, л. 244 с об., 261—262.

² Там же, д. 256, л. 77 с об.

низации торговли. Для позволения тому или другому члену общества заниматься торговлей они получали от губернских властей торговые свидетельства и билеты и выдавали их желающим, взимая соответствующие пошлины. Такими документами являлись свидетельства на мелочный торг, билеты на содержание лавок и кофеен, гильдейские свидетельства, различные акцизные свидетельства, приказчи свидетельства, патенты на продажу напитков, доверенности, свидетельство о принадлежности к купеческому сословию, паспорта на отлучку по торговым делам в другие города и пр.¹ Невзирая на привилегии, получение этих документов было обязательным и для людей, подведомственных суду и ратуше. За это ратуша и суд несли полную ответственность. За каждый документ, разрешавший заниматься торговлей, взималась и вносилась в казну определенная сумма. Например, годовое свидетельство на мелочный торг стоило 10 рублей, свидетельство 2-ой гильдии—35 руб., свидетельство для приказчиков 1-го класса—20 руб.; II класса—5 руб. и т. д. Такие тарифы свидетельств и билетов на право торговли и промыслов относились к местностям IV класса².

После реформы 1861 г. торговая деятельность карасубазарских и старокрымских армянских обществ, подведомственных суду и ратуше, заметно расширилась. Об этом красноречиво свидетельствуют данные журналов, составленные в 1867 и 1870 гг. о торговой и промышленной деятельности обществ. В отношении старокрымского общества имеются данные о том, что его члены в этом заштатном маленьком городишке держали 11 торговых лавок, 4 винных погреба, 2 азиатских кафетерия, 2 хлебопекарни, 5 питейных домов и др.³ Все они принадлежали 37 армянам, подведомственным ратуше. Эти торговые лавки, которые содержались на основании соответствующих торговых свидетельств и билетов, в основном продавали шерстяные, хлопчатобумажные и табачные изделия, хлеб, спиртные напитки,

¹ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 1758, л. 5—26; д. 10, л. 75; ф. 179, оп. 1, д. 326, л. 53—79.

² Там же, ф. 179, оп. 1, д. 326, л. 144.

³ Там же, ф. 67, оп. 1, д. 1758, лл. 5—25.

стройматериалы, в частности, кирпич, черепицу и др. От старокрымского армянского общества не отставали карасубазарские армяне-католики: семьдесят членов их общества в 1867 г. имели в городе 27 лавок с мелкими товарами, 8 лавок с красными товарами, 6 винных магазина, 1 винный погреб, 2 водочных погреба, 2 табачные лавки, 1 магазин стройматериалов и 2 свечные лавки¹. Помимо армян-католиков, в карасубазарской торговле заметное место занимали армяне-григориане, имевшие там солидную колонию. В 1832 г., например, по неполным данным, они вложили в торговлю города 113 500 руб., не считая зажиточного торговца Погоса, открывшего в городе 16 торговых лавок².

Заметное участие крымские армяне принимали в гильдейской торговле таких городов Крыма, как Симферополь, Феодосия, Евпатория, Карасубазар и др. Гильдейская торговля не была чужда даже армянам Старого Крыма и Карасубазара, подведомственным суду и ратуше, если это позволял им их капитал. Даже в 1826—1827 гг., когда старокрымское армянское общество состояло в подавляющем большинстве из бедных семей и в начале 20-х годов прибегало к помощи казенного кредита, оно имело своих представителей в гильдиях с общим капиталом в 80 000 рублей³. Число таких купцов из года в год увеличивалось. Их было еще больше среди карасубазарских католиков-армян, которые еще во времена П. Сумарокова «почитались лучшими купцами города»⁴. Каждый год из общества по 15—25 человек записывалось в третью, а впоследствии и в первую гильдию. В 1829 г. купцов, записанных в гильдии, было 28, в 1885 г.—98⁵. В гильдию особенно много записывалось симферопольских армян.

В пореформенный период с характерным для него общим экономическим прогрессом в широких масштабах развернулась также крымская торговля. Симфоро-

¹ Крымоблархив, ф. 179, оп. 1, д. 326, лл. 53—79.

² Там же, ф. 169, оп. 1, д. 96, л. 8—12.

³ Там же, ф. 67, оп. 1, д. 454, л. 42—43.

⁴ П. Сумароков, указ. соч., ч. II, стр. 70.

⁵ Крымоблархив, ф. 179, оп. 1, д. 333, л. 3., д. 246, л. 9.

поль и Керчь, Евпатория и Феодосия стали важными торговыми центрами не только Крыма, но и вообще империи. Возросла роль Карасубазара во внутренней торговле полуострова. Если товарооборот феодосийского и севастопольского портов в 1866 г. составлял 2 799 340 руб., то к концу столетия он равнялся 24 млн. руб.¹ Проведение железной дороги еще больше стимулировало развитие торговли в последней трети XIX в.

Торговое сословие армянского населения Крыма занимало не последнее место в этом подъеме. Его деятельность, начиная с 60—70 годов, концентрировалась главным образом в Симферополе, хотя в Феодосии, Армянске, Карасубазаре и Евпатории она тоже продолжала играть заметную роль. Судя по алфавитному списку симферопольских купцов, 1895 г., среди них было более 70 армянских купцов, в их числе такие состоятельные семьи, как Бояджевы, Мазлумовы, Закиевы, Спендиаровы, Гусиковы, Жамкочевы, Даутовы, Тумановы и др.² Посредством своих приказчиков и агентов они торговали в духе времени, в полном соответствии с требованиями развивавшегося капиталистического хозяйства: держали специализированные магазины, лавки, торговые фирмы, обращались к помощи рекламы и пр. Вот, например, несколько рекламных объявлений армянских купцов, напечатанных в газете «Крым» в 1897 г.: «С 5-го сего марта на 8 дней назначается большая распродажа на все находящиеся и ежедневно поступающие товары в суконно-мануфактурном магазине И. Б. Бояджева»; «Получен большой выбор непромокаемых брезентов в магазине Я. Г. Мазлумова в Симферополе». А Г. А. Христофоров и К^о, объявляя о продаже вин, выдержанных в собственных подвалах, от имени своей фирмы гарантировали их натуральность³.

Если оставить в стороне армян, торговавших вне гильдий на основании различных свидетельств и билетов и составлявших многочисленную массу, то лишь один торговый капитал армян, занятых в гильдиях, в конце XIX на-

¹ П. Н. Надинский, Очерки истории Крыма, ч. I, Симферополь, 1951, стр. 156.

² Крымоблархив, ф. 63, оп. 1, д. 328.

³ «Крым», газета, 1897, №№ 53, 123, 174.

чала XX вв. составлял довольно внушительную сумму. По официальным данным, приведенным в книге П. Н. Надинского, в гильдии Крыма в те годы были записаны 4 938 купцов, из них армянские купцы составляли 10,6%, занимая пятое место после русских, украинцев, евреев и татар¹. Значит, армянских купцов насчитывалось 523 человека и объявленный ими капитал составлял по меньшей мере 4,5—5 млн. рублей, так как с 1863 г. третья гильдия была ликвидирована, а требуемый для второй гильдии капитал должен был равняться 5 000—10 000 руб., для первой же гильдии—не менее 10 000 руб. Если в расчете на каждого купца принять в среднем 8000 рублей, то получится указанная сумма. В нее не входил капитал армян, торговавших вне гильдий, который не поддается подсчету. Он был значительно больше первого. Отсюда следует, что вместе с русскими, украинцами, евреями армяне принимали деятельное участие в таврической торговле и в новое время.

Среди армянского населения Таврической губернии значительное число составляли ремесленники. Их ряды из года в год пополнялись за счет ремесленников из Западной Армении, вследствие турецких бесчинств и погромов периодически покидавших родные края. Еще в 1801 г. пожелавшие поселиться в Крыму константинопольские армяне через своего поверенного поставили русское правительство в известность о том, что наряду с торговлей главным предметом их деятельности будет заведение «разных шелковых и бумажных рукоделий»².

Известно, что в XIX в., особенно в первой половине, ремесла еще не утратили своего былого значения в экономическом развитии Крыма. Убогое состояние обрабатывающей промышленности компенсировалось ремесленным производством, призванным отчасти удовлетворять растущие потребности населения губернии в этой области. Армяне-ремесленники пользовались славой

¹ П. Н. Надинский, указ, соч., стр. 204.

² ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 1, д. 28, л. 4 об.

умелых мастеров в Старом Крыму, Феодосии, Карасубазаре, Симферополе.

Вопросы организации и развития ремесленного дела занимали заметное место в деятельности старокрымской армянской ратуши. В год своего открытия, на одном из первых заседаний (28 октября 1808 г.) она, исходя из того, что «Старый Крым знатным количеством народа армянской нации заселен», приняла меры по обеспечению ремесленного и торгового сословий припасами с тем, чтобы ремесленники не были «принуждены отлучиться покупкою оных» и вследствие этого не прекратили бы своей работы¹. В Старом Крыму армяне-ремесленники содержали ряд мастерских. Среди ремесленников выделялись красильщики, булочники, мастера табачного дела, каменщики, виноделы, сапожники и др. Заметное число составляли они и в Карасубазаре. В 30-х годах XIX в. только турецкоподданных армян-ремесленников в городе насчитывалось 89 человек, не считая членов их семей. В их числе булочники, пекари, ткачи, ювелиры, портные, маляры, парикмахеры, мыловарщики и др.².

Начиная со второй половины XIX в., отдельные представители богатой верхушки торгового сословия армян стремятся умножить свой капитал также путем вложения его в фабрично-заводское производство. Возросший торговый капитал позволял им становиться владельцами небольших фабрик и заводов в Симферополе, Старом Крыму, Феодосии, Карасубазаре. Чаще всего это были предприятия, занимавшиеся рыболовством, производством консерв, черепиц, обработкой кожи и т.д. Еще в 20—30 годах XIX в. некоему А. Арютинову принадлежали два рыбозавода в Феодосии, в которых годовая ловля рыбы составила: в 1829 г.—219 тонн, 1830 г.—157 и 1831 г.—231 тонну³. В 60—70-х годах Григор Бозадян и Арутюн Чобанян в Старом Крыму имели черепичные заводы⁴.

¹ Крымоблархив, ф. 67, д. 10, л. 79 об.

² Там же, ф. 169, д. 96, лл. 16—23.

³ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 160, л. 21; д. 161, лл. 41, 45; д. 162, л. 38.

⁴ Крымоблархив, ф. 67, д. 1758, лл. 5—26.

Мукомольные, кожевенные, обувные, мыловаренные, свечные и др. предприятия, являвшиеся собственностью армянских купцов Момджяна, Рафаэляна и др. в Симферополе и Карасубазаре, приносили им значительный годовой доход. В начале XX века в Севастополе ктитор армянской общины купец Г. Геворков владел паровой макаронной фабрикой¹. В Таврической, Екатеринославской губерниях и на Кавказе широким спросом пользовались изделия обувной фабрики-мастерской, принадлежавшей Срапионяну в Симферополе. Основанное в 1906 г., его предприятие работало на сырье, привозимом из Петербурга и Кавказа².

Представители богатой верхушки армянских поселений принимали участие в более или менее крупных хозяйственных мероприятиях в губернии, таких как строительство железной дороги, добыча соли, торговые ярмарки и др. Большую инициативу проявил и великий маринист И. К. Айвазовский (брат предводителя Ново-нахичеванской и Бессарабской армяно-григорпанской епархии в 1858—1865 гг. архимандрита Габриела Айвазяна) в деле снабжения города Феодосии питьевой водой. В 1887 г. он пожертвовал для нужд города из Субашского озера 50 тыс. ведер воды в сутки, благодаря чему население было обеспечено питьевой водой³. Одним из инициаторов проведения городского освещения в Симферополе был механик кампании «Электричество» инженер Н. К. Шахвердян. По его проекту в центральной части города были установлены электрические фонари⁴.

В экономической жизни крымских армян, как и в средние века, важное место занимало сельское хозяйство: садоводство, бахчеводство, табаководство, полеводство, отчасти шелководство. Формально все крым-

¹ Матенадаран, архив, личн. фонды, св. 132, док. 222, I.

² Крымоблархив, ф. 706, оп. 1, д. 416, л. 77.

³ «Крым», газета, 1889, № 39.

⁴ Крымоблархив, ф. 63, д. 455, л. 1—2.

ские армяне были равноправны, однако существовала разница в их имущественном состоянии: имелись крупные землевладельцы и наряду с ними—масса бедняцких семей, работавших в хозяйствах богачей или их арендаторов.

Вначале с землей больше всех было связано старокрымское армянское общество, которому в силу грамоты 1799 г. было выделено 12 тыс. десятин земли. Получение этих земельных угодий было сопряжено с хлопотами, тянувшимися почти два десятилетия. Дело в том, что в период заселения армянами Старого Крыма там не оказалось такого количества свободных земель, которое предусматривалось в грамоте. Более того, «многие участки земли, занятые армянами, должны были быть возвращены прежним владельцам»¹,—подтверждает Н. Мурзакевич, тщательно изучивший первые дела архива армянской ратуши.

Старокрымские армяне получили землю в 1820—1824 гг., но лишь частично. В 1820 г. Александр I распорядился вместо недостающего количества земли городу, т. е. старокрымскому армянскому обществу, отпустить 30 тыс. рублей кредита. Однако, как и предполагалось, кредит, при раздаче которого возникли большие неурядицы, ничем не улучшил бедственного состояния трудящихся-армян, так как он в основном попал в руки кучки богачей, тех, которые своим имуществом гарантировали своевременный возврат ссуды в казну².

Небезынтересен порядок, который регламентировал права русских, малороссиян, греков и татар, желавших с согласия старокрымского армянского общества утвердиться в Старом Крыму и пользоваться земельными угодиями общества. Таврический гражданский губернатор 28 апреля 1824 г. распорядился, чтобы поселившиеся в Старом Крыму русские и греки, согласно городскому положению, несли кроме своих также и все городские повинности и подати, каковые несло армянское общество. В случае несогласия им запрещалось пользоваться городской выгодой. Иным было положение татар-

¹ Н. Мурзакевич, Поездка в Старый Крым, ИТУАК, № 6, 1888, стр. 75.

² Одесский облархив, ф. 1, оп. 219, д. 10, 1823, л. 35—158.

земледельцев, которые должны были «состоять в таком отношении к городу, в каком находятся татары на землях помещиков их живущие». На основании 28 статьи дополнения к начертанию бывшей в Крыму комиссии для разбора споров по землям, эти татары обязаны были «давать в пользу города своего (т. е. городскому армянскому обществу) десятинную подать и работать условленные дни от пяти до осми в году... Споры между помещиком земель и татарами... должны быть разбираемы в присутственных местах. А так как в сем случае городское общество есть то же что владелец, то если между городом и татарами возникнут о повинностях споры, городской глава должен обратиться с просьбой в земский суд»¹.

Нетрудно угадать какую цель преследовал этот закон в отношении татар-земледельцев. Дело в том, что в случае равноправия с армянским обществом многие татары-земледельцы последовали бы их примеру и ушли бы от своих хозяев-помещиков. А это было явно невыгодно правительству, тем более, что тогда у татар наблюдалось стремление к массовому переселению в Турцию. Таким постановлением правительство шло на встречу интересам татарской феодальной знати.

В первые десятилетия прошлого века крымские армяне проявляли деловую инициативу в области распространения шелководства на полуострове. Еще в 1800 г. в своем постановлении от 24 февраля правительствующий сенат обратил особое внимание на развитие шелководства в новозаселяемом армянами городе Старом Крыму. Поэтому одной из первых задач старокрымской армянской ратуши стал вопрос о сохранении шелковичных (тутовых) деревьев. По ее поручению из Кизляра привезли 10 фунтов шелковичных семян². На заседании от 20 ноября 1809 г. ратуша выработала строжайшие меры к сохранению шелковичных деревьев, часть которых татары «нерадением своим и мимо сведения армян истребили»³. На заседании был выбран старшина, ответственный за охрану деревьев.

¹ Крымоблархив, ф. 67, д. 359, л. 1 с об.

² Там же, д. 12, л. 10.

³ Там же, д. 28, л. 4 об.

Мероприятия правительства по развитию шелководства заинтересовали и западных армян, особенно амазийских, — опытных мастеров этого дела. Один из них, некий Ованес Илинкирян, в апреле 1811 г. обратился к министру внутренних дел России, предлагая выделить ему, известному специалисту, земельные участки в Крыму под шелковичные деревья. «...Шелководство с лучшим успехом может быть производимо в Крыму, — хотя некоторые хотели и в настоящее время стараются развести там тутовые деревья, употребляя на то несоответствующие количеству получаемого шелка издержки, потому что недовольно знают оное искусство»¹. Он, в частности, предлагал совместно с казной купить на 100 тысяч рублей земли, беря на себя 1/4 часть расходов и обещая через несколько лет вернуть казне ее сумму. Он собирался вырабатывать шелк на своем заводе, для чего обязывался привезти из Амасии свои машины. В случае успеха он намеревался «согласить и прочих армян на переселение из Амасии для занятия тою же промышленностью в Крыму, которого почва и климат гораздо удобнее, нежели в городе Амасии к производству оной работы»².

С такой же инициативой выступил армянин из Шамахи П. Шахвердян, который в Карасубазаре израсходовал на эти цели большую сумму.³

Основную массу армян, живущих в сельских местностях, составляли малосостоятельные или бедные семьи, занятые в бахчеводстве, садоводстве, табаководстве. Вследствие постоянных погромов и бесчинств в Турции их ряды периодически пополнялись выходцами из Западной Армении. Наряду с ними в Крыму вплоть до Октябрьской революции имелось и немало армян — крупных землевладельцев. Это сословие земельных собственников происходило не на основе наследственного права от феодальной знати. Представители этого сословия, как правило, являлись крупными куп-

¹ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 81, д. 1016, л. 1.

² Там же, л. 1 об.

³ Հ. Տեր-Արրահամյան, Պատմութիւնն Երրիմու, մասն I, Թեոդոսիա, 1865, էջ 78 (О. Тер-Абрамян, История Крыма, ч. I, Феодосия, 1865, стр. 78, на армянском языке).

цами и предпринимателями, которые шаг за шагом проникали и в сферу сельского хозяйства. Оно возникло благодаря развитию торгового капитала, который, используя благоприятные условия, сложившиеся в Крыму после его присоединения к России (наличие свободных земель, относительно низкая стоимость земли, малочисленность населения и др.), искал сферу приложения и в земледелии. Со временем стали помещиками Налбандовы (895 десятин), Мирзаяны (170), Сеферяны (2425), Топалаяны (1167), Цигояны (191), Алтунджяны (691), Оберяны (1440), Степаняны (2044), Туманяны (231), Кушнеряны (680), Айвазяны (1383), Бенкляны (1054), Спендиаряны (6128) и др.¹ Естественно, приведенные цифры не отражают полной картины их земельной собственности. Обосновавшись в городах и не прекращая торговых сделок, они получали большие доходы и от земли, эксплуатируя трудящихся, в том числе и армян. Часть доходов, полученных от земли, они пускали в торговый оборот, увеличивая масштабы своей торговой деятельности.

В Крыму крупные земельные участки оказались и в руках армянской церкви. Монастырь Сурб-Хач недалеко от г. Старого Крыма имел 1215 десятин земли с лесом и садами, а в Перекопском уезде—участок «Ади-Кайгач» в 2767 десятин². Все монастырские земли составляли 4000 десятин. Относительно небольшие участки, в основном виноградники и фруктовые сады, находились в руках и других армянских церквей Крыма.

За исключением нескольких небольших виноградников, которые церковь обрабатывала руками «своих» работников, остальные земли она сдавала в аренду. В 1832—1842 гг. (не считая 1835—1836 гг.) только от земли монастырь Сурб-Хач получил 14 170 рублей³ дохода. Эта сумма из года в год увеличивалась соответственно

¹ «Статистический сборник Таврической губернии», Симферополь, 1915, вып. IV—VIII; ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 6, д. 561, л. 12; ф. 994, оп. 2, д. 1583, л. 1; ф. 821, оп. 140, д. 73 б/5, л. 24 с об.

² ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 73 б/5, 31 об., л. 75; см. также «Крым», газета, 1892, № 37.

³ Матенадаран, архив, ф. Канцелярия католикоса, св. 105, док. 232.

с повышением цен на землю. Во второй половине XIX в. она ежегодно составляла до 5000 руб.; в начале же XX в. только участок «Ади-Кайгач» приносил 10 000 руб. годового дохода¹.

Кроме доходов от земли, церкви имели прибыль и за счет различного рода церковных податей и взносов, тяжелым бременем ложившихся на плечи прихожан. В 30-х годах XIX в. эта сумма составила 121.158 руб.² Она в дальнейшем постоянно возрастала, так как церковь продолжала также широко практиковать выдачу ссуды отдельным богачам-армянам под большие проценты. Посланная в Крым комиссия, действовавшая на основе пресловутого закона от 12 июня 1903 г. о конфискации армянского церковного имущества, описала не только большое недвижимое имущество, но и десятки тысяч рублей, принадлежавших церкви³. В 1905 г. всё это было возвращено церкви и вплоть до установления Советской власти в Крыму покрывало различные ее расходы.

Армянских поселенцев в Крыму отличало резко очерченное классовое расслоение. Дело в том, что армяне, перешедшие в Крым из Новой Нахичевани, Западной Армении и различных городов Турции, в своем подавляющем большинстве представляли бедные слои населения. Одной из основных причин, вынуждавших их оставлять родные и обжитые места, было их незавидное материальное состояние. Крым, естественно, не вносил существенных изменений в их положение. Как правило, они пополняли ряды неимущих, работавших за бесценок в портовых городах, у богатых землевладельцев, их бессовестных арендаторов, на земельных участках церквей и т. д.

Основная масса живших в городах крымских армян относилась к сословию мещан. Она не была однород-

¹ ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 2, д. 2110, л. 4.

² Матенадаран, архив, ф. Канцелярия католикоса, св. 105, док. 232.

³ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 73, б/5, лл. 7—97.

ной и по своему социально-экономическому положению представляла пеструю картину: имелись богатые мещане и наряду с ними разоренные торговцы, ремесленники. Самый богатый слой в колонии представляли купцы, состоятельные торговцы, крупные землевладельцы. С конца 60-х годов в их среде стали появляться также фабриканты, которые, правда, еще не полностью порвали связи с торговлей и земледелием. По имущественному положению крымских армян ориентировочно можно подразделить на три группы: богатое сословие крупных торговцев и землевладельцев; средние торговцы и ремесленники; класс неимущих, представлявший городских рабочих, сельских батраков, мало-земельных крестьян, разоренных торговцев и ремесленников, являвшихся объектом широкой эксплуатации со стороны имущих классов.

На плечи трудящихся армян тяжелым бременем ложились налоги, подати и всякого рода повинности. Привилегии, представленные грамотами 1779 и 1799 гг., распространялись лишь на армян, входивших в старокрымское армянское общество и общество армян-католиков в Карасубазаре. Они составляли меньшинство среди крымских армян—едва 1/4 их часть. Да и сами привилегии нередко нарушались, и эти общества зачастую облагались налогами и отбывали повинности наравне с другими. Все это вызывало с их стороны частые протесты. В ответ предпринимались различные правительственные мероприятия, в основном направленные на соблюдение привилегий. Как бы там ни было, до 1870 г. общественно-хозяйственная жизнь этих обществ регламентировалась указанными грамотами. В последующие десятилетия они лишились привилегий.

Гораздо хуже было положение подавляющего большинства крымских армян, оказавшихся за пределами этих грамот. Начиная с 1870 г. они, в том числе и привилегированные армяне, платили подушный, поземельный, рекрутский налоги, отбывали различного рода общественные и воинские повинности. Их положение усугублялось также из-за церковных налогов, которые шли в пользу «отечественной» церкви: попов, духовного правительства, начальника епархии и самого патриарха. «Каноническая инструкция» начальника епархии от

1821 г. устанавливала не только виды церковных повинностей, но и их размеры соответственно имущественному разделению крымских армян. «Инструкция» разделяла их на три разряда. В «первый» разряд входили самые состоятельные, во второй — середняки, а в третий — малосостоятельные прихожане¹. Духовенство и ктитория церквей по своему усмотрению силою и с помощью «пропаганды» грабили трудящихся «во имя отечественной церкви и ее престижа». И поэтому взимание налогов как государственных, так и церковных порой сопровождалось сопротивлением трудящихся, вылившимся в глухой социальный протест против «своих» и инородных эксплуататоров. Эта социальная борьба красной нитью проходит через всю историю крымских армян XIX и начала XX вв.

¹ Матенадарап, архив, ф. Канцелярия католикоса, св. 38, д. 195.

Глава седьмая

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

Общественно-политическое и культурное развитие крымских армян в XIX и начале XX вв. прежде всего определялось условиями, в которых они жили. Однако их интересовали не только вопросы «местного» характера. Поддерживая тесную связь с родиной и с армянскими колониями в других странах, крымские армяне проявляли живой интерес к проблемам, волновавшим весь армянский народ. В свою очередь, «чисто крымско-армянские», на первый взгляд, вопросы иногда приобретали общеармянскую окраску, становясь предметом оживленных дискуссий среди различных слоев армянского населения.

Общественное и культурное развитие армянских поселенцев, несмотря на наличие общенациональных забот, не протекало в мирном русле. Отсутствие общности классовых интересов и наоборот резкое классовое расслоение оставляли свой отпечаток на их политической и культурной жизни, придавая ей определенный социальный смысл и характер. Это касалось всех без исключения сторон экономической и культурной жизни армян-поселенцев Таврической губернии.

После присоединения Крыма к России крымские армяне все больше приобщались к русской действительности, к общественно-политической жизни России. Их

симпатии к русскому народу проявились еще во времена первых русско-турецких войн, когда они безоговорочно встали на сторону России и в меру своих сил способствовали ее победе над врагом. Крымские армяне хорошо сознавали, что победа русского оружия спасет их соотечественников от физического уничтожения. Их позиция была частью общей русской ориентации армянского народа, имевшей давнишние традиции. Она диктовалась также конкретными экономическими соображениями. Все больше вовлекаясь в сферу экономических отношений России, крымские армяне и прежде всего зажиточная часть торгово-ремесленного сословия с победой России связывала свои цели расширения предпринимательской деятельности.

В период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. крымские армяне, только что переселенные в Азовскую губернию, организовали по поручению Г. А. Потемкина волонтерную команду в составе 224 человек, которые должны были быть «употреблены против неприятеля». «Все они,—сообщал Г. Потемкину организатор дела — городской голова Новой Нахичевани в своем письме от 14 мая 1788 г.,—желают участвовать в Тавриде, яко в местах им лучше известных»¹.

Во время Крымской войны и обороны Севастополя через местных армянских купцов осуществлялась заметная часть снабжения Севастополя различными припасами. Многие крымские армяне за заслуги, проявленные в период войны, были удостоены правительственных наград. И. Айвазовский, кроме материальной помощи, оказанной им войскам, лично побывал в Севастополе, воодушевлял бойцов. В Петербурге и Симферополе он организовал выставки, сборы с которых шли в фонд помощи семьям погибших или раненых воинов.

Пореформенный период характеризуется развитием капиталистических отношений и в Крыму. Общественная жизнь крымских армян медленно, но неуклонно приспособлялась к новому процессу развития. Она

¹ ВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1786 г., д. 396, л. 2.

особенно оживилась в конце XIX и начале XX вв. В числе многих общественных организаций особенно заметной стала деятельность церковных попечительств, существовавших почти во всех армянских поселениях Крыма. По своему содержанию это были типичные буржуазные благотворительные учреждения, посредством которых новоиспеченная буржуазия и церковь армянских поселений старались «поднять» нацию на уровень современной цивилизации, а также осуществить благотворительные мероприятия. Церковь всецело шла навстречу инициативе национальной буржуазии создания этих организаций, тем более, что они находились в ведении духовных властей. Буржуазия и церковь сотрудничали с целью усиления и сохранения своего влияния на трудящиеся массы. Однако независимо от социальных задач своей широкой деятельностью попечительства во многом содействовали организации школьного дела в армянских поселениях Крыма, оказанию помощи бедным семьям и др.

В основе деятельности попечительств лежали «Положения», одинаковые по содержанию, хотя круг деятельности того или иного попечительства был различным. Члены попечительства избирались общим собранием прихожан сроком на три года. В состав попечительства входили также ктитор местной церкви и священнослужитель, назначенный епархиальным начальником. Члены попечительства из своей среды избирали председателя, в его отсутствие председательствовал священнослужитель. Вопросы разрешались большинством голосов, в случае одинакового количества голосов голос председательствующего играл решающую роль¹. Задачи попечительства определялись следующим образом: «Попечительство обязано заботиться: об оказании бедным прихожанам названной церкви возможных пособий в необходимых случаях, об изыскании средств для учреждения при этой церкви училищ, богодельни и других богоугодных заведений, а также об устройстве заведений по предварительному испрошению на сие разрешения гражданского начальства в установленном порядке»².

¹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 60, ч. II, л. 172 с об.

² Там же, л. 172 об.

Источником денежных и материальных средств попечительств были субсидии церкви, завещания, приношения. Попечительства пользовались покровительством духовного и гражданского начальства. Они ежегодно отчитывались перед общим собранием, после чего утвержденный на собрании отчет с краткой выборкой представлялся епархиальному начальству, губернатору и министру внутренних дел. Для общего сведения отчеты печатались на русском и армянском языках.

На основе этих правил попечительства бедных прихожан функционировали при армянских церквях в Феодосии, Симферополе, Карасубазаре, Армянском Базаре, Керчи и Евпатории. В числе благотворителей были семьи Айвазовских, Спендиаровых, Тумановых, Момджиевых, Мисировых, Топалевых и многие другие.

В начале нынешнего века Крым стал одним из важных центров социал-демократического и революционного движения в России. В 1905—1907 гг. трудящиеся Таврической губернии вместе с матросами Черноморского флота приняли активное участие в первой русской революции.

Социал-демократическое движение и первая русская революция наложили свой отпечаток на общественную жизнь крымских армян. Передовые представители поселенцев, те, которые поднялись на уровень понимания марксистского учения, стали организаторами социал-демократического движения. Одним из них был Армен Аракелович Багатурянц, брат известной революционерки Лауры—Вардануш Багатурянц, которая в 1919 г. была председателем Крымского ревкома.

Начальник Таврического жандармского управления в 1907 г. именовал А. Багатурянца не иначе, как «главарь партии социал-демократов»¹ в Крыму. Из переписки между охранкой Одессы и Симферополя явствует, что в период, когда революция шла на спад, А. Бага-

¹ Крымоблархив, ф. 706, оп. 1, д. 203, л. 23-а.

турянец прилагал усилия к восстановлению в Крыму партийной работы, поддерживал связь с социал-демократами Киева и Харькова. Начальник Одесского охранного отделения 1 июля 1907 г. сообщал своему коллеге в Таврической губернии:

«Неизвестная личность, принадлежащая к преступным организациям, подписываясь «Аверь», сносится, как это видно из имеющихся у меня секретных сведений, с разными лицами, принадлежащими к таким же преступным организациям, как, например, некоей «Марусей» в Харькове, а через нею с каким-то «Августом» в г. Киеве, адресуя последнему так: «Киев, Александру Громову, до востребования». Означенный «Аверь» находится в Симферополе и в своих сношениях с «Августом» говорит о нужде в людях, интеллигентской безработице, о приезде из Ростова какого-то видного работника, вынужденного оставить за отсутствием средств Симферополь, и переехать в Генчиск, где организация намерена выхлопотать ему место классного наставника в училище, а далее упоминает о своих сочленах, поясняя, что Максим находится на съезде от Крыма, Павел— в Севастополе, Личман— в Одессе, Владимир сидел в Мелитополе, а теперь в Петербурге»¹. В заключение начальник одесской охраны просил выяснить личность «Аверь».

В своем ответе от 11 июля начальник таврического охранного отделения устанавливал личность «преступного лица»: «По агентурным сведениям,— писал он,— можно точно с уверенностью предположить, что подписавшийся «Аверью»— есть Аверьян (кличка)— Армен Араkelович Боготурьянец, инженер-технолог. В настоящее время убыл в Судак. Он — главарь партии социал-демократов, за ним ведется наблюдение». Наблюдение вел чиновник Сачков. С 18 июня до 16 июля Багатурьянец жил в Судаке, затем прибыл в Симферополь. Еще не найдены документы о его деятельности в этот период. Но и приведенные факты показывают, что А. Багатурьянец являлся одним из активных деятелей социал-демократического движения в Крыму.

¹ Крымоблархив, ф. 706, оп. 1, д. 203, л. 22.

Поддерживая тесные связи с армянской действительностью, крымские армяне постоянно были в курсе всех важных событий, относящихся к Армении и армянскому народу. Они делили невзгоды, выпавшие на долю своих соотечественников на родине, старались облегчить их участь.

Так было и в кошмарный период геноцида армянского народа, организованного турецкими палачами в 1915 г. Крымские армянские поселения внесли свой вклад в дело помощи армянам, спасшимся от султанского меча.

Дело помощи беженцам-армянам в крымских армянских поселениях было поставлено на организационную основу. Почти во всех поселениях были созданы армянские комитеты или комиссии по сбору денежных и материальных средств. К 1 июня 1915 г. эти комиссии и комитеты выслали Эчмиадзинскому синоду 16160 руб. 47 коп.¹ Эта сумма поступила из симферопольского, севастопольского, карасубазарского, ялтинского, евпаторийского, феодосийского и керчинского армянских комитетов помощи беженцам. Помощь продолжалась и в последующие месяцы, а также в 1916—1917 гг.

От мужчин не отставали и крымские армянки. Симферопольский армянский женский комитет во главе с Ю. И. Спендиарян, с согласия комитетов армянок других городов Крыма, осенью 1915 г. решил открыть для детей беженцев-армян в Симферополе сиротский приют. Для этой цели первоначально было собрано 3500 руб. Комитет обратился в Эчмиадзин с просьбой отправить в Симферополь группу детей-сирот.

Представители симферопольских армянок дважды приезжали в Тифлис. Но детей им не дали, так как имелось решение за пределы Кавказа их не высылать. По этой причине сиротский дом в Симферополе не был открыт, но собранные деньги женский комитет предоставил армянам-беженцам для закупки семян².

¹ «Արարատ», տնտեսիկ, 1915, № 6, էջ 505—511 («Арарат» журн., № 6, стр. 505—511, на армянском языке).

² «Մշակ», օրաթերթ, Թիֆլիս, 1916, № 54 («Мшак», газета, Тифлис, 1916, № 54, на армянском языке).

Крымские армяне с большим участием отнеслись к беженцам, которые в годы первой мировой войны, а также в послевоенный период оказались в Крыму. Благодаря помощи местных армян основной массе беженцев удалось в эти тяжкие годы спастись от голода и смерти, обосноваться на полуострове.

Культурное развитие у крымских армян в новый период отразилось прежде всего в создании школ, училища, типографии, в издании журналов, книг. Из среды крымских армян вышла целая плеяда деятелей искусства.

Надо отметить, что в осуществлении культурных мероприятий крымские армяне всячески пользовались привилегиями, которые предоставлялись им в России и открывали перед ними широкие возможности для культурного роста, разумеется, соответственно тогдашним пониманиям и духу эпохи.

Условия для культурного развития крымских армян в первые десятилетия XIX в. были столь благоприятны, что привлекли к себе внимание их заграничных собратьев. В начале века некоторые деятели из константинопольских армян намеревались создать в Крыму армянский культурный центр, наподобие конгрегации мхитаристов в Венеции и в противовес ей. 20 декабря 1807 г. 12 представителей из Константинополя обратились к начальнику новонахичеванской и бессарабской армяно-григорианской епархии, архиепископу Ефрему с предложением отвести им монастырь Сурб-Хач для основания в нем конгрегации и развертывания культурной деятельности, включая создание типографии и издание книг и журналов на армянском языке¹. Архиепископ Ефрем пошел навстречу их желанию и предложил откомандировать двух представителей в Крым для ознакомления с условиями на месте². Однако инициативе

¹ Матенадаран, ф. Канцелярия католикоса, пап. 18, док. 52, л. 1.

² Там же, л. 2 об.

константинопольских культурных деятелей не суждено было осуществиться по неизвестным теперь причинам. Но идея создания армянского культурного центра в Крыму продолжала жить. В 1814 г. с таким же предложением, только в несколько ином варианте, выступил Манвел Гюмушханеци. Он пытался добиться переезда мхитаристов и их конгрегации из Венеции в Крым, перехода их в лоно национальной церкви и создания там культурного очага. Одновременно это нанесло бы чувствительный удар Риму и его влиянию на армян-католиков¹.

Чтобы соблазнить мхитаристов, Гюмушханеци считали нелишним сообщить им о том, что русское правительство выделило монастырю Сурб-Хач 3 500 десятин земли, а старокрымскому армянскому обществу—12 тысяч². Старания Гюмушханеци тоже не имели успеха, вероятно, вследствие отказа мхитаристов. Однако крымские армяне создали свои культурные очаги, сыгравшие заметную роль в их культурной жизни. В этом отношении достойны упоминания церковно-приходские школы, функционировавшие почти при всех армянских поселениях Крыма.

Инициаторами создания этих школ выступили прежде всего армяне-прихожане, заинтересованные в образовании своих детей. Духовенство же шло навстречу желанию прихожан, ибо это облегчало проведение религиозной пропаганды.

В 1816 г. в Карасубазаре по инициативе Манвела Гюмушханеци открылась первая армянская приходская школа в Крыму. Чтобы поддержать ее дальнейшее существование, М. Гюмушханеци из церковных сумм выделил ей 1000 рублей³. В 1824 г. карасубазарские армяне обратились к Лазарьянам с просьбой принять в свой институт 5 мальчиков из крымских армян с тем, чтобы после окончания они вернулись в Крым для работы в армянских школах⁴.

¹ Матенадаран, ф. Канцелярия католикоса, пап. 25, док. 89.

² Там же.

³ Там же, ф. Лазарьянов, пап. 105, д. 11, док. 130, л. 1 об.

⁴ Там же, док. 136.

Несколькими годами позже, наряду с карасубазарской, приходские школы начали функционировать также в армянских поселениях Старого Крыма, Феодосии, Евпатории, Симферополя, Керчи, Субаша, Орабазара и в других местах. В этих школах преподавание велось на низком уровне. Детей учили грамоте, арифметике, но основное внимание было уделено «закону божьему». Некоторое исключение составляла карасубазарская школа, в которой, начиная с 40-х годов, дети обучались армянскому и русскому языкам, закону божьему, истории, нравоведению, географии и арифметике.

В 50—60 годах организации школьного дела в колонии во многом способствовал Г. Айвазовский, который, став начальником епархии, осуществил ряд мероприятий, направленных на повышение уровня преподавательской работы. Когда в 1861 г. министерство просвещения попыталось подчинить крымские армянские школы дирекции училищ Таврической губернии, Г. Айвазовский был в числе тех, кто воспрепятствовал этому. Намерения министерства имели целью лишить эти школы возможности давать детям знания по национальной истории и культуре, воспитывать их в патриотическом духе. В 60-х годах правительство вынуждено было отступить. Однако, начиная с 80-х годов, оно вновь воздвигнуло серьезные преграды развитию армянской школы в империи, в том числе и в Крыму.

Министерство просвещения предприняло на этот раз конкретные меры по ликвидации независимого положения армянских приходских школ, внедрению в них общей программы, что соответствовало политическим целям империи. Беспокойство по поводу освободительных устремлений армянского народа толкало правительство на то, чтобы подчинить пользовавшиеся полной автономией армянские церковно-приходские школы местным органам, тем более, что они постоянно пополнялись учителями, «злоупотреблявшими своим положением для распространения антиправительственных учений»¹.

¹ «Բանբեր Հայաստանի արհիվների», Երևան, 1967, № 1 (16), էջ 87 («Вестник архивов Армении», 1967, № 1 (16), стр. 87, см. публикацию В. Еркяняна).

В 1884 г. были приняты выдержанные в таком духе правила. Так как армянские школы отказались подчиниться им, то в 1885 г. они были закрыты. В 1886 г. правительство вновь уступило и школы открылись. Однако во второй половине 90-х годов, воспользовавшись относительно удобной внешнеполитической ситуацией, правительство прибегло к категорическим мерам: постановлением от 2 июня 1897 г. армянские приходские школы были переданы в ведение и полное подчинение министерства просвещения. Они оставались церковно-приходскими школами и продолжали содержаться на церковные суммы и средства прихожан, духовенству предоставлялась возможность осуществлять контроль лишь над религиозным воспитанием учащихся. Закон от 12 июня 1903 г. закрепил эти домогательства высших и местных чиновников. В августе 1905 г. под натиском революции царское правительство вернуло армянское церковное имущество.

Основанные еще в первые десятилетия прошлого века, армянские приходские школы в Крыму функционировали вплоть до первой мировой войны. В 1905 г. например, школьное образование армян в губернии представляло следующую картину:

Города	Школы	Учителя	Ученики обоего пола
Симферополь	2	8	82
Карасубазар	1	2	40
Керчь	1	2	31
Евпатория	1	3	15
Феодия	1	2	28
Старый Крым	1	2	40
Мелитополь	1	2	15
Орабазар	1	3	?
Ногайск	—	—	—

* * *

Среди армянских школ Крыма по своему значению и постановке учебно-педагогической работы особняком стояло Халибовское училище, основателем которого

был Г. Айвазовский. Основание училища явилось результатом тех противоборств между частью армян-католиков с Римом, которые побудили Г. Айвазовского оставить «католический запад» и в православной России осуществить свои планы по учреждению училища и развитию национальной культуры. В 50-х годах, ведя в Париже безуспешную борьбу против ассимиляторских устремлений Рима, поддерживаемых французским правительством, Г. Айвазовский и его сторонники—архимандриты С. Теодорян и А. Галфаян окончательно убедились в том, что «запад» не только не способствовал «национальным задачам» и просвещению армянского народа, но и всячески препятствовал им. Все это обусловило резкий поворот Г. Айвазовского в сторону России. Раскол с Римом и возвращение в лоно отечественной церкви гармонично сочетались с национальным патриотизмом трех архимандритов—этих «блудных сынов» национальной религии.

Обращаясь к русскому послу в Париже Киселеву с предложением создать на юге России армянское училище, Г. Айвазовский дал ему ясно понять, что открывающееся учебное заведение, наряду со своим национальным характером, станет проводником русского влияния среди армян вообще и среди их собратьев в Турции, в частности¹. Несколько лет спустя, в 1868 г. правительственная комиссия при рассмотрении вопроса о Халибовском училище должна была констатировать, что оно было основано «для привлечения детей влиятельных турецких армян и для усиления этим способом нашего (т. е. русского.—В. М.) влияния на Востоке»².

Киселев всячески ходатайствовал перед правительством об удовлетворении просьбы Г. Айвазовского. Русское правительство воспользовалось расколом трех известных архимандритов с Римом и отрицательным отношением французского правительства к основанному Айвазовским училищу. 24-го января 1861 г. министр внутренних дел России С. С. Ланской в своем отношении к

¹ Փ. Այվազյան, Պատմություն Խալիբովյան սեմինարիան Տիֆլիս, 1880, էջ 7 (Г. Айвазовский, История Халибовского училища, Тифлис, 1880, стр. 7, на армянском языке).

² ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 30/3054, л. 21 с об.

наместнику Кавказа напоминал: «Из переписки с министром иностранных дел и со мною в 1857 году Вашему сиятельству известно, как воспользовавшись разрывом бывших во главе армянского Мурадовского училища в Париже архимандритов Айвазовского, Калффы и Саркиса с римским престолом и затруднениями, которые французское правительство, по велению римско-католического духовенства, противопоставило им относительно устроенного ими, вследствие помянутого разрыва с Римом, другого армянского училища (Гренельского), наше правительство побудило архимандрита Айвазовского переселиться в Россию, приняв предложение его учредить у нас армянское училище, которое могло бы со временем соперничествовать с вышеупомянутым парижским заведением и привлекать к нам армянское юношество из Константинополя и других стран Востока (курсив наш.—В. М.).

Между тем, как французское правительство осознав, по-видимому, ошибку свою, заменило первоначальные стесняющие свои действия оказанием упомянутым лицам своего покровительства, как полагать должно, в видах удержания их во Франции, мы со своей стороны, убедившись, собранными в Константинополе сведениями в направлении сих лиц и в расположении к ним, а в особенности к архимандриту Айвазовскому, константинопольских армян, воспользовались оставленной, в сих именно видах, вакантною у нас армяно-григорианскою епархию для назначения архимандрита Айвазовского управляющим оной...»¹.

После Восточной войны в целях усиления своего влияния на армян и на Востоке русское правительство придавало немаловажное значение воспитанию армянских детей, особенно детей влиятельных родителей в духе, соответствовавшем внешнеполитическим соображениям. Иначе нельзя объяснить позицию царского правительства в вопросе основания учебного заведения для армянских детей в период, когда страна находилась в оковах крепостничества. Г. Айвазовский, верный царскому двору, оправдал его доверие. «Ваше сиятельство,— писал С. С. Ланской в указанном конфиденциаль-

¹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 24/3136, ч. 1, л. 22 с об.

ном отношении, — сами изволите судить о том, должно ли ставить Айвазовскому в укор или напротив того вменить ему в особую заслугу издание им журнала, все более и более распространяющегося между армянами заграничными, и имение, как выражается патриарх, агентов в Турции и других государствах... Только при ограниченности взгляда, не сознающего значения возложенной на Айвазовского правительством нашим задачи, были возможны подобные обвинения...»¹.

9-го марта 1857 г. граф Киселев сообщил Г. Айвазовскому о согласии правительства с его предложением, сводившемся к трем основным пунктам:

а) правительство обеспечивает в училище веротерпимость и язык;

б) по окончании училища правительство покровительствует его воспитанникам;

в) образование в училище не подчиняется постороннему влиянию.

Правительство редко шло на такие уступки, и еще раз подчеркнем, что в данном случае они диктовались именно внешнеполитическими мотивами.

Осенью 1857 г. Г. Айвазовский приехал в Крым, а в ноябре, по прибытии в Петербург, представил министру внутренних дел проект открываемого училища. Этот учебный план свидетельствует о том, что Г. Айвазовский мыслил создать учебное заведение скорее национально-светского, чем религиозного уклона, заведение, в котором учащиеся получали бы знания, соответствовавшие гимназическому курсу. В своем проекте он предлагал создать училище в Феодосии, так как она «находится почти в центре между Константинополем, Малой Азией и Кавказом», а «намеченная железная дорога соединит ее с Москвой и Петербургом». Стремясь к тому, чтобы в училище могли обучаться и дети немущих, Г. Айвазовский предлагал «употребить на учреждение и содержание училища часть церковных доходов Новороссийского края»; училище — частное заведение, в нем могли бы учиться дети всех армян независимо от происхождения (т. е. дети армян-григориан, католиков и протестантов) и отчизны, «но не иначе, как подчиня-

¹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 24/3136, л. 27 с об.

ясь совершенно порядку, установленному в училище. Они (т. е. дети армян-католиков и армян-протестантов.— В. М.) не принуждаются только к слушанию уроков закона божия по правилам церкви армяно-григорианской», т. е. обеспечивалась свобода вероисповедания; начальство училища имело полное право назначать преподавателей, выбирать учебную литературу и способ преподавания. При училище создавалась типография, издавался журнал. Преподавание должно было вестись на армянском языке. Управление училища, согласно проекту, поручалось Г. Айвазовскому, учебная часть должна была находиться в ведомстве совета в составе управляющего и им же назначенных преподавателей; хозяйственной частью заведовало правление из шести членов¹. 4-го июня 1858 г. правила Халибовского армянского училища были высочайше утверждены.

Училище открылось 14-го октября 1858 г. В первом учебном году там обучалось 89 воспитанников, в последующем бывали годы, когда их число доходило до 140.

Предметы, которые проходили в училище, действительно свидетельствовали о том, что в училище преследовали цель дать воспитанникам знания, составлявшие тогда основы среднего образования в России и Европе. В учебную программу училища входили армянский, русский, французский и турецкий языки, закон божий, арифметика, тригонометрия, история, география, рисование, физика, химия, физкультура, чистописание и др. предметы. В училище бесплатно обучались также дети неимущих армян. Последние составляли 35—40 процентов учащихся. Преподаватели в училище были в основном люди с высшим образованием, знатоки своего дела. Их подбирал сам Г. Айвазовский.

Училище содержалось за счет отчислений из церковных средств епархии, завещания Халибова и взносов части воспитанников. На строительство здания училища, состоявшего из 100 комнат, Халибов израсходовал 152 тыс. руб. серебром. В 1858—1865 гг., в период правления Г. Айвазовского, приход училища составлял 196309 руб. 03 коп., в том числе взносы пансионеров—

¹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 55/3166, ч. 1, л. 63—66.

79460 руб. 43 коп., халибовские суммы—10662 руб. 84 коп., пожертвования—970 руб. 31 коп., церковные суммы—105 209 руб. 45 коп.; было израсходовано 196 303 руб. 03 коп., т. е. почти все¹.

Начиная с 1865 года материальное состояние училища стало постепенно ухудшаться, особенно после лишения его церковных субсидий. Шаги, предпринятые с целью поддержать его дальнейшее существование,—переговоры между министерствами, Халибовым и католиком, правительственные комиссии и предложенные ими меры,—не ликвидировали угрозы закрытия училища. Да и само училище в глазах правительства утратило то значение, которое оно имело ранее, т. е. в период, последовавший непосредственно за Крымской войной. Летом 1871 г. после 13-летнего существования оно перестало функционировать.

При Халибовском училище по вечерам функционировали курсы полезных знаний, посетителям которых, взрослым мужчинам и женщинам, сообщались сведения общеобразовательного характера, начиная с арифметики и кончая историей. По замечанию Г. Айвазовского, эти курсы были призваны к жизни в противовес тому «сплошному невежеству», которое тогда «окутывало умы духовных и светских лиц вообще»².

При Халибовском училище с 1860 г. начала работать типография,—первая типография в истории крымских армян. Чтобы обеспечить ее бесперебойную работу, Г. Айвазовский широко пользовался церковными суммами, из которых до января 1865 г. на типографию было израсходовано 39 127 руб. 19 коп.³ Типография была оснащена современным оборудованием и инвентарем, привезенным из-за границы и помещалась на нижнем этаже здания училища. Как констатировала в 1865 г. комиссия полковника Кавелина, она содержалась «в большом порядке»⁴. В этом была большая заслуга также заведующего типографией О. Тер-Абрамяна — од-

¹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 55/3166, ч. II, л. 5.

² *Գ. Այվազյանի նշված աշխատություններ, էջ 108:*

³ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 55/3166, ч. I, л. 276 об.

⁴ Там же, л. 276.

ного из известных крымских армянских культурных деятелей того времени.

За относительно короткий срок существования (1860—1871 гг.) в типографии большим тиражом вышло довольно много книг, значительную часть которых составляли учебники. Там печатались также ежегодники (на армянском и русском языках), художественная и научная литература, словари, церковные книги и др. Только Г. Айвазовский издал более чем 15 наименований своих трудов, в основном учебных и научных. Типография принимала также заказы извне. По мнению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, при хорошей постановке дела типография не только не работала бы с ущербом, но и могла бы ежегодно приносить 1000 рублей дохода¹. Однако, как и училище, ей тоже не было суждено просуществовать долго: закрытие училища повлекло за собой и прекращение работы типографии.

Во второй половине XIX в. в армянской колонии Крыма зародилась и периодическая печать. В 60—70 гг. в Феодосии стали издаваться журналы «Мясяц Агавни» («Голубь Масиса», назывался также «Радугой») и «Дастиарак» («Воспитатель»).

С журналом «Мясяц Агавни» армянский читатель был знаком еще с 1855 г. в парижский период его издания. Переехав в Россию, его редактор Г. Айвазовский через два года начал издавать журнал, «не изменив его дух, цель и главные качества»². Под словом «дух» он имел в виду распространение среди армянского народа не только «науки и просвещения», но вместе с ними также «любви, согласия и спокойствия».

Верный своему общественно-политическому кредо, журнал с крымских берегов проповедовал верноподданные идеи, национальное единение, крепко стоял на

¹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 55/3166, ч. I, л. 373.

² «Մասյաց Ագաւնի», Թեոդոսիա, 1860, № 1, էջ 4 («Мясяц Агавни», Феодосия, 1860, № 1, стр. 4, журн. на армянском языке).

позициях религиозно-национальной патриотики, основываясь на распространении «национальной культуры, неизменно закрепленной религиозным цементом»¹.

Как апологет существовавшего в то время порядка, журнал прививал всем классам и слоям армянского народа «национальное согласие» на основе «святого евангелия», хотя понимал, что «невозможно всем угодить». Чтобы достигнуть «национального единения», «Месяц Агавни» «ставил себя» вне партий и последовательно ратовал за ликвидацию или хотя бы уменьшение их числа².

Редакция журнала и в первую очередь редактор Г. Айвазовский тщетно старались убедить читателя в том, что они далеки от разжигания «противоборств среди наций», между тем они перепечатывали материалы из других журналов против М. Налбандяна и «Юсисапайла».

Идеи национального «союза и единения» были грозным оружием в борьбе против влияния Рима и католического духовенства. Из Крыма журнал посылал гром и молнии в адрес папы и его приспешников, вскрывал вредные последствия католицизма для армянского народа. Из России, не в пример католической Франции, было гораздо легче вести антикатолическую пропаганду, не щадя даже мхитаристов, некогда дававших редактору журнала духовную пищу.

Тематика журнала была весьма разнообразна, в нем имелись различные рубрики: зарубежные вести и внешнеполитические обзоры, сообщения из армянской жизни, беллетристика, филология, исторические вопросы, проблемы образования, церковная жизнь, экономические знания, языкознание, естественные науки и др. Но сквозь все материалы красной нитью проходила главная мысль — проповедь редактора: «национальный мир и согласие» на основе приверженности армяно-григорианской церкви.

Журнал выходил на современном армянском языке,

¹ Ա. Բ. Շարինյան, Ազնարկներ հայ պարբերական մամուլի պատմության, Երևան, (А. Б. Каринян, Очерки истории армянской периодической печати, Ереван, 1960, т. 2, стр. 410).

² «Մասիաց Աղափնի», 1861, էջ 25:

доступном широкому кругу читателей. С 1865 г. «Масяц Агавни» перестал издаваться.

Через несколько лет, в 1873—74 гг., в Феодосии начал выходить другой армянский журнал—«Дастиарак». Редактор журнала Г. Тевлетян не намеревался затрагивать «религиозные вопросы и споры» и «рассуждения о политических правительствах». «Дастиарак» публиковал главным образом статьи на сельскохозяйственные и педагогические темы, проводил беседы со своими читателями по вопросам здравоохранения, сообщал исторические и географические сведения, новости.

Из среды крымских армян в XIX в. вышел целый ряд выдающихся деятелей культуры, творчество которых имело определенное общественно-художественное значение. Это объясняется не только общением крымских армян с русской и европейской культурой, но и зарождением в Крыму тех общественных отношений, которые со второй половины века привели к буржуазному пути развития. В плеяду известных деятелей армянской культуры навсегда вошли имена крымских армян Э. Махтесяна, композиторов Х. Кара-Мурзы, Ал. Спендиаряна, А. Кахцацяна, знаменитого скрипача и музыковеда Ов. Налбандяна и др.

Особняком стоит имя великого мариниста — **Ивана Константиновича Айвазовского** (Оганеса Константиновича Айвазяна). Он родился 17 июля 1817 г. в Феодосии. Отец его происходил из польских армян. Из Польши он переселился сначала в Молдавию, а затем в Крым.

Константин пользовался славой знающего человека, владел многими языками, выполнял обязанности переводчика, чем отчасти покрывал расходы своей уже обедневшей, к тому же довольно многочисленной семьи (отец, мать, три брата и две сестры).

Начальное образование И. К. Айвазовский получил в местной армянской церковной школе, учился в симферопольской гимназии, а в 1833—1837 гг.—в Петербургской академии художеств.

О творчестве и деятельности гениального художника написано очень и очень много. Наша цель скромна: в общих чертах рассказать о связях И. Айвазовского с крымскими армянами да и вообще с армянской действительностью:

Еще в период учебы в Петербурге И. Айвазовский «почти ежедневно» находился «среди прихожан» столичной армянской церкви¹. Окончательно обосновавшись в Феодосии, И. Айвазовский на протяжении 50—60 лет был душой общества крымских армян, всячески старался быть полезным своему народу. Мы уже упомянули о его позиции в борьбе против влияния католицизма на своих соотечественников, а также о завещании (стоимостью в 50 тыс. руб.), которое он оставил феодосийской армянской церкви Сурб-Саркис и школе при ней. За свой счет И. Айвазовский построил церковь для армянского общества Старого Крыма, а многие армянские церкви бесплатно украсил своими полотнами. В помощь своим соотечественникам художник не раз организовывал выставки своих работ.

И. Айвазовский тяжело пережил армянскую резню 1895—1896 гг., организованную турецким султаном Абдул Гамидом. «Глубокой болью опечалено мое сердце неслыханной, невиданной резней несчастных армян,— писал И. Айвазовский католику всех армян Хримяну в сентябре 1896 г.,— Ваше святейшество там, мы здесь и все повсюду оплакиваем и скорбим над армянским народом, преданным тяжелой утрате»². Айвазовский выразил гневный протест против варварств турок. В знак этого он бросил в море все свои турецкие ордена и заявил турецкому консулу: «Ордена, данные мне твоим кровавым хозяином, я бросил в море. Вот и их ленты, пошли ему. Если хочет, пусть и он мои картины выбросит в море, мне не жаль...»³.

И. Айвазовский всеми силами стремился в эти тяжелые времена материально и морально поддержать

¹ «Уշақ», 1887, № 9.

² Айвазовский. Документы и материалы, Ереван, 1967, стр. 277.

³ «Известия АН Арм. ССР», общественные науки, 1965, № 2, стр. 91.

свой народ. По предложению католикоса он намеревался в красных цветах запечатлеть на полотне картину армянской резни: окровавленные поля и горы и католикоса всех армян на руинах родины. «Если богу будет угодно еще продлить мою жизнь, то настанет день, когда я выполню это Ваше трогательное предложение»¹, — писал он Хримяну.

В помощь армянам, спасшимся от резни, И. Айвазовский организовал в Одессе выставку. 2 000 рублей, вырученные с выставки, он, разделив пополам, послал армянам и грекам. Спустя несколько дней для оказания помощи бедным армянам он выслал в адрес русского консула в Константинополе еще 3000 франков².

И. Айвазовский был в тесных отношениях с известными армянскими деятелями того времени — Н. Аштракаци, П. Адамяном, Мамуряном, Г. Аптлой (Аствацатрян), С. Паляном, А. Татяном, Х. Степане, Н. Бюзандаци, М. Хримяном, К. Езяном и многими другими.

В наследии И. Айвазовского имеется немало картин на армянские сюжеты. Это — пейзажи, полотна на исторические темы и др. К их числу относятся следующие картины: «Долина горы Арарат», «Крещение армянского народа», «Хримян Айрик в окрестностях Эчмиадзина», «Ной спускается с Арарата», «Клятва», «Посещение Байрона мхитаристов на острове св. Лазаря», «Резня армян в Трапизоне в 1896 г.», «Живых армян турки бросают в море», «Занятие г. Карса в ночное время», «У пастухов» и др., а также портреты многих армянских деятелей, в том числе Хримяна Айрика, Ог. Лазаряна, Лорис-Меликова, Г. Айвазовского и др.

Творчество И. Айвазовского является величественным мостом, связавшим армянскую и русскую культуры. Его художественное наследие по достоинству вошло в золотой фонд мирового искусства.

19-го апреля 1900 г. вся передовая общественность скорбила по поводу кончины великого мариниста. По последней воле художника его тело похоронили в ограде армянской церкви Св. Саркиса в Феодосии. В связи с кончиной И. Айвазовского известный армянский ху-

¹ Айвазовский. Документы..., стр. 277.

² Там же, стр. 299—300.

дожник Г. Башинджагян в газете «Мшак» писал: «...Деятнадцатый век нам, армянам, подарил двух гигантов — Ованеса Айвазовского и Петроса Адамяна...

Ованес Айвазовский был подобен чудесному лучезарному светилу, которое взшло на темном, мрачном армянском небосводе и после 83-летнего сияния исчезло, оставив за собой такой яркий свет, которым должен гордиться каждый армянин»¹.

Талантливым последователем И. Айвазовского был **Эманвел Махтесян** (1857—1908). Он родился и вырос в г. Армянске. В кругу петербургских искусствоведов Э. Махтесян считался продолжателем традиции И. Айвазовского, у которого усовершенствовал свое мастерство. Современники видели в нем, «кроме техники, унаследованной от Айвазовского», также «собственное самостоятельное направление»². О широком признании искусства Э. Махтесяна свидетельствует тот факт, что его работы демонстрировались на выставках передвижников и в залах Академии художеств в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе.

В 1896 г. Э. Махтесян открыл в Симферополе собственную картинную галерею, где демонстрировал свои 150 картин.

В числе выдающихся деятелей армянской музыкальной культуры достойное место занимают также представители крымских армян. Первым следует упомянуть имя великого армянского композитора **Александра Спендиаряна**.

А. Спендиарян родился в 1871 г. в Каховке Таврической губернии, куда переселился его дед в 1855 г. из Армянского Базара. Но вскоре, в 1877 г., их семья вновь вернулась в Крым — Симферополь.

Талант А. Спендиаряна в искусстве, особенно изобразительном и музыкальном, проявился в раннем возрасте. Изготовленные шестилетним Александром бумаж-

¹ «Մշակ», 1900, № 97 (Мшак, 1900, № 97).

² «Գեղարվեստիկան արքայի Հ. Այվազովսկու հիշատակին», Ս. Պետերբուրգ, 1903, էջ 58 («Художественный альбом памяти И. Айвазовского», СПб., 1903, стр. 58, на армянском языке).

ные птицы и животные были до того совершенны, что И. Айвазовский, частый гость в доме Спендиарянов, забрал их с собой в Петербург для демонстрации в Академии художеств. Но Александру не суждено было стать художником. Он избрал путь композитора, учась сначала у Н. С. Кленовского (в Москве), а затем у Н. А. Римского-Корсакова в Петербурге. А. Спендиарян поддерживал тесные связи с А. К. Глазуновым и А. К. Лядовым.

День 5 июня 1900 г. А. Спендиарян считал началом своей творческой жизни. В этот день впервые было исполнено его крупное симфоническое произведение «Концертные прелюдии». Созданные им произведения в среде профессиональных музыковедов Петербурга принесли ему славу «Восточного Глинки».

С 1901 г. А. Спендиарян окончательно вернулся в Крым и жил в Ялте, а с 1915 г.—в Судакe. В эти годы он создал много талантливых произведений, в их числе «Крымские эскизы», «Три пальмы», «Памяти В. В. Стасова», «К Армении» и др.¹

Как и вся их семья, А. Спендиарян был неразрывно связан с армянской действительностью. Еще в Крыму он был в близких отношениях с известным скрипачом Ов. Налбандяном. В годы учебы в Москве вместе со своим братом Леонидом он дружил с профессорами Н. Нерсесовым и Ю. Гамбаровым, врачом С. Шагиняном, с Гр. Джаншневом, поэтом Ал. Цатуряном и др.

В годы бурного творчества в Ялте А. Спендиарян находил время заниматься общественными делами своих соотечественников. Он был председателем Армянского благотворительного общества в Ялте.

Связь с армянской действительностью оказала определенное влияние на Спендиаряна, на его творческие поиски. По заказу Бакинского армянского культурного общества А. Спендиарян в 1914 г. создает песню «По следам героев», посвященную памяти Х. Абовяна². В

¹ Ք. Գրիգորյան, Ալեքսանդր Սպենդիարյան, Երևան, 1952, էջ 11 (К. Григорян, Александр Спендиарян, Ереван, 1952, стр. 11, на армянском языке).

² Մարինա Սպենդիարովա, Սպենդիարով, Երևան, 1966, էջ 105 (Марина Спендиарова, Спендиаров, Ереван, 1966, стр. 105, на армянском языке).

1915—1916 гг. в период резни армянского народа, А. Спендиарян, влекомый глубоким чувством патриотизма, задумывается над созданием армянской оперы. В поисках темы он останавливается на поэме Ов. Туманяна «Взятие крепости Тмук» и пишет свою знаменитую оперу «Алмаст».

В 1924 г. сбылась давнишняя мечта композитора — по приглашению правительства Советской Армении он переехал в Ереван, где целиком посвятил себя делу создания и развития национальной музыкальной культуры. Его приезд имел огромное значение в развитии музыкальной жизни республики.

В 1926 г. общественность Армении широко отметила 25-летие музыкально-общественной деятельности А. Спендиаряна. Ему было присвоено звание народного артиста республики. Но в самый кипучий период творческой деятельности, 7-го мая 1928 г. его жизнь оборвалась. Народ свято хранит память о нем. Его имя носит крупнейший очаг армянской музыкальной культуры — Государственный академический театр оперы и балета в Ереване.

В развитии армянской национальной музыки несомненны заслуги одного из ее видных деятелей — **Христофора Кара-Мурзы***. Родился в 1854 г. в Карасубазаре. Научившись играть на фортепиано, читать и писать ноты, Кара-Мурза, вопреки желанию отца сделать из него коммерсанта, с молодых лет определил свой жизненный путь, посвятив себя музыке. Он получал частные уроки по музыке, знакомился с ее теорией и до 1882 г. в родном городе организовывал четырехголосые хоры, давал концерты. Х. Кара-Мурза не только собирал армянские духовные и народные песни и перелагал их на ноты, но и организовывал их многоголосое исполнение.

В 1882 г. он переехал в Закавказье, где обходил армянские села, города, создавал хоры, давал концерты, собирал песни, одновременно сочинял собственные произведения. Это был невероятно тяжелый труд, сопряженный к тому же с большими лишениями. За семнад-

* Всестороннее освещение творчества Кара-Мурзы дано в труде М. Мурадяна «Христофор Кара-Мурза и внедрение многоголосия в армянской музыке», Ереван, 1956, на армянском языке.

цать лет, начиная с 1885 г. вплоть до своей преждевременной кончины (1902 г.), Х. Кара-Мурза успел в 47 городах организовать 90 хоров (каждый из них состоял от 40 до 150 членов), дать 248 концертов, написать и обработать 320 песен, создать 67 самостоятельных произведений¹. Он часто выступал с концертами в Тифлисе, Баку, Александрополе, Ереване, Эчмиадзине, Астрахани, Крыму, Новой Нахичевани, Константинополе и др. местах, всюду организовывая хоры. Его волю на избранном пути не смогло сломить воинствующее невежество отдельных духовных лиц в Эчмиадзине, под натиском которых Х. Кара-Мурза был отстранен от должности преподавателя музыки в духовной семинарии. Выступая против многоголосия, невежды в черных мантиях «оправдывались» той вздорной мотивировкой, что мол «бог один и голос должен быть один» и что «четыреголосие богонеугодно»². Оставив Эчмиадзин, Х. Кара-Мурза, невзирая на стесненное материальное положение, не бросал начатое дело. Он продолжал свои концертные турне, пропаганду народной песни, заложил основу армянской концертной культуры и этим самым «сообщил музыке общественно-политическую влиятельную силу и превратил ее в мощный стимул художественного воспитания народа»³.

Одним из первых армянских композиторов Крыма был **Андреас Кахцацян**. Родился в Карасубазаре в 1809 г. Хотя и вырос в бедной семье, ему все же удалось получить частные уроки по музыке. После окончания местной армянской школы он начал сам давать частные уроки. Кахцацян — талантливому гувернанту своих детей — Караим Попович подарил фортепиано — первое фортепиано в Карасубазаре⁴.

Идя навстречу желанию Кахцацяна, предводитель крымских армян-католиков архимандрит М. Бжишкян

¹ Հ. Շահապետյան, *Քրիստոֆոր Կարա-Մուրզա, Թիֆլիս, 1904*, էջ 98 (А. Карапетян, Христофор Кара-Мурза, Тифлис, 1904, стр. 98, на армянском языке).

² Ռ. Թերլեմեզյան, *Քրիստոֆոր Կարա-Մուրզա, Վիեննա, 1925*, էջ 34 (Р. Терлемезян, Христофор Кара-Мурза, Вена, 1925, стр. 34).

³ Մ. Մուրադյան, *Կըզ. աշխտ.*, էջ 87:

⁴ «Բաղմալեկ», 1881, էջ 40—41:

в 1842 г. отправил его в Бердичев на усовершенствование к католическим миссионерам. Там он в течение двух лет, под надзором католического настоятеля, учился у музыковедов Рекуйльского и Марзовского¹. Вернувшись в Крым, он развернул широкую музыкально-педагогическую деятельность в Карасубазаре, Севастополе и Симферополе. Его примеру последовали и другие карасубазарские армяне, одно время славившиеся своими педагогами. Славой замечательных педагогов музыки пользовались, например, Оваким и Микаэл Узуняны, Габриел, Мелкон и Мартирос Налбандяны, Карапет Ханбекян, Хр. Кара-Мурза и др.²

При жизни А. Кахцацяна было напечатано лишь одно его музыкальное произведение — «Синопский марш», посвященный адмиралу Нахимову по случаю победы, одержанной над турецким флотом в Синопе. Марш впервые был исполнен под руководством самого автора в день, когда победоносный адмирал возвращался в Севастополь, где Кахцацян руководил военным оркестром. Последние годы жизни Кахцацян провел в Симферополе. Скончался он в 1856 г.

Своей исполнительской и педагогической деятельностью большую известность приобрел **Ованес Налбандян**. Родился в Симферополе в 1871 г. Первоначальное образование получил в местной армянской школе и одновременно учился играть на скрипке сначала у музыканта-любителя Маляна, затем — у Фиерковского. С одиннадцати лет Ов. Налбандян уже давал концерты в Симферополе, Феодосии и других городах Крыма. В 1886 г. он поступил в Петербургскую консерваторию, где ему оказали материальную помощь члены «Земляческого общества армянских студентов». Ов. Налбандяна поддерживал также ценитель его таланта, директор консерватории Рубинштейн, освободивший его от платы за обучение и назначивший ему стипендию. По

¹ «Բաղնիստիկ» 1881, стр. 42.

² Там же.

окончании консерватории его командировали в Берлин для усовершенствования своего мастерства¹.

С 1895 г. Ов. Налбандян вел педагогическую работу в Петербургской консерватории; с 1908 г. и до конца своей жизни он был ее профессором. У Ов. Налбандяна учились такие известные скрипачи, как Я. Хейфец, М. Эльман, Е. Цимбалист, П. Кетлин, А. Коган, И. Лукашевский и др.

Педагогическую работу Налбандян сочетал с деятельностью скрипача-исполнителя, принесшей ему всемирную известность. Его заграничные гастроли в 1911 и 1914 гг. получили самую высокую оценку общественности.

Ов. Налбандян находился в близких отношениях с Ал. Спендиаряном, с профессором Петербургской консерватории О. Калантаряном, Хр. Кара-Мурзой, Н. Айвазовским, Г. Башинджагяном и др. Он был постоянным участником мероприятий, проводимых армянскими студентами, часто давал концерты для армянской публики.

Ов. Налбандян сердечно приветствовал Октябрьскую революцию. В 1928 г., приехав в Ереван, он познакомился с консерваторией и своими советами помог ее становлению. Налбандян был заслуженным артистом РСФСР и заслуженным деятелем искусства. Он скончался в 1942 г. в Ташкенте, куда эвакуировался вместе с Ленинградской консерваторией.

В общих чертах мы представили лишь самых известных художников и композиторов, вышедших из среды крымских армян. Однако в Крыму работало и много других деятелей армянской культуры и науки, как, например, М. Гюмушханеци, М. Бжишкян, К. Кушнерян, Х. Степане, Е. Суренянц и другие, деятельность которых оставила свой неизгладимый след в истории таврических армян нового времени.

¹ Գ. Գևորգյան, *Հովհաննես Նալբանդյան, Երևան, 1962, էջ 44* (Г. Геворкян, Ованес Налбандян, Ереван, 1962, стр. 44). В работе Г. Геворкяна читатель найдет подробную биографию Ов. Налбандяна и характеристику его творческого пути.

Ознакомление с прошлым армянской колонии Крыма подтверждает известное положение о том, что история армянского народа на протяжении многих веков частью являлась также историей армянских переселений и колоний, разбросанных в различных странах.

Средневековый Крым был одним из тех мест, где нашло приют большое число армянских переселенцев. Помимо ряда обстоятельств, вынуждавших армян переселиться в Крым, полуостров открывал перед ними перспективу дальнейшего продолжения и укрепления политических, экономических и культурных связей, которые издавна существовали между армянским и русским народами и со славянским миром вообще. Более того, Крым являлся тем мостом, через который многие потоки армян-переселенцев переходили на запад, в основном на западноукраинские земли и, встретив там радужный прием со стороны украинского и русского населения, основали свои поселения.

Невзирая на произвол турецко-татарской феодальной верхушки, в армянской колонии Крыма получили заметное развитие торговля, ремесла, земледельческие занятия. Здесь своеобразно развивалась и культура поселенцев во многих ее проявлениях: архитектура, литература, искусство написания рукописей, миниатюра, отдельные отрасли наук и др.

Присоединение Крыма к России (1783 г.), событие, в осуществлении которого крымские армяне были кровно заинтересованы и которому они способствовали всеми своими силами и возможностями, создало для них новые условия политического, экономического и культурного развития. Привилегии и преимущества, дарованные поселенцам, в известной мере способствовали оживлению их экономической жизни.

Революционная борьба российского пролетариата, в числе других народов полуострова, огромное влияние оказывала и на армян. Трудящиеся массы именно с ней стали связывать свое будущее. Октябрьская революция принесла и им окончательную свободу.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая

Возникновение армянских поселений	3
---	---

Глава вторая

Внутренняя жизнь колонии	20
------------------------------------	----

Глава третья

Падение Каффы и таврические армяне	84
--	----

Глава четвертая

Культура крымских армян в средние века	111
--	-----

Глава пятая

Упадок и возрождение колонии	138
--	-----

Глава шестая

Правовое и экономическое положение крымских армян в XIX—XX вв.	161
---	-----

Глава седьмая

Общественно-культурное развитие	183
---	-----

Вардгес Александрович Микаелян

НА КРЫМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Редактор Ж. Г. Шахназарян
Художник А. С. Жамагорцян
Худ. редактор Д. Д. Саркисян
Тех. редактор К. Г. Саркисян
Контрольный корректор Г. Я. Арутюнян

Сдано в набор 13/II—1974 г. Подписано к печати 9/X—1974 г.

Бумага типографская № 1, 84×108¹/₃₂. Печ. 6,62 л.=11,13

услов. печ. л. Уч.-изд. 11,3 л.+4 вкл.

ВФ 08797. Заказ 288. Тираж 3000. Цена 51 к.

Издательство «Айастан», Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Полиграфкомбинат им. Акопа Мегаларта Госкомитета Совета
Министров Армянской ССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Ереван, ул. Теряна, 91.